Q
60
M85u
no.168

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М.В.ЛОМОНОСОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК 168

ТРУДЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

КНИГА СЕДЬМАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1954

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

Digitized by the Internet Archive
in 2014

https://archive.org/details/uchenyezapiski168mosk

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М. В. ЛОМОНОСОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК 168

ТРУДЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

КНИГА СЕДЬМАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1954

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Под редакцией

А. А. АСКЕРОВА

КРИГЕР Г. А.

О ПОНЯТИИ ХИЩЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПО СОВЕТСКОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

XIX съезд партии определил задачи, стоящие перед социалистическим государством и всем советским народом в период постепенного перехода от социализма к коммунизму. «Ныне главные задачи Коммунистической партии Советского Союза,— говорится в Уставе КПСС,— состоят в том, чтобы построить коммунистическое общество путём постепенного перехода от социализма к коммунизму, непрерывно повышать материальный и культурный уровень общества, воспитывать членов общества в духе интернационализма и установления братских связей с трудящимися всех стран, всемерно укреплять активную оборону Советской Родины от агрессивных действий её врагов».

В постановлениях сентябрьского и февральско-мартовского Пленумов ЦК КПСС намечена программа ускоренного развития всех отраслей сельского хозяйства и прежде всего зернового хозяйства. Ее осуществление даст возможность резко повысить материальное благосостояние трудящихся, сделать крупный шаг вперед по пути к коммунизму.

В выполнении этих задач важное значение имеет дальнейшее укрепление и развитие социалистической собственности, всемерная охрана ее от различного рода посягательств. Наиболее опасным посягательством на социалистическую собственность является хищение государственного и общественного имущества. Это преступление представляет собой одно из самых опасных проявлений пережитков капитализма в сознании отдельных лиц, так как оно выражает их паразитическое стремление обогатиться за счет чужого труда.

Охрана социалистической собственности — одна из функций нашего государства. Советская Конституция устанавливает, что лица, покушающиеся на социалистическую собственность,— враги народа. Советские люди рассматривают расхитителей социалистической собственности не только как врагов государства, но и как своих личных врагов.

Советское государство, постоянно борясь с хищениями государственного и общественного имущества, тем самым активно способствует развитию социалистического базиса, преодолению пережитков капитализма в сознании людей, воспитанию трудящихся в духе коммунистического отношения к труду, к социалистической собственности.

Большое значение в борьбе за укрепление, развитие и охрану социалистической собственности имеет все большее развертывание хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы социалистического государства, коммунистическое воспитание трудящихся в духе

морального отвращения к расхитителям народного добра. На первое место здесь выходит задача создать моральную атмосферу нетерпимости к хищениям социалистической собственности, которая исключила бы возможность воровства, делала бы невозможным существование воров и расхитителей народного добра. Это предполагает усилить воспитание трудящихся в духе укрепления социалистического правопорядка и социалистической законности.

Успехи социалистического строительства в СССР, упрочение советского общественного и государственного строя, повышение благосостояния и культурного уровня населения, рост сознательности граждан и их честное отношение к выполнению своего общественного долга привели к тому, что в нашей стране еще более укрепилась социалистическая законность и социалистический правопорядок, значительно сократилась преступность. Советское общество, как никогда, сплочено воедино, оно представляет собой тесно спаянную братскую семью строителей коммунизма. Исходя из этого, Президиум Верховного Совета СССР 27 марта 1953 г. в Указе «Об амнистии» постановил освободить от наказания лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности для государства, и своим добросовестным отношением к труду доказавших, что они могут вернуться к честной трудовой жизни и стать полезными членами общества.

Президиум Верховного Совета СССР признал также необходимым пересмотреть уголовное законодательство СССР и союзных республик в сторону замены уголовной ответственности за некоторые должностные, хозяйственные, бытовые и другие менее опасные преступления мерами административного и дисциплинарного порядка, а также смягчить уголовную ответственность за отдельные преступления. Пересмотр уголовного законодательства в таком направлении закономерен.

Однако в борьбе с преступностью и особенно с таким опасным преступлением, как хищение социалистической собственности, одних только мер убеждения недостаточно.

К тем, кто посягает на социалистическую собственность, кто не желает отказаться от паразитического образа жизни,— должны применяться и меры принуждения. Поэтому важное место в борьбе с хищениями социалистической собственности занимает советское уголовное право.

Уголовно-правовая борьба с хищениями социалистической собственности в нашей стране проводится на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Важнейшее значение и политический смысл Указа состоят в том, что он призван способствовать окончательному искоренению хищений социалистической собственности. Указ создал единое понятие хищения социалистической собственности, охватывающее все формы преступного приобретения государственного и общественного имущества, и одновременно усилил ответственность за это преступление в интересах осуществления решительной борьбы с ворами и расхитителями. Использование этого Указа органами правосудия может быть в полной мере эффективным лишь при условии правильного, отвечающего политическому смыслу Указа толкования всех понятий и формулировок, в нем содержащихся, что обеспечивает дальнейшее укрепление социалистической законности и точное направление репрессий против паразитических элементов, пытающихся поживиться за счет народного добра.

Вот почему чрезвычайно большое значение приобретает теоретиче-

ская разработка всех понятий, содержащихся в Указе, и в первую очередь общего понятия хищения социалистической собственности, определяющего основные признаки этого преступления и вскрывающего опасность такого рода посягательств на священную основу советского строя.

В. И. Ленин и И. В. Сталин неустанно указывали на необходимость решительной борьбы с хищениями социалистической собственности как наиболее опасным посягательством на экономическую основу Советского государства.

Термин «хищение» употребляется с первых декретов и законов социалистического государства (в УК РСФСР 1922 г. (ст. 180а), а затем в законе 7 августа 1932 г.).

Тем не менее советские правоведы до издания Указа от 4 июня 1947 г. мало занимались вопросами разработки общего понятия хищения социалистической собственности. Основное внимание уделялось исследованию и определению отдельных форм хищений. Лишь в последнее время ряд авторов сделал попытку сформулировать определение общего понятия хищения. К сожалению, до настоящего времени нет еще общепризнанного определения понятия хищения социалистической собственности.

Поэтому целесообразно обратиться прежде всего к краткому анализу основных элементов состава хищения государственного и общественного имущества, предусмотренного Указом от 4 июня 1947 г., чтобы в итоге исследования дать определение общего понятия хищения социалистической собственности.

* *
*

Важнейшее значение для раскрытия понятия хищения социалистической собственности имеет исследование вопроса об объекте этого преступления. Советское уголовное право, основываясь на марксистско-ленинском учении о государстве и праве, впервые дает научно правильное решение вопроса об объекте преступления.

Под понятием «объект» преступления в науке советского уголовного права принято подразумевать то, против чего направлено преступное посягательство и чему причиняется ущерб этим посягательством. Общим объектом преступления в условиях Советского социалистического государства являются социалистические общественные отношения.

Это положение закреплено уже в руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года, где указывалось, что преступление есть «действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений...» (ст. 6).

Подобно определяется понятие объекта преступления в последующем советском уголовном законодательстве. Позже это определение получает всеобщее признание в теории советского уголовного права. Так, например, проф. А. Н. Трайнин пишет, что «в марксистском понимании понятие объекта сомнений вызывать не может: объектом всякого посягательства являются общественные отношения, установленные в интересах господствующего класса. *Объектом преступления в системе социалистического уголовного права являются социалистические общественные отношения*»[1] (курсив наш.— *Г. К.*).

Но отдельными авторами были сделаны попытки дать иную трактовку

---

[1] А. Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву, М., 1951, стр. 175. См. также Н. И. Загородников. Понятие объекта преступления в советском уголовном праве, Труды ВЮА, вып. XIII, 1951, стр. 34; Б. С. Никифоров. Об объекте преступления, «Советское государство и право», 1948, № 9, стр. 35.

этого положения. Так, проф. А. А. Пионтковский в учебнике «Уголовное право», изд. 1948 г., полагает, что «общим объектом одновременно являются и социалистические общественные отношения и соответствующие правовые нормы...» (стр. 291).

Такая точка зрения не может быть признана правильной, ибо норма как таковая не несет и не может нести ущерба в результате преступного посягательства.

В последнее время В. Н. Кудрявцевым было высказано также мнение, что понятие общего объекта преступления по советскому уголовному праву неполно раскрывается термином «общественные отношения» и должно быть дополнено также термином «производительные силы общества», ибо «ряд преступлений посягает непосредственно на производительные силы страны социализма» [1].

Точка зрения В. Н. Кудрявцева ошибочна, так как она основана на смешении понятий объекта и предмета посягательства. Кудрявцев своим утверждением вступает в явное противоречие с марксистско-ленинским учением о базисе и надстройке и взаимодействии их друг с другом. Известно, что надстройка не связана непосредственно с производством и производительными силами общества, «она связана с производством лишь косвенно, через посредство экономики, через посредство базиса» [2].

Таким образом, советское уголовное право как часть правовой надстройки социалистического общества, охраняя экономические отношения социалистического базиса, тем самым охраняет производительные силы общества.

Политическое значение и степень общественной опасности посягательства, причиняющего тот или иной ущерб производительным силам общества, могут быть раскрыты лишь в связи с выяснением вопроса о том, какие социалистические общественные отношения и в какой степени нарушены данным посягательством.

Наряду с определением понятия общего объекта преступлений в советском уголовном праве общепризнано выделение понятий специального (родового) и непосредственного объектов преступления, первое из которых охватывает более или менее широкий круг однородных взаимосвязанных общественных отношений социалистического общества и определяет степень и характер общественной опасности целой группы преступлений, против него направленных, а второй — указывает на определенные общественные отношения, против которых непосредственно направлено данное конкретное преступное посягательство.

При этом следует отметить, что как специальный, так и непосредственный объекты, содержание которых раскрывается при анализе конкретных преступлений (или группы преступлений), не находятся в противоречии с общим объектом преступления — общественными отношениями, а, напротив, служат четким выражением отдельных общественных отношений социалистического государства, охраняемых уголовным законом.

На различии в специальных объектах посягательства построено деление всех преступлений по главам в особенной части советского уголовного кодекса, а на различии непосредственных объектов, как правило, основано деление по отдельным составам преступлений [3]. Отсюда ясно, какое

---

[1] «О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву», Труды ВЮА, вып. XIII, 1951, стр. 60.

[2] И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, М., Госполитиздат, 1954, стр. 11.

[3] В отдельных случаях специальные составы выделяются законодателем на основе иных признаков: характер причиняемого объекту ущерба, способ действия, субъект и т. д.

большое значение имеет определение как специального, так и непосредственного объектов для правильной политической оценки и квалификации преступления.

«Объект каждого преступления определяет собой весь характер данного преступления, дает ему специфическую физиономию, отличающую его от других преступлений» [1].

Значение специального и непосредственного объектов отмечает и Н. И. Загородников: «Объект преступления является одним из основных признаков преступления, обнаруживающих степень его общественной опасности. Содержание каждого преступления, его социальная опасность определяются прежде всего тем, на что направлено преступное действие. Поэтому степень общественной опасности того или иного преступления и определяемая в связи с ним мера наказания обусловливается прежде всего объектом преступления» [2].

Кроме объекта преступления, в науке советского уголовного права выделяется также *предмет* посягательства, на который обычно воздействует преступник, причиняя тем самым ущерб охраняемому уголовным законом объекту — социалистическим общественным отношениям. Предмет посягательства, которым могут быть самые различные вещи материального мира, зачастую в результате посягательства никакого ущерба не терпит.

Смешение объекта и предмета посягательства является серьезной ошибкой и обычно ведет к неправильной политической оценке преступления. Прав В. Н. Кудрявцев, когда он говорит, что «вопросы объекта преступления есть вопросы политики господствующего класса, устанавливающего охрану определенного круга базисных и надстроечных общественных отношений, соответствующих его интересам и задачам, и запрещающего некоторые отношения, как противоречащие его интересам. Предмет же преступления имеет подчиненное значение. Подмена объекта преступления предметом, ведущая к неправильной квалификации преступления, по существу принижает значение социалистических базисных и надстроечных отношений, служащих объектом охраны советского уголовного права, извращает правильную политическую перспективу по делу» [3].

Эти общие положения, разработанные теорией советского уголовного права на базе марксистско-ленинского учения, имеют большое значение для правильного решения вопроса об объекте и предмете посягательства при хищении государственного и общественного имущества.

При хищении государственного и общественного имущества, как это единодушно признается всеми авторами, специальным (родовым) объектом преступления являются отношения общественной социалистической собственности [4].

Общественная социалистическая собственность лежит в основе социалистического базиса, является наряду с социалистической системой хозяйства экономической основой советского строя (ст. 4 Конституции СССР 1936 г.).

---

[1] А. А. Пионтковский. Советское уголовное право, Особенная часть, М., 1928, стр. 21.

[2] Н. И. Загородников. Значение объекта преступления при определении меры наказания по советскому уголовному праву, Труды ВЮА, вып. X, 1949, стр. 46.

[3] В. Н. Кудрявцев. О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву, Труды ВЮА, вып. XIII, 1951, стр. 71.

[4] См. В. Д. Меньшагин, З. А. Вышинская. Советское уголовное право, М., 1950, стр. 219; «Советское уголовное право, Часть особенная», М., 1951, стр. 147; Б. С. Никифоров. Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву, М., 1952, стр. 28.

Социалистическая собственность в СССР имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, кооперативых объединений).

Две формы социалистической собственности определяют существование двух дружественных классов советского общества — рабочего класса и колхозного крестьянства.

Основные средства производства, перечисленные в ст. 6 Конституции СССР 1936 г., являются государственной социалистической собственностью — всенародным достоянием, так как они находятся в распоряжении всего советского народа в лице социалистического государства, которое выступает в качестве субъекта права государственной социалистической собственности. «Все государственные имущества,— указывает проф. А. В. Венедиктов,— в чьем бы ведении они ни находились, составляют единый фонд государственной социалистической собственности» [1].

Другая часть средств производства находится в распоряжении колхозов и иных кооперативных объединений трудящихся, т. е. в распоряжении коллектива трудящихся как единого целого, внутри которого нет разделения на лиц, обладающих и не обладающих средствами производства.

Социалистическая собственность в обеих ее формах неразрывно связана с основными принципами социалистического производства и распределения материальных ценностей, и она является той основой, на которой базируется осуществление этих принципов.

Социалистическая собственность на орудия и средства производства создает объективные условия для действия основного экономического закона социализма, существенные черты и требования которого заключаются в обеспечении максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники.

Социалистическая собственность на орудия и средства производства обусловливает тот факт, что у нас весь национальный доход принадлежит трудящимся. «В отличие от капиталистических стран,— указывает Г. М. Маленков в отчётном докладе ЦК ВКП(б) XIX съезду партии,— где больше половины национального дохода присваивается эксплуататорскими классами, в Советском Союзе весь национальный доход является достоянием трудящихся. Трудящиеся СССР получают для удовлетворения своих личных материальных и культурных потребностей около $^3/_4$ национального дохода, а остальная часть идет на расширение социалистического производства и на другие общегосударственные и общественные нужды» [2].

Советский народ — подлинный хозяин средств производства и всех производимых в нашей стране материальных благ — под руководством Коммунистической партии своим героическим трудом умножает социалистическую собственность.

Из года в год увеличивается фонд государственной и общественной собственности, расширяется производство, растет национальный доход, а следовательно, из года в год растет и доля национального дохода, поступающая в распоряжение трудящихся. В СССР осуществляется прин-

---

[1] А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность, М.—Л., 1948, стр. 4.

[2] Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 68.

цип социализма: «кто не работает, тот не ест», «от каждого по его способности, каждому по его труду».

Характерная особенность социалистического общества состоит в том, что в нем нет и не может быть паразитических классов; предполагается строжайший учет и контроль над мерой труда и мерой потребления; каждый член общества может получать материальные блага только за свой труд, в соответствии с его количеством и качеством.

Советское государство, Коммунистическая партия и весь советский народ кровно заинтересованы во всемерном развитии и укреплении социалистической собственности, в воспитании у каждого советского человека коммунистического отношения к труду и социалистической собственности, ибо это является предпосылкой дальнейшего роста экономического и политического могущества нашей Родины, предпосылкой дальнейшего подъема материально-культурного уровня жизни всех трудящихся, предпосылкой успешного продвижения нашей страны по пути построения коммунизма.

В соответствии с этим Советская Конституция провозглашает труд обязанностью и делом чести каждого советского человека и одновременно возлагает на каждого гражданина СССР обязанность беречь и укреплять социалистическую собственность, а лиц, покушающихся на социалистическую собственность, объявляет врагами народа.

Такими врагами прежде всего являются воры и расхитители государственного и общественного имущества. «...вор, расхищающий народное добро и подкапывающийся под интересы народного хозяйства,— указывает товарищ Сталин,— есть тот же шпион и предатель, если не хуже» [1]

Все это и обусловливает исключительно высокую степень общественной опасности хищений государственного и общественного имущества как посягательств, направленных против отношений социалистической собственности, в укреплении которых заинтересован каждый советский человек, и определяет место этих преступлений в системе особенной части советского уголовного кодекса непосредственно вслед за государственными преступлениями.

Что касается непосредственного объекта посягательства при хищении государственного и общественного имущества, установление которого имеет большое значение для квалификации конкретных преступлений, то следует отметить, что в этом вопросе до последнего времени в советской уголовно-правовой литературе имеются серьезные разногласия.

Так, Б. С. Никифоров полагает, что «социалистическая собственность, как групповой объект целого ряда преступлений, объединяет как истребление и повреждение государственного или общественного имущества, так и его хищение. Однако особое значение хищений социалистической собственности, в отличие от повреждения указанного имущества, определяется тем, что хищение имеет своим индивидуальным (непосредственным.— *Г. К.*) объектом установленный волей рабочего класса и всего советского народа социалистический порядок распределения материальных благ: «каждому — по его труду» [2].

Мы полагаем, что точка зрения Б. С. Никифорова относительно содержания непосредственного объекта при хищении государственного и общественного имущества является ошибочной и не может быть принята.

Под объектом посягательств нужно понимать те общественные отно-

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 136.

[2] Б. С. Никифоров. Об объекте преступления, «Советское государство и право», 1948, № 9, стр. 36.

шения, которым прежде всего *непосредственно* причиняется ущерб данным преступным посягательством. При хищении государственного или общественного имущества ущерб безусловно причиняется *непосредственно* социалистической собственности. «Допускать воровство и хищение общественной собственности,— всё равно, идет ли дело о собственности государственной или о собственности кооперативной и колхозной..,— указывает товарищ Сталин,— значит содействовать *подрыву Советского строя, опирающегося на общественную собственность, как на свою базу*» [1].

Если же мы признаем непосредственным объектом порядок распределения материальных благ в СССР, то получится, что хищения государственного и общественного имущества, являясь посягательствами на экономическую основу СССР, в то же самое время непосредственно причиняют ущерб не социалистической собственности, а отношениям по распределению материальных благ, которые являются всецело зависимыми, производными от форм собственности на средства производства.

Иными словами, признание непосредственным объектом только «распределения материальных благ» может привести, таким образом, к неправильному представлению о степени общественной опасности хищений государственного и общественного имущества — посягательств, направленных именно против экономической основы советского строя.

Довольно распространенной в советской уголовно-правовой литературе является точка зрения, согласно которой непосредственным объектом при хищении социалистической собственности является имущество. При этом одни авторы считают непосредственным объектом имущество в смысле отдельных вещей, предметов и т. п. [2], другие в смысле совокупности вещей — достояния [3].

Однако эти мнения не могут быть признаны правильными, так как в обоих случаях на место общественных отношений как объекта, охраняемого советским уголовным правом, ставятся предметы материального мира, не являющиеся общественными отношениями, т. е. происходит подмена *объекта* посягательства *предметом* посягательства. Деление на общий, специальный и непосредственный объекты, как было уже отмечено, предполагает уточнение вопроса в том, против каких именно *общественных отношений* непосредственно и прежде всего направлено данное преступное посягательство и, следовательно, каким *общественным отношениям* социалистического государства оно причиняет или может причинить ущерб.

В этом отношении признание непосредственным объектом посягательства вещи ничего не дает, так как сама вещь при хищении, как правило, никакого ущерба не терпит. Не меняет положения и признание непосредственным объектом имущества в смысле «достояния», ибо уменьшение достояния может произойти в результате самых различных посягательств и повлечь за собой нарушение различных общественных отношений.

Единственно правильным, как нам представляется, и на это прямо указывает закон, является признание непосредственным объектом посяг-

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 209 (курсив наш.— *Г. К.*).

[2] «Уголовное право», Общая часть, ВИЮН, М., 1948, стр. 291, 292; «Советское уголовное право», Часть особенная, М., 1951, стр. 147; В. Д. Меньшагин, З. А. Вышинская. Советское уголовное право, М., 1950, стр. 273; М. М. Исаев. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4/VI 1947 г., М., 1948, стр. 7, 21.

[3] Указанная точка зрения высказана А. Н. Васильевым, см. автореферат диссертации «Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества», М., 1952, стр. 9.

гательства при хищении социалистического имущества в одних случаях *государственной,* а в других случаях — *кооперативно-колхозной* социалистической собственности.

В зависимости от того, какое имущество похищено — государственное или общественное, всякий раз нарушаются отношения либо государственной социалистической собственности, либо отношения колхозно-кооперативной социалистической собственности.

Указ от 4 июня 1947 г., исходя из наличия в СССР двух форм социалистической собственности, устанавливает раздельную ответственность за посягательства на государственную собственность (ст. 1—2 Указа) и общественную собственность (ст. 3—4 Указа) и указывает тем самым на непосредственные объекты посягательства при хищении. Следовательно, для правильной квалификации хищения всякий раз необходимо установить, кому принадлежит право собственности на похищенное имущество — всему народу в лице государства или коллективам, группам трудящихся.

Проф. А. В. Венедиктов в работе «Государственная социалистическая собственность», исходя из марксистского понимания собственности, как общественно-производственного отношения, дает следующее определение права собственности: «...право собственности как право присвоения представляет собой право индивида или коллектива использовать средства и продукты производства именно своей властью и в своем интересе... на основе господствующей в данном обществе системы классовых отношений» [1]. Отдельные правомочия, признаваемые положительным правом за собственником (владение, пользование, распоряжение), проф. Венедиктов считает лишь средством осуществления собственником его права собственности [2].

В социалистическом государстве право собственности на орудия и средства производства принадлежит государству и кооперативно-колхозным организациям, т. е. они в соответствии с общественными интересами пользуются, владеют и распоряжаются средствами производства и всей произведенной продукцией.

В результате хищения государственного или общественного имущества соответственно государство или общественная организация лишаются возможности осуществлять в отношении похищенного имущества свое право собственности. Этим нарушаются отношения по распределению материальных благ по принципам социализма.

Таким образом, установление *принадлежности* похищенного имущества дает указание на непосредственный объект посягательства и определяет, как правило, квалификацию преступления по ст. ст. 1 или 2 Указа от 4 июня 1947 г., если имущество является государственной собственностью, и по ст. ст. 3 или 4 этого Указа, если имущество является общественной собственностью.

Насколько важно решение вопроса о принадлежности имущества, видно из определения Железнодорожной коллегии Верховного Суда СССР по делу Малолетнева от 2 сентября 1950 г. Коллегия отменила приговор суда по этому делу по следующим основаниям: «По делу не исследован *вопрос о принадлежности стола.* Показания в этой части мастера Гайнулина *не дают ясного ответа на вопрос о том, кому именно принадлежал похищенный стол:* лично Гайнулину или же вагонному депо

---

[1] А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность, М.—Л., 1948, стр. 39—42.

[2] Там же, стр. 39.

станции Агрыз, которое передало стол Гайнулину во временное пользование. Между тем от установления этого обстоятельства зависит квалификация действий лиц, виновных в хищении этого стола». Таким образом, только после установления, кому принадлежит похищенное имущество, можно определить непосредственный объект посягательства и правильно квалифицировать преступление.

В большинстве случаев установление принадлежности имущества, а следовательно, и установление непосредственного объекта посягательства не вызывает трудностей. Несмотря на это, судами иногда допускаются ошибки. Главным образом это бывает в тех случаях, когда государственное или общественное имущество не находится во владении или ведении непосредственного собственника, а правомерно или неправомерно находится во владении или ведении частных или должностных лиц. Приговором Военного Трибунала Карагандинской железной дороги, вынесенным 7 августа 1947 г., Поляков был осужден по ст. 1 Указа «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Поляков был признан виновным в том, что 8 июля 1947 г. он на станции Караганда-Угольная во время стоянки пассажирского поезда похитил у младшего лейтенанта Елизарова из кобуры пистолет системы ТТ. Железнодорожная коллегия Верховного Суда СССР своим определением от 24 сентября 1947 г., вынесенным по кассационной жалобе осужденного, признала обвинение Полякова доказанным, вместе с тем переквалифицировала его действия на ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», мотивируя тем, что хищение было совершено Поляковым у частного лица. Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 25 июня 1948 г. указал: «Мотивы коллегии не являются основательными, так как пистолет, похищенный у мл. лейтенанта Елизарова, является не личной его собственностью, а государственной собственностью и находится у Елизарова на вооружении во время военной службы, как у офицера Советской Армии» [1].

Подобные ошибки являются следствием недопонимания природы социалистической собственности (всенародного достояния), единственным субъектом права которой является советский народ в лице социалистического государства. Владение является только одним из средств осуществления права собственности.

Государство как единый и единственный субъект права государственной социалистической собственности может владеть имуществом только через свои органы, которым государственные имущества переданы в оперативное управление. Государственные органы могут передавать имущество частным или должностным лицам для определенных целей; государственное имущество может попасть к частным лицам и неправомерным путем. Однако *собственником этого имущества во всех случаях продолжает оставаться государство.* «Выход государственного имущества из владения того или другого государственного органа не может привести к прекращению государственной собственности» [2].

То же самое можно сказать и в отношении общественной собственности. Следовательно, фактическое владение имуществом не всегда является достаточным признаком принадлежности этого имущества; это всегда должно учитываться судом при квалификации хищений по Указу от 4 июня 1947 г.

---

[1] См. «Судебная практика», 1949, № 12, стр. 12, дело Балабанова и Крутых.
[2] «Советское гражданское право для вузов», т. I, М., 1950, стр. 300.

По Указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» должно квалифицироваться хищение имущества, хотя и являющегося личной собственностью граждан, но вверенного государственной или общественной организации на хранение, для перевозки и т. п. с условием материальной ответственности последних за сохранность этого имущества. Основанием для такой квалификации является то, что ущерб в данном случае фактически причиняется государственной или кооперативно-колхозной собственности, ибо организация, которой было вверено имущество, обязана возместить собственнику стоимость похищенного имущества [1].

Предметом посягательства при хищении социалистической собственности является имущество, принадлежащее государству или общественной организации. Таким имуществом могут быть деньги, товары, продукты и другие предметы материального мира, имеющие объективно хозяйственную или какую-либо иную ценность для социалистического государства или общественной организации. Под имуществом следует также понимать различные бумаги и документы, на основании которых преступником могут быть получены в государственной или общественной организации те или иные материальные ценности.

Однако не всякое имущество, являющееся социалистической собственностью, может быть предметом хищения в смысле применения Указа от 4 июня 1947 г.

В условиях социалистического государства земля, ее недра, воды, леса, фабрики, заводы, железные дороги и другие виды имущества, являющиеся основными средствами производства, не могут быть похищены как таковые, а поэтому, естественно, они не могут быть и предметом хищения. Согласно действующему уголовному законодательству, не являются предметом хищения в смысле применения Указа от 4 июня 1947 г. такие виды имущества, как ископаемые недр земли, дикорастущие деревья, вода в хранилищах, рыба в водоемах, дичь в лесу, электроэнергия и др. Наказание за преступное приобретение этих видов имущества определяется по специальным статьям УК РСФСР и УК других союзных республик (ст. ст. 87, 85, 86, 163 УК РСФСР).

А. Н. Васильев, пытаясь установить виды имущества, могущие быть предметом хищения в смысле возможности применения Указа от 4 июня 1947 г., пишет: «Похищенное имущество должно иметь *товарный* характер, находиться в обращении, иметь денежную оценку, быть способным переходить от одного собственника к другому, т. е. быть личной собственностью (ст. ст. 7, 9, 10 Конституции СССР)» [2]. Такое толкование понятия предмета хищения, на наш взгляд, следует признать ошибочным. Согласившись с А. Н. Васильевым, пришлось бы отказаться от применения Указа от 4 июня 1947 г. к случаям хищений различных видов имущества, хотя изъятых из оборота и не имеющих товарного характера, но безусловно могущих быть предметом хищения в смысле применения Указа от 4 июня 1947 г.,— например, золото в слитках, оружие, яды и т. п. [3].

---

[1] См. «Судебная практика», 1949, № 11, стр. 17—18, дело Летиной; 1949, № 11, стр. 18, дело Романова.

[2] А. Н. Васильев. Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества, автореферат, М., 1952, стр. 10.

[3] Ошибочность точки зрения А. Н. Васильева подтверждается тем, например, что хищение оружия до издания Указа от 4 июня 1947 г. признавалось одним из наиболее опасных видов хищений социалистической собственности именно по предмету хищения (см. ст. ст. 59-3-а, 166-а УК РСФСР). Эти статьи, как известно, поглощены Указом от 4 июня 1947 г.

Мы полагаем, что предметом хищения, в смысле возможности применения Указа от 4 июня 1947 г., может быть любое государственное или общественное имущество, за исключением тех видов имущества, ответственность за преступное приобретение которых предусмотрена специальными статьями уголовного законодательства.

* *
*

Большое значение для определения понятия хищения социалистической собственности по Указу от 4 июня 1947 г. имеет точное установление объективной стороны состава этого преступления, т. е. выяснение характера и содержания действия (в уголовно-правовом смысле) и общественно-опасных последствий, которые наступают или могут наступить в результате этого действия.

Характерной особенностью объективной стороны состава хищения социалистической собственности является то, что способы действия виновного и обусловленные этим формы хищений могут быть самыми разнообразными. Согласно Указу от 4 июня 1947 г., кража, присвоение, растрата или иное хищение государственного и общественного имущества образует состав хищения социалистической собственности. Однако при всем многообразии возможных форм хищения содержанием действия виновного всегда является преступное приобретение им государственного или общественного имущества и последующее распоряжение этим имуществом, как своим собственным.

Такое определение содержания действия расхитителя дается рядом авторов [1], и оно представляется нам наиболее удачным, так как охватывает случаи совершения хищения социалистической собственности самыми различными способами и вместе с тем правильно отражает сущность этого преступного посягательства. Менее удачными являются определения действия при хищении как преступного завладения, присвоения, изъятия и т. п., так как этими терминами в советском уголовном праве обычно принято именовать способы действия при отдельных формах хищений (краже, присвоении, растрате и т. п.).

В судебной практике, а также в уголовно-правовой литературе содержание действия расхитителя довольно часто определяется еще как *обращение преступником социалистического имущества* в свою собственность.

Однако с этим определением нельзя согласиться, ибо, приняв его, мы тем самым как бы признаем, что преступник, совершив хищение, становится собственником социалистического имущества. В действительности же преступник никогда не становится и не может стать собственником похищенного социалистического имущества, так как способ приобретения имущества *противозаконный*. В социалистическом государстве личная собственность является производной от социалистической собственности и с ней неразрывно связана, но право личной собственности может возникнуть только в результате законного способа приобретения имущества, причем основным источником личной собственности граждан СССР является их труд в государственных, колхозно-кооперативных и общественных организациях. При хищении, наоборот, способ приобретения имущества противоречит социалистическим принципам распределения материальных благ, и поэтому собственником похищенного имущества вор ни

---

[1] См. М. М. Исаев. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г., 1948, стр. 8; З. А. Вышинская. Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества, М., 1948, стр. 10.

в коем случае не может быть признан. Тем не менее выражение «обращение в свою собственность» употребляется не только в судебной практике, но и в литературе без всяких оговорок. Это вызвано, видимо, пониманием права собственности только как права владения, пользования и распоряжения имуществом.

Но, как было уже отмечено, эти правомочия собственника являются только средством осуществления его права собственности. При хищении собственник лишается сразу всех трех правомочий, но права собственности не теряет, как и не приобретает его преступник, противозаконно осуществляющий владение, пользование и распоряжение имуществом.

Определяя содержание действия при хищении социалистической собственности, следует считать, что лицо преступно приобретает социалистическое имущество, но собственником его не становится, а только распоряжается им, как своей собственностью, к чему он и стремится.

Последствием такого действия, как необходимым элементом состава хищения государственного и общественного имущества, является нарушение отношений социалистической собственности и неразрывно связанных с ними отношений по производству и распределению материальных благ в СССР.

В результате хищения имущества, принадлежащего государственной или общественной организации, им наносится определенный имущественный ущерб.

Одновременно расхититель, преступно приобретая социалистическое имущество и распоряжаясь им, как своим собственным, нарушает тем самым принцип социализма по распределению материальных благ — «от каждого по способности, каждому по труду» — и получает возможность паразитически существовать сам или дает возможность это сделать другим.

Наступление именно таких последствий в результате преступных действий является неотъемлемым признаком хищения социалистической собственности. Посягательство такого характера на социалистическую собственность, как было уже отмечено, представляет большую опасность для социалистического государства, особенно в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму, чем и было обусловлено издание Указа от 4 июня 1947 г., объединившего все формы преступного приобретения социалистического имущества в единый состав хищения, с одновременным усилением ответственности за это преступление.

Правильно отмечает проф. А. Н. Трайнин, что «Указ от 4 июня 1947 г. к понятию «хищения социалистической собственности» одинаково относит и кражу, и грабеж, и растрату, и мошенничество, и корыстное злоупотребление властью: ценность объекта — социалистическая собственность — нейтрализует различие в способах действия» [1].

Однако это вовсе не означает, что способ действия преступника при хищении социалистической собственности не имеет никакого значения. В. И. Ленин подчеркивал: «...по каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей,— а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: *общественные действия* личностей, т. е. *социальные факты*» [2].

---

[1] А. Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву, М., 1951, стр. 182.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 385.

Следовательно, изучение способов действия расхитителя является необходимым условием для выявления сущности преступного посягательства и определения таким образом социальной опасности субъекта. «Хотя способ не является решающим признаком хищения, однако не следует преуменьшать его значения, как внешнего выражения преступного действия. Различение способов хищения необходимо, во-первых, для распознавания хищений; во-вторых, для отграничения хищений от смежных преступлений; в-третьих, для решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности в связи с возрастными условиями; в-четвертых, для индивидуализации наказания; в-пятых, для изучения механизма хищений в целях наиболее успешной борьбы с ними» [1]. К этому следует еще добавить, что в зависимости от того, каким способом совершается хищение, решается и вопрос о моменте, с которого следует считать хищение оконченным.

Так, кража считается оконченной с момента завладения расхитителем государственным или общественным имуществом [2]. Присвоение считается оконченным с момента невозвращения имущества в срок, установленный законом либо предусмотренный в конкретных случаях. Растрата считается оконченной с момента, когда имущество истрачено, издержано виновным в своих интересах или интересах третьих лиц.

Все это обязывает суды в каждом случае тщательно исследовать все обстоятельства дела и точно установить способ совершения хищения. На необходимость этого неоднократно указывалось судам Пленумом Верховного Суда СССР в ряде руководящих постановлений. Так, в постановлении от 28 июля 1950 г. за № 13(9)У указывается на недопустимость такого положения, когда «вместо указания фактов и способов хищения, суды ограничиваются неопределенным указанием на имевшее место «разбазаривание» имущества, вследствие чего не может быть правильно разрешен вопрос о виновности лица и не может быть дана необходимая юридическая квалификация».

Тщательного изучения всех обстоятельств дела и точного установления способов хищения требует также постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28 мая 1954 г. за № 5 «О судебной практике по применению Указа от 4/VI 1947 г.». Это постановление также обязывает суды выяснять причины хищения, выявлять виновных в плохой постановке учета и охраны социалистического имущества и привлекать их к ответственности. Суды должны частными определениями доводить до сведения соответствующие органы о выявленных недостатках в целях их устранения.

Не останавливаясь на подробном анализе и описании способов действия расхитителя в каждом случае, отметим только, что наиболее распространенными формами хищения являются кража, присвоение, растрата, хищение, совершаемое путем злоупотребления служебным положением, хищение, совершаемое путем подлогов, мошенничество и другие. Все эти формы хищения отличаются одна от другой способом действия, и описание их дано в соответствующих статьях УК РСФСР и УК других союзных республик.

Для ряда форм хищений, например, кражи, разбоя и других, которые обычно называются *похищением,* характерной особенностью способа

---

[1] А. Н. Васильев. Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества, автореферат диссертации, М., 1952.

[2] См. В. Д. Меньшагин, З. А. Вышинская. Советское уголовное право, М., 1950, стр. 340; «Социалистическая законность», 1948, № 6, стр. 61.

действия преступника является противозаконное изъятие социалистического имущества из ведения государственных или общественных организаций или из ведения должностных лиц и отдельных граждан, у которых это имущество находилось по каким-либо основаниям. При таком способе хищения характер посягательства обычно бывает настолько очевиден, что квалификация случаев похищения (кражи, разбоя и др.) социалистического имущества по Указу от 4 июня 1947 г. не вызывает в судебной практике никаких сомнений.

Сложнее устанавливать характер посягательства, когда хищение совершается путем присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением, мошенничества и т. п.

При квалификации хищений государственного и общественного имущества, совершенных такими способами, в судебной практике иногда встречаются еще ошибки в результате того, что не всегда правильно раскрывается характер преступного посягательства. Суды не всегда учитывают, что для хищения социалистической собственности с объективной стороны необходимо установить факт причинения государственной или общественной организации имущественного ущерба и факт преступного безвозмездного приобретения виновным социалистического имущества с целью распорядиться им, как своей собственностью. Наличие этих двух признаков, независимо от того, каковы способы и формы действия лица, образует состав хищения и обязывает суд квалифицировать преступление по Указу от 4 июня 1947 г.

Однако в некоторых случаях суды действия должностных лиц, выразившиеся в присвоении государственного или общественного имущества путем злоупотребления своим служебным положением, неправильно квалифицируют по ст. 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, а не по Указу от 4 июня 1947 г., что приводит к неправильной оценке совершенного преступления и необоснованному смягчению ответственности расхитителей социалистической собственности.

Нет также единства в квалификации преступных действий, связанных с незаконным получением пенсий, пособий, надбавок за выслугу лет и т. д. путем представления фиктивных документов, а также действий, выразившихся в уклонении от уплаты налогов путем представления фиктивных документов.

В ряде случаев по делам, связанным с недостачей у должностных лиц вверенного им государственного или общественного имущества, не исследуются причины, повлекшие недостачу, и не выясняется с должной полнотой, являлась ли недостача результатом хищения или она последовала по другим причинам. В результате расхитители иногда признаются виновными в халатности и не несут ответственности по Указу от 4 июня 1947 г. С другой стороны, это ведет в ряде случаев к осуждению за хищение при отсутствии присвоения.

Такого рода ошибки в судебной практике связаны с неправильным пониманием отдельными судами характера и сущности преступного посягательства при хищении социалистической собственности и недооценкой общественной опасности этих преступлений. Поэтому в постановлении Пленума Верховного Суда от 28 мая 1954 г. указывается: «Исходя из того, что борьба с хищениями социалистической собственности является одной из основных задач советского правосудия, суды должны и в дальнейшем строго проводить в жизнь Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

«Обратить внимание судов, что при разрешении вопроса о квалификации преступления по делам о хищениях они должны исходить из того, что по смыслу Указа от 4 июня 1947 г. умышленное незаконное обращение в свою собственность государственного и общественного имущества, независимо от форм и способов его совершения, должно рассматриваться как хищение.

Злоупотребление служебным положением должно квалифицироваться по Указу от 4 июня 1947 г. лишь в тех случаях, когда должностное лицо использует свое служебное положение для незаконного обращения государственного и общественного имущества в свою собственность, либо для незаконной передачи его с корыстной целью в собственность других лиц.

Как хищение должно квалифицироваться умышленное незаконное получение от государственных или общественных организаций премий, надбавок к заработной плате и других выплат при помощи представленных с этой целью заведомо фиктивных документов.

Представление подложных квитанций или иных фиктивных документов с целью освобождения от налогов, обязательных поставок и других повинностей должно квалифицироваться по ст. 72 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик».

Таким образом, к какому бы способу действия ни прибег расхититель, поскольку содержанием этого действия является преступное безвозмездное приобретение социалистического имущества с целью распорядиться им, как своей собственностью, что повлекло за собой причинение имущественного ущерба государственной или общественной организации,— налицо будет хищение социалистической собственности, караемое по Указу от 4 июня 1947 г.

Вместе с тем не будет состава хищения социалистической собственности, если имеется лишь недостача имущества, вверенного лицу, но нет преступного приобретения этого имущества виновным.

Не будет состава хищения, предусмотренного Указом от 4 июня 1947 г., в тех случаях, когда лицо извлекает материальную выгоду, причиняя одновременно материальный ущерб государственной или общественной организации, но не путем преступного приобретения имущества, уже являющегося социалистической собственностью, а путем мошеннического уклонения от передачи того или иного имущества, предназначенного для поступления в фонд государственной или общественной собственности.

Правильно писал А. Н. Васильев по этому поводу, что «поскольку в Указе от 4 июня 1947 г. говорится о хищении имущества *государственного и общественного,* закон, несомненно, имеет в виду, что это имущество *уже составляет собственность* государства или общественных организаций в момент хищения» [1]. На этом основании, как мы полагаем, Пленум Верховного Суда СССР в упомянутом постановлении от 28 мая 1954 г. дал судам указание: «В частичное изменение постановления Пленума Верховного Суда СССР от 22 августа 1947 г. указать судам, что мошеннические действия, причинившие ущерб государственным или общественным учреждениям, предприятиям или организациям, подлежат классификации по ч. 2 ст. 169 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, если они не соединены с хищением государственного или общественного имущества».

---

[1] А. Н. Васильев. О понятии хищения социалистической собственности, «Советское государство и право», 1951, № 2, стр. 34.

* *
*

С субъективной стороны хищение социалистической собственности, в какой бы форме оно ни совершилось, всегда предполагает наличие у виновного *прямого умысла,* направленного на преступное безвозмездное приобретение государственного или общественного имущества с *целью распорядиться им, как своей собственностью.* Это значит, что расхититель сознает, что похищаемое им имущество является собственностью государства или общественной организации, сознает, что совершаемое им деяние представляет собой преступное приобретение этого имущества и тем не менее активно направляет свою волю к тому, чтобы овладеть имуществом и распорядиться им, как своей собственностью.

Такое преступное направление воли — это наиболее яркий и характерный признак умысла при хищении социалистической собственности.

Отсюда вытекает, что в тех случаях, когда у лица отсутствует сознание, что похищенное имущество является *государственной или общественной* собственностью, или отсутствует сознание *преступности* приобретения государственного или общественного имущества, нельзя квалифицировать эти преступные действия как *хищение социалистической собственности* по Указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Эти положения являются общепризнанными как в теории советского уголовного права, так и в судебной практике.

Однако сознание лицом преступности приобретения государственного или общественного имущества еще не исчерпывает содержания умысла при хищении социалистической собственности. Характерной особенностью умысла при хищении, как было отмечено, является наличие у преступника *цели* распорядиться похищенным имуществом, как своей собственностью. Эта цель придает специфическую окраску умыслу субъекта при хищении, говорит о направленности его действия, обусловливает в конечном итоге характер совершенного им преступления.

Выяснение цели преступного приобретения государственного или общественного имущества дает возможность провести разграничение между хищением и целым рядом смежных преступлений, которые иногда по внешнему виду сходны с хищением. Так, например, в определении Железнодорожной коллегии Верховного Суда СССР от 26 апреля 1949 г. указывается: «Необходимо отличить хищение государственных средств, предполагающее незаконное их обращение в свою собственность (т. е. преступное приобретение с *целью распорядиться, как своей собственностью.— Г. К.*), от расходования их на *служебные цели* с нарушением установленных правил, что содержит состав служебного злоупотребления»[1] (курсив наш.— *Г. К.*). В другом определении Уголовно-судебной коллегии Верховного Суда СССР указывается: «Самовольное изъятие чужого имущества с целью *осуществления действительного* или *предполагаемого права на это имущество* должно квалифицироваться не как хищение, а как самоуправство»[2] (курсив наш.— *Г. К.*).

Очень часто в теории советского уголовного права и в судебной практике отождествляют цель «распорядиться похищенным имуществом, как своей собственностью», с корыстной целью. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 сентября 1947 г. подчеркивало, что хищение «всегда предполагает корыстные мотивы, т. е. изъятие имущества с целью

---

[1] «Судебная практика», 1949, № 8, стр. 17.
[2] «Судебная практика», 1949, № 5, стр. 20.

обращения его в свою собственность». Ссылаясь на это постановление, проф. М. М. Исаев прямо писал, что «хищение является корыстным преступлением» [1]. В ряде других постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР можно также найти указания на корыстную цель, как на характерный признак субъективной стороны состава хищения социалистической собственности. И это, конечно, не является случайностью, ибо, как правильно отмечает А. Н. Васильев, «...по общему правилу, преступник, совершая хищение, извлекает материальную выгоду *для себя,* в своих *личных* корыстных интересах... И практически и логически смысл хищения в том и заключается, что преступник, не желая честно трудиться, посягает на социалистическую собственность» [2]. Однако это вовсе не означает, что корыстная цель является *всегда* необходимым признаком субъективной стороны состава хищения социалистической собственности, т. е. что цель «распорядиться похищенным, как своей собственностью», целиком и полностью сводится только к корыстной цели.

Совершенно правильно, на наш взгляд, Б. С. Никифоров в своей работе «Обязательна ли корыстная цель при хищении?» утверждает, что было бы «целесообразным полностью отказаться от трактовки корыстной цели в качестве необходимого признака хищения. Объекту этого преступления — собственности — соответствует цель субъекта — обратить имущество, принадлежащее на праве собственности другому лицу, против действительной воли и не в интересах этого последнего, в свою собственность. Достижением этой цели определяется основное содержание хищения и опасность этого преступления для советского социалистического правопорядка, особенно в тех случаях, когда речь идет о преступных посягательствах на государственное или общественное имущество» [3].

Действительно, признание корыстной цели необходимым признаком при хищении не сможет полностью оградить от посягательств охраняемый объект — социалистическую собственность, так как иногда преступник, совершая хищение, не извлекает сам материальной выгоды, а предоставляет возможность сделать это другим лицам, будучи даже сам корыстно в этом и незаинтересованным. Социалистическая собственность и в этих случаях терпит не меньший ущерб, так как имеется и причинение материального ущерба государству или общественной организации, и нарушение социалистических принципов распределения. Поэтому признание корыстной цели непременным признаком хищения могло бы привести к ослаблению борьбы с хищениями социалистической собственности.

Совершенно очевидно, что общественная опасность хищения не может быть признана меньшей и тем более не может измениться характер этого посягательства лишь потому только, что не сам лично расхититель, а другие лица, которым он передал похищенное имущество, по тем или иным мотивам получают возможность уклониться от честного труда и вести паразитический образ жизни. Учитывая это обстоятельство, правильность которого не может вызывать сомнений, некоторые пытаются истолковать понятие корыстной цели не только как стремление преступника к личной наживе, а как его стремление обогатиться за счет социалистической собственности самому *или предоставить такую возможность другим* и, таким образом, корыстную цель все же приравнять к «цели распорядиться похи-

---

[1] М. М. Исаев. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г., М., 1948, стр. 10.

[2] А. Н. Васильев. О понятии хищения социалистической собственности, «Советское государство и право», 1951, № 2, стр. 34.

[3] «Советское государство и право», 1949, № 10, стр. 26.

щенным имуществом, как своей собственностью». Однако такое толкование «корысти» представляется нам искусственным. В русском языке «корысть» или «корыстолюбие» понимается как «стремление к наживе, жадность к деньгам» [1], что трудно совместить со стремлением лица предоставить возможность обогатиться другим без извлечения для себя материальной выгоды.

Так как большей частью хищения совершаются в целях извлечь материальную выгоду именно для себя, в практике Верховного Суда СССР, как мы уже отмечали, встречаются указания на корыстную цель, как на *характерный* признак субъективной стороны состава хищения.

Но это отнюдь не означает, что судебная практика считает корыстную цель *обязательным* признаком хищения. В целом ряде случаев преступного приобретения и передачи социалистического имущества третьим лицам без извлечения какой-либо материальной выгоды виновным, действия последнего рассматривались как хищение. «Незаконная безвозмездная передача должностным лицом вверенного ему государственного имущества в собственность другому лицу,— указывалось в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 23 июня 1950 года по делу Лаврентьева,— должна квалифицироваться по Указу от 4 июня 1947 г., хотя бы передающий и не действовал из корыстных соображений» [2]. В другом случае, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР по делу Лучникова и других отмечалось: «Хищение государственного имущества в интересах одного из членов группы должно квалифицироваться в отношении всех участников группы по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г.» [3].

Таким образом, *цель* «распорядиться похищенным имуществом, как своей собственностью», шире корыстной цели и представляет собой стремление использовать похищенное имущество в своем интересе; цель обращения с имуществом так, как если бы преступник, например, приобрел это имущество законным путем. Обращаясь с похищенным социалистическим имуществом, как со своим собственным, преступник может осуществлять любое из правомочий собственника (владение, пользование, распоряжение), однако делает он это не властью и не в интересах собственника (социалистического государства или общественной организации), а своей властью и в своем интересе, нарушая тем самым общественные отношения социалистической собственности и неразрывно с ними связанные отношения по распределению материальных благ в нашей стране. Внешне это выглядит как постановление несобственника на место собственника и осуществление первым таких действий, которые может совершить только собственник — отсюда и выражение «обращение социалистического имущества в свою собственность», так широко распространенное в судебной практике, но не являющееся, как мы указывали, вполне точным. Как именно распоряжается преступник похищенным имуществом, не может иметь значения для решения вопроса о наличии или отсутствии состава хищения. Использование похищенного в своих корыстных интересах, передача другим лицам, уничтожение [4] и всякое другое использование имущества могут служить только обстоятельством, влияющим на

---

[1] См. Толковый словарь русского языка, под ред. Ушакова, т. I, М., 1934, стб. 1480.

[2] «Судебная практика», 1950. № 9, стр. 5—6; см. также дело Гинчука, 1949, № 12, стр. 12; дело Лебедева, 1949, № 6, стр. 3.

[3] «Судебная практика», 1950, № 7, стр. 7. См. там же дело Лаптевой, 1951, № 6, стр. 6; дело Лебедева, 1949, № 6, стр. 1; дело Спортесного, 1949, № 8, стр. 15 и др.

[4] Здесь не имеется в виду уничтожение с контрреволюционным умыслом.

размер наказания в пределах санкций соответствующих статей Указа от 4 июня 1947 г.

Совершенно правильно указывалось в определении Водно-транспортной коллегии Верховного Суда СССР от 19 января 1949 г. по делу Образцова, что хищение государственного или общественного имущества, согласно Указу от 4 июня 1947 г., «карается независимо от способов хищения и цели *последующего использования похищенного*»[1] (курсив наш.— *Г. К.*).

* *
*

Субъектом преступления при хищении государственного и общественного имущества являются лица, которые, имея в условиях социалистического государства все возможности принять участие в общественном производстве и управлении, имея все возможности избавиться от пережитков капитализма в своем сознании и быть активными строителями коммунизма, не желают этого сделать и встают на путь преступного обогащения за счет народного достояния.

Весь советский народ, вдохновленный величественной программой строительства коммунизма и охваченный небывалым трудовым героизмом, с величайшим презрением относится к подобного рода паразитическим элементам.

Вот почему Советская Конституция и объявляет лиц, покушающихся на священную и неприкосновенную основу советского строя — социалистическую собственность, врагами народа, а советский уголовный закон сурово карает воров и расхитителей народного добра.

Уголовную ответственность по Указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» может нести любое вменяемое физическое лицо, достигшее 14-летнего возраста. При совершении хищения путем кражи или разбоя, согласно закону от 7 апреля 1935 г., могут быть привлечены к уголовной ответственности по Указу от 4 июня 1947 г. подростки, начиная с 12-летнего возраста. Однако во всех случаях совершения подростками (от 12 до 16 лет) хищений суд должен подходить к ним с особым вниманием и руководствоваться при рассмотрении таких дел специально изданным Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 17 февраля 1948 г. «О применении Указов от 4 июня 1947 г. в отношении несовершеннолетних». Пленум напомнил судебным органам, что с изданием Указов от 4 июня 1947 г. не утратили силы предыдущие законодательные акты об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством, и указал, что в соответствии с этими постановлениями суды по делам о незначительных хищениях, совершаемых несовершеннолетними в возрасте от 12 до 16 лет, должны ставить на свое обсуждение вопрос о прекращении дела в уголовном порядке за нецелесообразностью применения мер уголовного наказания и о направлении обвиняемых в трудовые воспитательные колонии, либо, в зависимости от обстоятельств дела,— о передаче обвиняемого на попечение родителей или опекунов.

В постановлении Пленума от 17 февраля 1948 г. совершенно правильно указывается, что такой подход обусловлен социально-политическим смыслом самого Указа от 4 июня 1947 г., направленного на борьбу с социально-опасными паразитическими элементами, сознательно вставшими на путь расхищения народного добра с целью уклонения от честной трудовой жизни.

---

[1] «Судебная практика», 1949, № 3, стр. 17.

Иное дело «когда речь идет о детях и подростках в возрасте от 12 до 16 лет, которые по самому своему возрасту еще не приступили или только приступают к трудовой деятельности, отдельные случаи воровства не могут еще обычно рассматриваться как проявление паразитических стремлений, как стремление уклониться от общественно-полезной трудовой деятельности».

* *
*

На основании вышеизложенного нам представляется возможным дать следующее определение понятия хищения социалистической собственности по Указу от 4 июня 1947 г.:

Хищение социалистической собственности представляет собой такое посягательство на экономическую основу советского строя, которое заключается в преступном безвозмездном приобретении государственного и общественного имущества с целью распорядиться им, как своей собственностью.

ЛЕОНТЬЕВ Б. М.

ЛИЦА, ОТВЕТСТВЕННЫЕ ЗА ВЫПУСК НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

Промышленность нашей Родины оснащена самой передовой техникой и имеет все необходимые условия для производства и выпуска продукции только высокого качества.

Наша страна вступила в новую, пятую пятилетку. «Пятый пятилетний план,— говорится в директивах XIX съезда партии,— определяет новый мощный подъём народного хозяйства СССР и обеспечивает дальнейший значительный рост материального благосостояния и культурного уровня народа» [1].

Для успешного выполнения задач, поставленных XIX съездом партии, необходимо, чтобы наша промышленность из года в год увеличивала объем продукции и выпускала продукцию только высокого качества. Постановления Совета Министров и ЦК КПСС «О расширении производства продовольственных товаров и улучшении их качества» и «О расширении производства промышленных товаров широкого потребления и улучшении их качества» особо отмечают необходимость борьбы за лучшее качество продукции, выпускаемой нашей промышленностью.

Всей системой хозяйственных и культурных мероприятий, механизацией производства, улучшением технологического процесса, подготовкой высококвалифицированных специалистов социалистическое государство обеспечивает выпуск отечественной промышленностью продукции высокого качества.

За последнее время партия и правительство осуществили ряд организационных мероприятий в области улучшения государственного и хозяйственного руководства. Все эти мероприятия направлены на дальнейшее улучшение руководства всей хозяйственной деятельностью нашего государства, укреплению связей между предприятиями родственных отраслей промышленности. Ныне особое значение имеет функция хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы Советского государства. Советские люди своим самоотверженным трудом умножают мощь страны социализма, отдавая все свои силы великой цели построения коммунизма. В нашей стране неуклонно растет материальное благосостояние советских людей. Забота о максимальном удовлетворении постоянно растущих материальных и культурных потребностей трудящихся является высшим законом всей деятельности Коммунистической партии и Советского правительства.

---

[1] «Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы», Госполитиздат, 1952, стр. 29.

Опубликованный 28 марта 1953 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» свидетельствует о великой жизненной силе советского строя, о дальнейшем укреплении могущества нашего социалистического государства.

Исключительное значение имеет пункт Указа, в котором говорится о необходимости пересмотреть советское уголовное законодательство, заменив уголовную ответственность за некоторые должностные и хозяйственные, бытовые и другие менее опасные преступления мерами административного и дисциплинарного порядка, а также смягчить уголовную ответственность за отдельные преступления. Это одно из свидетельств дальнейшего развития основной функции нашего государства — функции хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы. Наши партийные, профсоюзные, комсомольские и другие общественные организации воспитывают трудящихся в духе советского патриотизма и заботы об интересах государства, в духе всемерного укрепления государственной и трудовой дисциплины, уважения к советским законам.

Нельзя, однако, не видеть, что у нас имеются еще люди, которые отодвигают интересы государства на второй план, нарушают государственную дисциплину.

«В ряде отраслей промышленности,— говорил товарищ Маленков на XIX съезде партии,— нарушается государственная дисциплина в отношении качества выпускаемой продукции. Имеют место факты поставки потребителям недоброкачественных изделий и товаров, не отвечающих установленным стандартам и техническим условиям» [1].

Отдельные руководители предприятий, стремясь выполнить и перевыполнить производственную программу «любой ценой» и создать видимость борьбы за передовое место, выпускают недоброкачественную, некомплектную продукцию и тем самым фактически становятся на путь обмана государства и партии.

Выпуск недоброкачественной и некомплектной промышленной продукции срывает выполнение государственного плана, наносит серьезный вред государству, интересам потребителей, ведет к нарушению ритма работы других предприятий. Поэтому в борьбе с выпуском недоброкачественной продукции, наряду с другими мероприятиями организационного характера, должен применяться и уголовный закон — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями.

Настоящая статья посвящена вопросу о лицах, ответственных за выпуск недоброкачественной продукции, правильное разрешение которого имеет большое практическое и теоретическое значение.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. прямо устанавливает, что ответственность за выпуск недоброкачественной продукции могут нести лишь три лица: директор предприятия, главный инженер и начальник отдела технического контроля.

До издания Указа от 10 июля 1940 г., согласно действующему в то время закону от 8 декабря 1933 г., уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции подлежали: управляющие трестами, директора предприятий и лица административно-технического персонала (начальники цехов, заведующие ОТК, технические руководители, мастера и т. п.).

---

[1] Г. М. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 44.

Указ от 10 июля 1940 г. по сравнению с законом от 8 декабря 1933 г. значительно сужает круг лиц, подлежащих ответственности за выпуск недоброкачественной продукции.

Естественно возникает вопрос, по каким соображениям этим Указом ограничен круг лиц, ответственных за выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции?

Полагаем, что ответ на этот вопрос должен быть следующим: дело в том, что суды, применяя закон от 8 декабря 1933 г., направляли уголовное преследование против лиц (мастеров, бригадиров и т. п.), которые не распоряжаются выпуском продукции, и не привлекали руководителей предприятий, которые в первую очередь должны отвечать за выпуск недоброкачественной продукции.

На столь существенные недостатки в работе судов было непосредственно указано в постановлениях 47 и 48 Пленумов Верховного Суда СССР.

«Суды не учитывают,— говорилось в постановлении 47 Пленума Верховного Суда СССР от 9 июня 1934 г.,— что закон от 8 декабря карает за выпуск недоброкачественной продукции, а выпуск зависит от руководящего персонала, а не от второстепенных работников».

Действительно, выпуск недоброкачественной продукции в первую очередь зависит от распоряжений и действий директора, главного инженера и начальника ОТК предприятия, а не от начальников цехов, старших мастеров и т. п.

Однако установление законодателем весьма узкого круга субъектов преступления в Указе от 10 июля 1940 г. объясняется, по нашему мнению, не только ошибками судебной практики, но и тем, что закон 8 декабря 1933 г. создавал в известной мере обезличку, так как и мастер, и начальник цеха, и директор предприятия, и начальник ОТК одинаково подлежали уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции, тогда как выпуском продукции с предприятия распоряжаются в основном три лица: директор предприятия, главный инженер и начальник ОТК. Только их распоряжениями и указаниями решается вопрос о том, выпустить ту или иную продукцию с предприятия или, признав ее недоброкачественной, отправить в переработку или использовать для других целей. Этим и обусловливается то обстоятельство, что Указ от 10 июля 1940 г. точно определил круг лиц, отвечающих в уголовном порядке за выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции.

Таким образом, уголовную ответственность по Указу от 10 июля 1940 г. должны нести только директор предприятия, главный инженер и начальник ОТК. Другие работники отвечают либо в зависимости от обстоятельств дела, если они допустили брак в производстве, по ст. 111 УК РСФСР, либо по ст. 109 УК РСФСР.

Несмотря на точное указание закона, суды в первое время после издания Указа от 10 июля 1940 г. осуждали за выпуск недоброкачественной продукции, как выше было отмечено, начальников цехов, бригадиров и других работников.

Верховный Суд СССР вел систематическую и решительную борьбу с подобными извращениями закона, неоднократно указывая в своих постановлениях и определениях, что начальники цехов, мастера и бригадиры предприятий за допущение внутризаводского брака должны отвечать по статьям о должностных преступлениях и что к этой категории лиц нельзя применять Указ от 10 июля 1940 г.

Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам по делу Д. и Е. Верховный Суд СССР указал: «Суд, правильно признав винов-

ность (в выпуске недоброкачественной продукции.— *Б. Л.*) Д. и Е., неосновательно квалифицировал действия Е., технического руководителя мастерской, по Указу от 10 июля 1940 г. Согласно этому Указу, ответственность могут нести директора, главные инженеры и начальники отделов технического контроля. Технический руководитель мастерской не может по выполняемым им функциям быть приравнен к главному инженеру предприятия, обладающему значительно расширенным комплексом прав и обязанностей, приближающих его к директору. Распространительное толкование Указа от 10 июля 1940 г. недопустимо, поскольку Указ дает точный перечень должностных лиц, ответственных по нему. Поэтому действия Е. должны быть переквалифицированы на статью Уголовного Кодекса о должностных преступлениях»[1]. Или, например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в своем определении от 4 октября 1940 г. установила, что Д., работавший начальником переплетного цеха типографии в г. Петрозаводске, и В., работавший там же начальником печатного цеха, были осуждены вместе с директором и техническим руководителем типографии по Указу от 10 июля 1940 г. за выпуск недоброкачественной продукции. Судебная коллегия указала, что суд допустил ошибку, включив в число лиц, ответственных за выпуск недоброкачественной продукции, начальников цехов. «Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г.,— говорится в определении Судебной коллегии Верховного Суда СССР от 4 октября 1940 г.,— точно устанавливает, кто должен нести ответственность за выпуск недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции. В числе ответственных лиц начальники цехов не указаны. Они отвечают лишь за то, что по своей халатности допустили внутризаводской брак». Поэтому Судебная коллегия квалифицировала преступление Д. и В. по ст. 111 УК РСФСР[2].

Заслуживает быть отмеченным также и более позднее определение Судебной коллегии Верховного Суда СССР от 30 апреля 1949 г. по делу Ц. и Б.

Ц. и Б. были признаны виновными и осуждены по ст. 128 «а» ч. I УК РСФСР Ленинградским городским судом за то, что Ц., работая зав. производством кооперативной промысловой артели «Вперед», а Б. — начальником цеха той же артели, допустили преступно-халатное отношение к своим служебным обязанностям и выпустили недоброкачественную продукцию из вверенной им артели.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, правильно отменив приговор городского суда от 10—11/XII 1948 г. за ошибочное применение к осужденным ст. 111 УК РСФСР, в то же время сама неверно квалифицировала состав преступления осужденного Б., действие которого по характеру совершенного преступления и занимаемого им положения подлежит наказанию по ст. 109 УК РСФСР, а не по ст. 128 «а» ч. I, УК, так как Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. не предусматривает ответственность за выпуск недоброкачественной продукции таких лиц, как начальники цехов. Виновность же Б. по материалам дела усматривается в том, что он, злоупотребляя своим служебным положением, допустил изготовление недоброкачественной продукции, за что и должен нести ответственность по ст. 109 УК РСФСР.

Итак, совершенно бесспорным является то, что субъектом выпуска

---

[1] «Советская юстиция», 1941, № 3, стр. 27.
[2] Там же, стр. 29.

недоброкачественной продукции могут быть только директор предприятия, главный инженер и начальник отдела технического контроля. Однако указание закона, что ответственность за выпуск недоброкачественной продукции несут лишь директор предприятия, главный инженер и начальник ОТК, нельзя понимать формально, без учета фактически выполняемых тем или иным должностным лицом функций.

Необходимо помнить, что на различных предприятиях эти должностные лица часто называются по-разному.

Так, например, на некоторых предприятиях директор именуется заведующим, управляющим, начальником; функции главного инженера может выполнять технорук, старший мастер. Начальник ОТК может называться старшим инспектором и т. п.

Буквальное и формальное толкование Указа от 10 июля 1940 г., допускавшееся некоторыми судами, было справедливо и резко осуждено постановлением Пленума Верховного Суда от 30 сентября 1949 г.

«Некоторые же суды,— отмечалось в постановлении,— неправильно и формально толкуя закон, полагают, что Указ от 10 июля 1940 г. не распространяется на тех руководящих работников предприятий, которые, выполняя по существу указанные функции, носят иное должностное наименование. Исходя из такой ошибочной точки зрения, суды не применяют Указа в тех случаях, когда, например, руководитель предприятия именуется не директором, а начальником; когда предприятием руководит председатель промысловой артели; когда на предприятии функции главного инженера выполняет технорук или заведующий производством; или когда под иным наименованием выступает должностное лицо, фактически выполняющее обязанности начальника отдела технического контроля. Такая неправильная практика, основанная на формальном толковании закона, без учета его политического содержания, ведет к необоснованному освобождению от ответственности лиц, виновных в выпуске недоброкачественной продукции» [1].

Пленум Верховного Суда СССР дал судам руководящее указание считать виновными за выпуск недоброкачественной или некомплектной и нестандартной промышленной продукции не только должностных лиц, предусмотренных в Указе от 10 июля 1940 г.,— директоров, главных инженеров и начальников отделов технического контроля, а «*также лиц иных должностных наименований, фактически выполняющих функции указанных должностных лиц*» [2] (курсив наш.— *Б. Л.*). Таким образом, всякое должностное лицо должно нести ответственность по Указу от 10 июля 1940 г. за выпуск недоброкачественной продукции, если должностное лицо фактически выполняет функции директора предприятия, главного инженера, начальника ОТК. Наоборот, если то или иное должностное лицо, хотя формально и занимает должность директора, главного инженера и начальника ОТК, но фактически не работает на ней, то такое должностное лицо не подлежит ответственности по Указу от 10 июля 1940 г.

Так, Московский областной суд по делу К. и других, обвинявшихся в выпуске недоброкачественной продукции, вынес оправдательный приговор начальнику ОТК артели «Молот Октября» в силу следующих причин: «Материалами предварительного и судебного следствия в отношении М. установлено, что он в артели «Молот Октября» начал работу в качестве сменного мастера с 9/III-49 г.; исполняющим обязанности началь-

---

[1] «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1949, № 11, стр. 5.
[2] Там же, стр. 6.

ника ОТК был назначен с 1/IV-49 г. распоряжением подсудимого по данному делу К. за № 28, но фактически к работе и. о. начальника ОТК приступил в конце июля 1949 г., что подтверждено объяснениями последнего, показаниями подсудимого К., свидетеля Т. Следовательно, М. за качество выпущенных с 1/I-49 г. по 1/VII-49 г. артелью алюминиевых керосиновых ламп ответственности нести не может, а из актов товарных экспертиз видно, что из 9521 забракованных ламп только 41 были выпущены и отправлены заказчикам за период работы и. о. начальника ОТК М., а именно в адрес краевой торговой базы Управления местными торгами г. Барнаула, причем, как это видно из акта № 339 от 28—29/VIII-49 бюро товарных экспертиз, брак 41 лампы не является производственным, а произошел вследствие плохой упаковки ящиков с этими лампами, оказавшимися в количестве 41 штуки поломанными».

Говоря о недопустимости формального и буквального толкования Указа от 10 июля 1940 г. в отношении субъекта ответственности, нельзя упускать из виду, что в нашей стране имеются огромные промышленные комбинаты, цеха которых — по существу самостоятельные промышленные предприятия, имеют свои отделы технического контроля и непосредственно осуществляют выпуск продукции. Бесспорно, что начальники таких цехов и начальники ОТК этих цехов подлежат ответственности по Указу от 10 июля 1940 г. за выпуск недоброкачественной продукции. Так, М. был назначен заместителем начальника ОТК одного из цехов завода. 17 июля 1940 г. начальник ОТК выехал в служебную командировку, оставив М. в качестве исполняющего обязанности начальника ОТК. В тот же день М. подписал выпуск продукции цеха в количестве 453 единиц. Продукция была возвращена представителем заказчика ввиду ее недоброкачественности. Харьковский областной суд осудил М. по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. на пять лет лишения свободы. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда УССР отменила приговор и передала дело на новое рассмотрение ввиду того, что М. за два дня работы на новой должности не имел возможности освоить работу начальника ОТК.

Определение Верховного Суда УССР было опротестовано председателем Верховного Суда СССР.

Судебная коллегия Верховного Суда СССР установила, что определение Верховного Суда УССР не соответствует обстоятельствам дела. М. работал в ОТК продолжительное время, порученную работу отлично знал, и надобности в каком-то особом сроке для освоения этой работы не было. М.— квалифицированный техник, работавший на заводе около шести лет и исполнявший ранее обязанности зам. начальника ОТК этого цеха. Он должен был лишь добросовестно выполнять возложенные на него обязанности, когда он 17 июля остался временно начальником ОТК. М. не проверял качества выпускаемой продукции даже на выдержку, считая своей обязанностью лишь подписывать документы на выпуск продукции без осмотра ее. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР отменила определение Верховного Суда УССР и передала дело для нового рассмотрения в ту же коллегию в ином составе [1].

В данном случае цех промышленного комбината рассматривается как самостоятельная хозяйственная единица, наделенная правом выпускать готовую продукцию.

Приведенный пример из судебной практики показывает, что М., фор-

---

[1] «Советская юстиция», 1941, № 3, стр. 28—29.

мально являясь начальником цеха, *фактически выполнял работу начальника ОТК промышленного предприятия,* а поэтому правильно был привлечен к уголовной ответственности и осужден по Указу от 10 июля 1940 г. за выпуск недоброкачественной продукции.

Необходимо также заметить, что руководители предприятия несут ответственность за выпуск недоброкачественной продукции и в том случае, если по их инициативе были привлечены к уголовной ответственности лица, действия которых привели к выпуску брака.

Для уяснения этого вопроса обратимся к определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 15 июля 1949 г. по делу С. и других: «Мотивировка Верховного Суда Армянской ССР в приговоре о том, что С. и А. были приняты меры к привлечению к ответственности заведующего складом хлебозавода и кладовщика за выпуск 18 января 1948 г. 112 кг и 17 мая 1948 г. 141 кг некондиционного хлеба — не может служить законным основанием к освобождению их от ответственности.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. ответственность за выпуск недоброкачественной продукции несут директора предприятий, главные инженеры и начальники отдела технического контроля, а не второстепенные лица, поэтому эта мотивировка является явно неосновательной» [1].

С другой стороны, вполне понятно, что не всегда следует привлекать к ответственности за выпуск недоброкачественной продукции одновременно и директора, и главного инженера, и начальника ОТК.

Советскому уголовному праву чужд принцип объективного вменения, а поэтому вопрос об ответственности каждого из этих должностных лиц, поименованных в Указе от 10 июля 1940 г., должен решаться в зависимости от их вины.

Нельзя привлекать к ответственности директора завода, который в момент выпуска недоброкачественной продукции находился в отпуску, или начальника ОТК, который решительно возражал против выпуска недоброкачественной продукции.

Так, при расследовании дела о выпуске недоброкачественной продукции Вольским цементным заводом «Большевик» было установлено, что начальник ОТК Д. не может быть привлечена к уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции, так как она со своей стороны приняла все зависящие от нее меры к тому, чтобы предотвратить факт выпуска такой продукции. Дело в отношении Д. в процессе расследования было прекращено [2].

Судебная практика твердо и неуклонно требует для наличия состава преступления наличие вины. Где нет вины, там уголовная ответственность исключается.

Приговором Могилевского областного суда от 16 сентября 1940 г. К. был осужден за выпуск недоброкачественной продукции. Из приговора Могилевского областного суда видно, что К., будучи назначен 14 июня 1940 г. заведующим производством артели «Металлист», вместо того чтобы сразу приступить к проверке готовой продукции, находящейся на складе и выпущенной до его назначения, этого не сделал. Таким образом, он не предотвратил направление недоброкачественной продукции потребителю.

Судебная коллегия Верховного суда СССР приговор в отношении К.

---

[1] «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1949, № 11, стр. 37.
[2] «Социалистическая законность», 1941, № 1, стр. 9.

отменила и дело о нем в уголовном порядке прекратила, так как нельзя считать К. виновным за качество продукции, выпущенной до его назначения зав. производством и уже находившейся на складе артели [1].

В приговоре Московского городского суда от 27 января 1950 г. по делу Р. указано: из дела видно, что Р. поступил в артель «Автомотор» в сентябре 1948 г., когда продукция вся уже была сдана на склад, как готовая продукция, упакованная, прошедшая через отдел технического контроля. Таким образом, *никакого отношения к изготовлению и выпуску готовой продукции он не имел, поэтому не должен нести никакой ответственности за возвращенный брак.*

Заслуживает внимания дело И. и К., где начальник ОТК, возражавший против выпуска недоброкачественной продукции и отказавшийся ее маркировать, участвовал в деле в качестве свидетеля, а не обвиняемого [2].

Весьма важен как в теоретическом, так и в практическом отношении вопрос о соучастии в выпуске недоброкачественной продукции и о квалификации преступных деяний соучастников в выпуске недоброкачественной продукции лиц, не названных в Указе Президиума Верховного Совета Союза ССР от 10 июля 1940 г.

Вопрос о соучастии в выпуске недоброкачественной продукции должностных лиц, не названных в Указе от 10 июля 1940 г., рассматривает проф. А. Н. Трайнин в своей книге «Учение о соучастии» (1941). А. Н. Трайнин пишет, что «в качестве подстрекателей и пособников, наряду с перечисленными в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. лицами, могут нести уголовную ответственность за выпуск недоброкачественной продукции и другие лица. При этом, однако, самая квалификация преступных действий иных, *не отмеченных в Указе должностных лиц,* соучаствовавших в выпуске недоброкачественной продукции, может, в зависимости от обстоятельств дела, иметь место не по Указу от 10 июля 1940 г., а по одной из статей главы о должностных преступлениях (ст. 109 или 111). *И в этом случае виновные будут отвечать за одно и то же преступление* (выпуск недоброкачественной продукции), *но отвечать по разным статьям.* Различие квалификации в этих случаях не устраняет наличие соучастия» [3] (курсив наш.— *Б. Л.*).

В. Д. Меньшагин и З. А. Вышинская, рассматривая в учебнике по уголовному праву для юридических школ вопрос о соучастии в выпуске недоброкачественной продукции, считают, что должностные лица, не поименованные в законе, виновные в выпуске недоброкачественной продукции, несут ответственность либо по соответствующим статьям главы о должностных преступлениях, либо за соучастие в рассматриваемом преступлении, т. е. по ст. ст. 17—128 «а» УК [4].

Основной недостаток, на наш взгляд, всех вышеприведенных положений тот, что авторы не заняли определенной и четкой позиции по вопросу об ответственности за соучастие в выпуске недоброкачественной продукции.

Так, авторы названного учебника, с одной стороны, признают возможной квалификацию за соучастие в выпуске недоброкачественной продук-

---

[1] «Советская юстиция», 1941, № 20, стр. 27.
[2] «Советская юстиция», 1941, № 9, стр. 8.
[3] А. Н. Трайнин. Учение о соучастии, Юриздат, М., 1941, стр. 121.
[4] См. «Советское уголовное право», Учебник для юридических школ, Госюриздат, 1950, стр. 415.

ции по ст. ст. 17—128 «а» ч. 1 УК, а с другой, считают, что виновные в выпуске недоброкачественной продукции могут нести ответственность и не по Указу 10 июля 1940 г., а по статьям главы о должностных преступлениях. Ошибочным является также, на наш взгляд, приводившееся выше утверждение проф. А. Н. Трайнина, что соучастники в выпуске недоброкачественной продукции не могут нести уголовную ответственность по Указу от 10 июля 1940 г., а должны отвечать по одной из статей главы о должностных преступлениях.

Противоречивые положения по вопросу об ответственности за соучастие в выпуске недоброкачественной продукции могут оказать весьма отрицательное влияние на нашу судебную практику. Этот вопрос поэтому требует уточнения.

Ст. ст. 17 и 18 УК РСФСР (о соучастии) полностью распространяются на состав выпуска недоброкачественной продукции. Поэтому в отношении выпуска недоброкачественной продукции вопрос о соучастии должен решаться на общих основаниях, указанных в ст. ст. 17 и 18 УК РСФСР (и в соответствующих статьях УК других союзных республик).

Указ от 10 июля 1940 г. точно определил круг лиц, отвечающих в уголовном порядке за выпуск недоброкачественной продукции. Но из этого ни в коей мере нельзя делать вывод, что ответственность за соучастие в выпуске недоброкачественной продукции должностных лиц (пособников и подстрекателей), не названных в Указе, исключается.

В социалистическом государстве каждое должностное лицо, а не только лица, указанные в Указе от 10 июля 1940 г., заинтересованы в дальнейшем развитии и укреплении народного хозяйства нашей Родины.

Отрицанием возможности соучастия в выпуске недоброкачественной продукции в известной мере умаляется значение борьбы с этим преступлением.

Проф. А. Н. Трайнин в своей монографии «Состав преступления по советскому уголовному праву» высказывается об ответственности должностных лиц, не поименованных в законе, за соучастие в выпуске недоброкачественной продукции. «...указание конкретных субъектов,— пишет он,— не исключает возможности ответственности по соучастию. Так, если начальник цеха разными способами и средствами способствует главному инженеру или директору завода в выпуске недоброкачественной продукции, он должен отвечать как соучастник по ст. ст. 17 и 128 «а», ибо они оба совершили одно и то же преступление — выпуск недоброкачественной продукции» [1].

Приведенная точка зрения проф. А. Н. Трайнина, на наш взгляд, является правильной.

Некоторые теоретики, однако, склонны оспаривать самую возможность соучастия должностных лиц, не названных в Указе от 10 июля 1940 г., в выпуске недоброкачественной продукции. При этом аргументируют они свое возражение тем, что в Указе от 10 июля 1940 г. в качестве субъекта данного преступления указаны лишь три лица: директор, главный инженер и начальник отдела технического контроля. Такое толкование закона не выдерживает никакой критики, ибо оно ведет по существу к формальному толкованию закона, о чем Пленум Верховного Суда СССР неоднократно предупреждал. Можно также сослаться на ст. 95 УК

---

[1] А. Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву, М., 1951, стр. 304.

РСФСР, которая предусматривает уголовную ответственность за ложное показание лишь свидетеля, эксперта и переводчика. Здесь, таким образом, названы также три лица, а соучастие других лиц, не указанных в законе, возможно и общепризнано.

Судебная практика знает случаи привлечения к уголовной ответственности должностных лиц, не названных в Указе 10 июля 1940 г., за соучастие в выпуске недоброкачественной продукции.

Так, К., будучи начальником производства литейно-механического завода, систематически давал указания начальникам цехов, а также подстрекал с ведома директора завода Г. и главного инженера Г. (оба осуждены судом по ст. 128 «а» ч. I УК РСФСР) бывшего начальника ОТК, контрольных мастеров и браковщиц ОТК на отступление от действовавших технических условий и правил приемки готовых изделий, что привело к выпуску недоброкачественной продукции.

Судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда, учитывая, что К. являлся пособником и в известной мере подстрекателем к действиям, предусмотренным ст. 128 «а» ч. I УК, приговорила К. на основании ст. ст. 17—128 «а» ч. I УК РСФСР к пяти годам тюремного заключения.

Правда, приговор этого суда в отношении К. был отменен Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РСФСР определением от 27 октября 1948 г., и дело о нем было прекращено. Однако приговор был отменен не потому, что ст. 17 УК вообще нельзя было применять к начальнику производства К., а потому, что подстрекательство К. к выпуску недоброкачественной продукции в данном случае не доказано. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР так в своем определении и указала: «Для квалификации вменяемого в вину обвинения с применением ст. 17 УК у суда не было оснований, так как остальные осужденные по делу — директор завода Г. и главный инженер завода Г. по своему должностному положению являлись выше, чем должностное положение начальника производства завода К., и никаких данных о том, что он оказал на них влияние в части выпуска недоброкачественной продукции, в деле нет».

Судебная практика по применению Указа от 10 июля 1940 г. показывает, однако, что некоторые суды придерживаются иной точки зрения по вопросу об ответственности соучастников (пособников и подстрекателей) за выпуск недоброкачественной продукции.

Так, Г. и А. были признаны виновными в том, что они, работая на заводе «Химпродукт» (Г. директором завода, а А.— техноруком), выпустили с завода в торговую сеть 28 бочек мыла-пасты. По заключению технической экспертизы, вся вышеуказанная продукция (мыло-паста) являлась браком. Действия Г. и А. были квалифицированы по ст. 128 «а» ч. I УК РСФСР. Кроме Г. и А., по данному делу была привлечена к уголовной ответственности К.— заведующая лабораторией завода «Химпродукт». К. была признана виновной судом в том, что, работая заведующей лабораторией завода «Химпродукт», выдала с ведома Г. и А. заведомо фиктивные паспорта на выпуск готовой продукции мыла-пасты с указанием в паспортах, что мыло-паста содержит нормальный процент жировых кислот, тогда как при проверке оказалось, что мыло-паста содержит заниженный процент жировых кислот, т. е. является недоброкачественным.

Действия К. суд квалифицировал по ст. 120 ч. II УК РСФСР как служебный подлог без корыстных целей.

В приведенном случае суд даже не ставит вопроса о квалификации действий К. по ст. ст. 17—128 «а» ч. I УК РСФСР, как соучастие в вы-

пуске недоброкачественной продукции, а квалифицировал действия К. по статье о должностных преступлениях.

Мы считаем такую квалификацию неправильной.

В вышеприведенном случае имеется налицо соучастие заведующей лабораторией К. в выпуске Г. и А. недоброкачественной продукции в форме пособничества. Из дела видно, что К. с ведома Г. и А. выдала паспорта на выпуск готовой продукции, заведомо зная о недоброкачественности данной продукции, чем способствовала совершению Г. и А. преступления, предусмотренного ст. 128 «а» ч. I УК РСФСР. Совершенно очевидно поэтому, что преступные деяния К. должны были квалифицироваться по ст. ст. 17—128 «а» ч. I УК РСФСР как соучастие в выпуске недоброкачественной продукции.

Итак, мы полагаем, что ответственность по ст. ст. 17—128 «а» ч. I УК других должностных лиц, не поименованных в Указе от 10 июля 1940 г., теоретически и практически вполне возможна. Такая квалификация соучастников (подстрекателей и пособников) в выпуске недоброкачественной продукции будет способствовать более эффективной борьбе с таким опасным преступлением для социалистического государства, каким является выпуск недоброкачественной продукции.

БЕЛЯКОВА А. М.

ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ПО ДОГОВОРУ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ В ПРАКТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР [1]

Транспорт в нашей стране, в том числе и железнодорожный, играет большую роль в развитии социалистического народного хозяйства.

Рост всех видов транспорта связан непосредственно с увеличением всего нашего общественного производства. Поэтому в директивах по пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 гг., принятых XIX съездом партии, намечена программа дальнейшего развития железнодорожного транспорта.

За пятилетие предусматривается увеличение грузооборота железнодорожного транспорта на 35—40%. К концу пятой пятилетки на основных магистралях железнодорожной сети будет сконцентрировано более 75% общего грузооборота [2]. Сентябрьским Пленумом ЦК КПСС перед транспортными организациями поставлена большой народнохозяйственной важности задача обеспечения перевозки продуктов сельского хозяйства, реализуемых на колхозных рынках колхозами, выполнившими план обязательных поставок и натуроплаты. Последующими постановлениями партии и правительства утвержден ряд мероприятий, предусматривающих дальнейшее улучшение работы транспорта в области снабжения населения предметами народного потребления.

Выполнить эти большие задачи железнодорожный транспорт сможет при хорошо налаженной работе железных дорог, своевременной и сохранной перевозке грузов.

Движение грузов по железным дорогам нашей страны осуществляется на основе договора железнодорожной перевозки.

Ответственность железной дороги по договору перевозки должна быть построена так, чтобы стимулировать сокращение случаев неисправных перевозок, укреплять плановую деятельность социалистических организаций, вступающих в договорные отношения с железной дорогой.

Все это требует тщательного выяснения причин и условий ответственности железнодорожного перевозчика за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора перевозки грузов.

Обязанность дороги доставить груз в срок и в неповрежденном виде

---

[1] При написании данной статьи автор поставил перед собой задачу обобщения судебной практики Верховного Суда СССР по вопросам ответственности железных дорог за срочность доставки и сохранность перевозимых грузов.

[2] См. «Правда» от 13 октября 1952 г.

вытекает из договора [1], заключаемого между дорогой и отправителем груза. Неисполнение дорогой этих своих обязанностей влечет за собой ответственность дороги. Ответственность железных дорог за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора перевозки регулируется специальным железнодорожным законодательством и прежде всего Уставом железных дорог 1935 г. Согласно ст. 67 Устава железных дорог, дорога несет полную ответственность за сохранность принятого к перевозке груза с момента принятия его до момента выдачи грузополучателю. Железная дорога не несет ответственности за причиненный ущерб перевозимому грузу только при наличии обстоятельств, специально указанных в законе (ст. 68 Устава железных дорог). Участники договора железнодорожной перевозки не могут установить в договоре какие-то другие, не предусмотренные статьей 68 Устава, случаи освобождения дороги от ответственности. Ответственность дороги за сохранность перевозимого груза является повышенной.

Повышенная, независимо от вины ответственность железной дороги применяется только в случае неисполнения дорогой обязательств, вытекающих из договора перевозки, а не из каких-либо других обязательств, принимаемых ею на себя, например, обязательства по осуществлению хранения грузов после доставки его на станцию назначения до момента выдачи его грузополучателю [2].

Повышенную ответственность по договору перевозки несет только железная дорога. Грузоотправитель, привлеченный к ответственности в качестве соответчика, будет отвечать только за допущенную вину. Вопрос об ответственности отправителя груза за недостачу или повреждение груза разрешается не на основании договора перевозки, а на основании договора поставки или договора купли-продажи, заключенного между отправителем и получателем груза, во исполнение которых и заключается договор перевозки грузов по железной дороге.

В определении судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР по делу № 36/248 по иску Тбилисской Эксплуатационно-транспортной Конторы Цекавшири к Управлению Закавказской ж. д. и Ленмебельторгу о взыскании 7371 р. 09 коп. сказано: «Возлагая ответственность за повреждение груза на Ленмебельторг, суд исходил из того, что согласно дорожным документам Ленмебельторг является отправителем груза и что имеющиеся по делу доказательства свидетельствуют о том, что повреждение груза произошло по вине отправителя, так как имеются данные о плохой упаковке, отсутствии на некоторых ящиках надписи об осторожном обращении и др. Вынося такое решение в отношении Ленмебельторга, суд в достаточной мере не выяснил существующих между сторонами договорных условий» [3].

---

[1] Перевозка грузов по железным дорогам строится на договорных началах, обязательства сторон вытекают из заключенного договора. Обязанность же заключить договор железнодорожной перевозки порождается планом, который утверждается как для перевозчика — железной дороги, так и для грузоотправителей — социалистических организаций. Прав поэтому В. Н. Изволенский, говорящий в своей работе «Правовые вопросы железнодорожных перевозок» (М., 1951, стр. 42), что обязательства доставить груз в сохранности и в срок возникают для дороги только тогда, когда на основе плана заключен договор перевозки. Если же договор не заключен, то несмотря на то, что дорога выделила положенное по плану количество вагонов под погрузку, а грузоотправитель по каким-либо причинам не представил груз к перевозке, хотя и должен был это сделать, договорных отношений не возникает. Возникает лишь обязательство уплатить штраф за неисполнение плана.

[2] См. В. Н. Изволенский. Правовые вопросы железнодорожной перевозки, М., 1951, стр. 110.

[3] «Судебная практика Верховного Суда СССР», вып. 8, М., 1951, стр. 41—42.

В данном случае Верховный Суд указывает на необходимость выяснения условий договора, заключенного между отправителем и получателем груза.

Ответчиком по иску грузополучателя может быть только отправитель груза, а не транспортно-экспедиционная организация, например, выполняющая экспедиционные функции по договору с отправителем груза.

В определении по делу № 427 по иску Азербайджанской конторы «Главсахар» к Управлению Закавказской ж. д. и В/О «Экспортхлеб» о взыскании 1695 руб. за недостачу груза судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР указала лишь на возможность привлечения организации, выполняющей транспортно-экспедиционные функции в качестве 3-го лица в процессе на стороне ответчика. «Если при новом рассмотрении дела выяснится, что фактическим отправителем груза является «Экспортхлеб», а В/О «Ирансовтранс» выполняло лишь транспортно-экспедиционные операции, то последний также может быть привлечен к делу в качестве 3-го лица, так как судебное решение по настоящему делу может создать для «Ирансовтранс» обязанности в отношении В/О «Экспортхлеб» [1].

Грузополучатель в некоторых случаях может предъявить иск прямо к отправителю груза, не предъявляя ни претензии, ни иска к железной дороге. Такое право грузополучателю предоставляется обычно в тех случаях, когда груз прибывает на станцию назначения в исправных вагонах за исправными пломбами станции отправления, но с недостачей в весе, т. е. в случае, когда есть все основания предполагать, что недостача в весе явилась результатом виновности самого грузоотправителя.

Ст. 68 Устава железных дорог в качестве обстоятельств, освобождающих дорогу от ответственности за сохранность перевозимых грузов, называет такие, как непреодолимая сила и вина хозяина груза. И непреодолимая сила, и вина грузополучателя или грузоотправителя не являются специфическими для железнодорожного права основаниями освобождения от ответственности. Это общегражданские случаи, исключающие ответственность должника. Ст. 68 Устава указывает и на такие причины, которые специфичны для железнодорожного права. Это перевозка грузов на открытом подвижном составе, естественная убыль в весе груза, естественные свойства перевозимого груза и др. Ряд обстоятельств, освобождающих железную дорогу от ответственности по ст. 68 Устава, конкретизируют пункт статьи, в котором говорится об освобождении от ответственности по причине вины или неосторожности грузоотправителя или грузополучателя. Некоторые пункты ст. 68 (пункт «г», говорящий об освобождении дороги от ответственности по причинам, связанным с погрузкой или выгрузкой груза (когда погрузка или выгрузка производилась средствами отправителя или получателя); пункт «е», в котором речь идет об освобождении дороги от ответственности за утрату или повреждение груза вследствие того, что проводник отправителя, сопровождающий груз, не принял необходимых для сохранения груза мер, и пункт «ж») фиксируют частные случаи проявления вины грузоотправителя или грузополучателя. Однако нельзя сказать, что пункт «в» ст. 68 Устава не имеет в результате этого самостоятельного применения. Есть и другие случаи вины грузоотправителя или грузополучателя, не указанные в ст. 68 Устава железных дорог. И судебная практика Верховного Суда СССР отмечает возможность самостоятельного

---

[1] «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944 г.», М., 1948, стр. 313.

применения этого пункта ст. 68 Устава в качестве обстоятельства, освобождающего железную дорогу от ответственности. В одном из определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР указывается по этому поводу следующее: «Помимо ряда конкретных оснований, по которым с железной дороги может быть сложена ответственность за утрату или повреждение груза ...статья 68 Устава ж. д. содержит общее указание, что железная дорога не отвечает за утрату или повреждение груза, если это произошло по вине отправителя или получателя груза (пункт «в» ст. 68 Устава ж. д.)» [1]. Вина грузоотправителя может проявиться, например, в том, что он предъявил к отправке груз, не указав точное его наименование; в том, что он умолчал об особых свойствах груза; в том, что он не приложил к накладной документов, необходимых для исполнения административных и таможенных правил (ст. 85 Устава ж. д.), и др.

В нашей юридической литературе есть ряд высказываний (Гринберг, Изволенский), не допускающих возможности применения института смешанной ответственности в области железнодорожного права. Изволенский пишет: «Кроме того, необходимо иметь в виду, что в отличие от общих норм гражданского права, по смыслу статьи 68 Устава ж. д., при разрешении споров по договору железнодорожной перевозки не допускается применение принципа смешанной ответственности». Этой же точки зрения придерживается и Гринберг [2].

Оба автора в подтверждение своих взглядов ссылаются на определение гражданской кассационной коллегии Верховного Суда СССР от 26 мая 1945 г. по иску Упродснаба Воронежского фронта к Управлению Московско-Донбасской железной дороги и Московскому спирто-водочному заводу о взыскании 192 805 руб. в возмещение убытков от недостачи груза. В определении говорится: «Московский областной суд признал, что за недостачу водки, следовавшей по накладной № 140470, смешанную ответственность несут как Управление Московско-Донбасской ж. д., так и отправитель груза. Между тем применение смешанной ответственности в данном случае является неправильным, так как спор вытекает из договора железнодорожной перевозки и в силу статьи 68 Устава железных дорог должен быть разрешен вопрос об ответственности дороги или отправителя груза в зависимости от причин утраты груза или его повреждения» [3].

В данном случае вообще неправильно ставится вопрос о смешанной ответственности. Смешанная ответственность наступает при условии, когда виновны как истец, так и ответчик. В приведенном же случае ничего не говорится о виновных действиях истца — Упродснаба Воронежского фронта. При смешанной ответственности виновные действия истца влекут за собой уменьшение размера возмещаемого ему вреда, происшедшего в результате утраты либо повреждения груза железной дорогой во время перевозки. При этом необходимо, чтобы дорога не могла сослаться ни на одно из обстоятельств, отмеченных в ст. 68 Устава. К рассмотренному делу может быть применен пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 29 января 1942 г., гласящий следующее: «Если иск предъявлен получателем груза и в материалах дела имеются данные

---

[1] Цит. по книге Изволенского «Правовые вопросы...», стр. 123.

[2] В. Н. Изволенский. Правовые вопросы железнодорожных перевозок, 1951, стр. 111; Л. М. Гринберг. Судебные споры с железными дорогами по поводу утраты, недостачи и повреждения грузов, 1947, стр. 109.

[3] «Судебная практика Верховного Суда СССР», вып. IV, М., 1945, стр. 27.

о том, что утрата или повреждение связаны с обстоятельствами, зависящими от отправителя, суд должен вынести определение о привлечении последнего в качестве соответчика, обязав истца направить ему копии искового заявления и документов по делу». В постановлении Пленума говорится о привлечении отправителя к участию в споре в процессе разбирательства дела, в нашем же примере иск сразу должен быть предъявлен совместно и дороге, и грузоотправителю.

В своем определении по делу № 1434 по иску Конторы «Главкурортторга» к Управлению Закавказской железной дороги о взыскании 598 834 руб. 30 коп. (в деле стоял вопрос о применении смешанной ответственности) Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР не указала на недопустимость применения этого института в области ответственности железных дорог, а отвергла ссылку на смешанную ответственность по совершенно иным основаниям. По делу недостачи груза — водочных изделий — была вызвана тем, что вагон с грузом в пути подвергся пожару. Пожар же возник от железной печки, установленной в вагоне, в котором вместе с грузом следовал проводник отправителя, погибший во время пожара. Верховный Суд Грузинской ССР 20 апреля 1948 г. иск Конторы «Главкурортторга» удовлетворил полностью за счет железной дороги. Генеральный Прокурор СССР в протесте поставил вопрос об отмене решения Верховного Суда Грузинской ССР и о передаче дела на новое рассмотрение на том основании, что в причинении истцу ущерба, вызванного недостачей груза, повинна не только железная дорога, но и отправитель груза, который допустил установку в вагоне печи вопреки правилам перевозки опасных грузов по железной дороге. Считая, что железная дорога также нарушила правила перевозок опасных грузов (разрешила установить в вагоне отопительный прибор), прокурор считал необходимым применить по настоящему делу принцип смешанной ответственности. Судебная коллегия Верховного Суда СССР не удовлетворила протест прокурора и указала в определении следующее: «Хотя груз по спорной отправке и следовал с проводником отправителя, однако это обстоятельство не освобождало железную дорогу от обязанности создать надлежащие условия, обеспечивающие сохранность перевозимого груза. Между тем железная дорога, допустив установку в вагоне отопительного прибора, не приняла никаких мер к оборудованию его в противопожарном отношении, и из имеющегося в деле акта, составленного после ликвидации пожара, не видно, что в вагоне имелся какой-либо противопожарный инвентарь. Никакого технического наблюдения за вагоном в пути железная дорога также не осуществляла, что и привело к возникновению в вагоне пожара, в результате которого сгорела значительная часть груза и погиб проводник. При таком положении дела решение суда о возложении ответственности по иску на железную дорогу, не обеспечившую сохранность перевозки груза, является правильным и отвечающим требованиям ст. 67 Устава ж. д. Доказательств, устанавливающих, что пожар возник по вине проводника отправителя, по делу не добыто, ввиду чего нет оснований для возложения на отправителя какой-либо ответственности за недостачу груза»[1]. Как это следует из определения, таким образом на отправителя не возложена «какая-либо ответственность» только потому, что нет соответствующих доказательств его вины.

При таких обстоятельствах, по нашему мнению, должна быть установлена смешанная ответственность дороги и грузоотправителя, являю-

---

[1] «Судебная практика Верховного Суда СССР», № 4, М., 1949, стр. 29.

щегося одновременно и получателем груза. Отправлен груз — яблоки с механическими повреждениями и разные по зрелости. Дорога доставила груз на станцию назначения с просрочкой, в результате чего груз прибыл испорченным. Если бы дорога доставила груз без опоздания, ущерба не было бы. С другой стороны, если бы груз был сдан к перевозке без указанных недостатков, просрочка в доставке не повлекла бы за собой его убытка. Здесь необходимо применить принцип смешанной ответственности.

Самая постановка вопроса о смешанной ответственности возможна, по нашему мнению, в области транспортного права только при следующих условиях:

1) если отправитель груза одновременно является и его получателем или если вред произошел в результате виновных действий грузополучателя при выгрузке груза;

2) если груз поврежден в результате совместных действий железной дороги и истца, грузохозяина, допустившего вину.

В делах же, нами рассмотренных, вопрос о смешанной ответственности был поставлен неправильно, ибо за смешанную ответственность принималась совместная ответственность дороги и отправителя груза по иску грузополучателя.

Применение смешанной ответственности в области транспортного права имеет большое практическое значение. Суммы, выплачиваемые дорогами истцам в возмещение убытков, понесенных от недостачи, утраты, повреждения груза, значительно бы уменьшились, что также повело бы к дальнейшему укреплению хозрасчетной деятельности железной дороги, к усилению внимательного отношения клиентов дороги к вопросам погрузки и разгрузки грузов, улучшению организации отправки грузов, упаковки, проверки состояния прибывающих грузов и т. п.

Основную массу споров по вопросам перевозки составляют иски о возмещении стоимости поврежденных грузов и грузов, доставленных с недостачей в весе. Споры по поводу утраты грузов возникают реже. Они обычно имеют место либо в случае выдачи груза другому, не обозначенному в железнодорожной накладной грузополучателю, либо в случае, когда груз реализуется дорогой как невостребованный или бездокументный. В ст. 68 Устава говорится, что «железная дорога может быть освобождена от ответственности за недостачу веса, если докажет, что недостача веса не явилась результатом утраты или повреждения груза железной дорогой». Прежде чем давать анализ судебной практики Верховного Суда СССР по этому вопросу, необходимо несколько слов сказать о нецелесообразности выделения в особый пункт оснований, освобождающих дорогу от ответственности за недостачу в весе груза, и о неудачной редакции этого пункта ст. 68 Устава железных дорог. Ст. 67 Устава, говоря о полной ответственности железной дороги с начала принятия груза к перевозке до момента доставки его на станцию назначения, имеет в виду ответственность ее за все случаи несохранной перевозки: утрату, недостачу в весе, повреждение. В статье же 68 Устава по совершенно непонятным причинам сначала идет речь об освобождении дороги от ответственности за утрату и повреждение груза, а потом, в предпоследнем ее абзаце, говорится об освобождении от ответственности дороги за недостачу в весе груза. Такая неудачная редакция создает некоторую путаницу в вопросах об основании ответственности дороги за повреждение и утрату груза, с одной стороны, и за недостачу его в весе — с другой. В случае повреждения либо утраты груза дорога несет повышенную ответственность, отвечает не только за вину, но и за случай. Что же касается

ответственности за весовую недостачу, то в результате не совсем удачной редакции можно легко прийти к выводу о виновной ответственности дороги за этот вид несохранной перевозки, что не соответствует действительности.

Доставка железными дорогами груза с недостачей его в весе, подобно утрате, повреждению и просрочке в доставке, нарушает нормальный ход развития нашего народного хозяйства. Поэтому суды должны вести самую решительную борьбу с такого рода неисправными перевозками, досконально исследовать все обстоятельства дела, а не ограничиваться выяснением отдельных фактов, например, тем, кто (дорога или грузоотправитель) определял вес доставленного груза, чьи пломбы наложены на вагон с грузом — отправителя или дороги и др. В судебной же практике Верховного Суда СССР последовательно проводится тот принцип, что вопрос об ответственности железных дорог за недостачу груза должен быть разрешен в зависимости от имеющихся по делу доказательств, подтверждающих условия перевозки и причины несохранности груза. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР по делу № 36/497 по иску продовольственного отдела Окружного Интендантского Управления к Управлению Рязано-Уральской железной дороги и Гурьевской базе Главрыбсбыта о взыскании 21708 руб. 50 коп. указывается: «Вопрос об ответственности железной дороги или отправителя груза за недостачу или повреждение (порчу) груза должен быть разрешен на основании всех имеющихся по делу доказательств, свидетельствующих об условиях транспортировки и о состоянии груза при отправлении и в пункте назначения, в том числе в совокупности всех доказательств должно быть учтено и состояние пломб, наложенных при отправлении груза» [1].

Подтверждением этого же положения является другое, более раннее определение коллегии по иску Краснодарского Жирокомбината к Управлению железной дороги имени Ворошилова о возмещении за недостачу груза — подсолнечного масла на сумму 10026 руб. 15 коп. В определении говорится: «В силу ст. 67 Устава железных дорог, дорога несет полную ответственность за сохранность принятого к перевозке груза с момента принятия груза к перевозке до выдачи его. Устав железных дорог не ставит ответственность железной дороги в зависимость от того, кем определен вес груза — дорогой или отправителем груза. Вопрос об ответственности железной дороги за недостачу груза должен быть разрешен на основе всех представленных суду доказательств, в числе которых должно быть учтено и то обстоятельство, кем определен вес спорного груза» [2]. Эта же точка зрения проводится в руководящих указаниях Пленума Верховного Суда СССР: «Точно так же вопрос об ответственности за утрату и недостачу груза не может быть разрешен лишь в зависимости от того, кем по данной перевозке (отправке) определен вес груза. При следовании груза за весом отправителя и с его погрузкой суд должен учитывать доказательства сторон, подтверждающие, что уменьшение веса произошло в результате повреждения или утраты груза перевозчиком, а при определении веса перевозчиком — доказательства, свидетельствующие о том, что уменьшение веса не явилось результатом утраты или повреждения груза транспортными органами...» [3].

В делах с весовой недостачей в практике судов различаются случаи:

---

[1] «Судебная практика Верховного Суда СССР», вып. VII, М., 1946, стр. 10.
[2] «Советская юстиция», 1941, № 16, стр. 30.
[3] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 января 1942 г., п. 13.

а) когда груз на станцию назначения прибыл с недостачей в весе, но в исправных вагонах, за исправными пломбами, в исправном состоянии (с целой упаковкой) и др.; б) когда груз прибыл на станцию назначения с весовой недостачей в неисправных вагонах, с разными пломбами промежуточных станций следования груза, в поврежденной упаковке. В первом случае на дорогу ответственность может быть возложена только тогда, когда истец докажет в соответствии с последним пунктом ст. 68 Устава, что недостача веса произошла в результате утраты или повреждения груза железной дорогой. Во втором же — обозначенные неисправности будут свидетельствовать о том, что во время следования груза к нему был доступ, а это создает презумпцию ответственности железнодорожного перевозчика. Презумпция эта может быть опровергнута дорогой. Дорога может представить доказательства, устраняющие ее ответственность за недостачу груза, которые могут быть различными в зависимости от условий перевозки, характера перевозимого груза и др. Изволенский приводит некоторые из них, в частности, прибытие на станцию назначения груза, хотя и без пломб на вагонах и с недостачей в весе, но в вагонах, полностью загруженных в соответствии с техническими правилами загрузки вагонов. Таким же доказательством будет и то обстоятельство, что количество мест сданного к перевозке и прибывшего на станцию назначения груза совпадает [1].

Министерство угольной промышленности СССР обязано сдавать к перевозке угольные грузы с обязательным окроплением их известковым раствором. Из определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР по делу № 36/1378 по иску Воронежского Спиртотреста о взыскании 20286 руб. 61 коп. за недостачу угля следует, что факт окропления угля, следующего на платформах, известковым раствором является весьма существенным обстоятельством для разрешения вопроса об ответственности за недостачу угля. Ибо то обстоятельство, что поверхность прибывшего груза — угля — покрыта известковым раствором, свидетельствует о том, что к грузу не было доступа во время перевозки.

Если обнаружены какие-либо неисправности упаковки и вагона, свидетельствующие о несохранной перевозке (вместо одних, сданных на станции отправления предметов, прибыли другие предметы, одинаковые с первыми по весу или груз прибыл неоднородный), дорога не освобождается от ответственности за недостачу, несмотря на то, что вес отправления и прибытия совпадает. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР по делу № 36/659 по иску Авторемонтного завода к Управлению Закавказской железной дороги о взыскании 20967 руб. 87 коп. говорится: «Верховный Суд Грузинской ССР, вынося решение об отказе в иске, исходил из того, что железная дорога принимала груз к отправке не по роду груза, а по его весу, и поскольку вес выданного груза совпадает с весом, указанным в накладной, то нет оснований к возложению ответственности на дорогу за недостающий груз. Указанные доводы Верховного Суда Грузинской ССР могли бы быть признаны правильными в том случае, если бы груз прибыл на станцию назначения с пломбами станции отправления и в исправной таре, исключающей возможность его хищения в пути следования. Но так как из материалов дела видно, что груз в пути следования подвергался перегрузке из вагона в вагон и на станцию назначения прибыл в совершенно разбитой

---

[1] В. Н. Изволенский. Правовые вопросы железнодорожных перевозок, стр. 134.

таре, то при таком положении одного совпадения в весе груза недостаточно, чтобы освободить дорогу от ответственности за недостачу груза, ибо в противном случае дорога получает возможность заменять ценный груз менее ценным и таким образом уклониться от ответственности за принятый к перевозке груз» [1]. В практике судов большое значение придается факту прибытия груза за исправными пломбами станции отправления. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в пути следования к грузу не было доступа. При этом нужно принимать во внимание не только объективную исправность пломб, но и то, кем они наложены, насколько ясны оттиски на пломбах, есть ли название организации, их наложившей, и т. д. [2]. В определении Судебной коллегии Верховного Суда СССР по делу № 474 (1943 г.) по иску Продовольственного отдела Северного фронта к Кировской железной дороге о взыскании 1350 руб. 40 коп. за недостачу груза говорится: «Груз был отправлен со станции Балашов на станцию Мурманск и прибыл за пломбами с одной стороны вагона ст. Бушуйка Северной железной дороги, а с другой — ст. Данилов Северной железной дороги. Обстоятельство это указывает, что вагон в пути следования вскрывался и к грузу имели доступ посторонние лица. При выгрузке и выдаче груза получателю коммерческим актом установлено, что вместо 737 мешков, как указано в накладной, оказалось 723 мешка, т. е. установлена недостача 14 мешков ржаной муки весом 946 кг. Поскольку вагон вскрывался на пути и к нему имел место доступ посторонних лиц, железная дорога не могла защищаться ссылкой на то, что груз отправлен за весом отправителя и что следов хищения нет, а должна была для снятия с себя ответственности за недостачу доказать, что недостача явилась следствием обстоятельств, предусмотренных в ст. 68 Устава железных дорог СССР» [3].

Как правило, пломбы на железнодорожные вагоны накладываются непосредственно после принятия груза к перевозке. Поэтому дата на пломбе и дата приемки груза к перевозке обычно совпадают. Однако бывают и такие случаи, когда обозначенные даты не совпадают и суды, рассматривающие споры о недостаче, на одном только этом основании приходят к выводу об ответственности железных дорог. Верховный Суд СССР считает такую практику отдельных судов необоснованной, не соответствующей требованиям последней части ст. 68 Устава железных дорог. В одном из определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР как раз указывается на то, что при исправности на вагоне отправительских пломб несоответствие даты на пломбах дате приема груза к перевозке не имеет решающего значения при рассмотрении спора об ответственности за недостачу груза: «Московский городской суд, возлагая ответственность на железную дорогу, исходил лишь из того, что пломбы имеют дату, не соответствующую дате приема груза к перевозке. Между тем это обстоятельство не может быть признано обстоятельством, предопределяющим разрешение спора, так как пломбировка вагонов производилась отправителем и груз прибыл за исправными отправительскими пломбами» [4].

Верховный Суд, признавая на основании последней части ст. 68

---

[1] «Судебная практика Верховного Суда СССР», вып. IX, М., 1946, стр. 28.

[2] Порядок наложения пломб на железнодорожные вагоны определен в инструкции, утвержденной НКПС 14 марта 1938 г.

[3] «Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР, 1943 г.», М., 1948, стр. 232.

[4] «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1948, № 5, стр. 24.

Устава неисправность пломб в качестве обстоятельства, говорящего против железной дороги, предостерегает в своих определениях суды от формального применения этого пункта статьи. Не во всех случаях несохранной перевозки неисправность пломб на прибывших к месту назначения железнодорожных вагонах с грузом имеет существенное значение для разрешения спора об ответственности железной дороги. Если прибытие груза с неисправными пломбами является существенным обстоятельством при разрешении вопроса об ответственности за недостачу груза, то оно может не иметь решающего значения при установлении ответственности дороги за повреждение груза.

Это положение подтверждается определением Судебной коллегии по делу № 347 по иску Кузнецкого завода к Управлению Куйбышевской железной дороги и Конторе Заготживсырье о взыскании 8221 руб. 47 коп.: в решении суда указано, что ответственность по спорной отправке должна нести железная дорога ввиду наличия данных о прибытии груза в вагоне, имеющем пломбы промежуточной станции. Указанные доводы суда не могут быть признаны правильными, так как спор касается не возмещения за недостачу груза..., а оплаты стоимости кожсырья, которое в пути следования подверглось гниению и порче. В этом случае факт прибытия груза с пломбами промежуточной станции не имеет решающего значения [1].

Некоторые особенности характерны для перевозки хлебных грузов. В целях наведения порядка в деле сохранности государственного хлеба недопущения его разбазаривания, хищения и порчи установлена система двойного определения веса хлебного груза и обязательности взвешивания его при погрузке и выгрузке. Вес хлебопродуктов, сданных к перевозке, на основании названного постановления должен быть зафиксирован в железнодорожной накладной за двумя подписями: весовщика железной дороги и весовщика Министерства заготовок или Министерства продовольственных резервов. Об этом же речь идет в приказе Министерства путей сообщения от 19 июня 1948 г.

В постановлениях, установивших обязательное занесение веса груза в накладную за двумя подписями, не делается никакого изъятия из общих правил об ответственности железных дорог. Но совершенно различно решается вопрос об ответственности за недостачу хлебного груза, перевозимого в таре и насыпью. Если хлебный груз перевозится в таре и прибыл на станцию назначения в исправных вагонах и с неповрежденными пломбами без следов потерь и хищения, железная дорога ответственности за недостачу в весе груза не несет. Претензии и иски по поводу недостачи хлебного груза должны быть предъявлены непосредственно к отправителю. Если же обнаружена разница в весе грузов, перевозимых насыпью, но взвешенных при отправлении весовщиками дороги и отправителя и прибывших на станцию назначения в исправных вагонах с неповрежденными пломбами станции отправления или отправителя, без признаков хищения, железная дорога несет ответственность, если истец в соответствии с Уставом железной дороги докажет, что недостача в весе явилась результатом утраты груза железной дорогой [2]. В данном случае устанавливается лишь презумпция неответственности дороги. Презумпция эта легко может быть опровергнута истцом, представившим доказатель-

---

[1] «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1948, № 5, стр. 21.

[2] См. по этому вопросу также п. 14 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 29 января 1942 г., в редакции Постановления Пленума от 3 марта 1950 г.

ства того, что груз утрачен по вине железной дороги. Такое различие в ответственности дороги за недостачу хлебных грузов, перевозимых в таре и насыпью, объясняется тем, что грузы, перевозимые насыпью, легче подвержены хищению и утратам.

Все случаи недостачи хлебных грузов должны быть тщательно расследованы дорогой в целях лучшего и наиболее эффективного разрешения спора об ответственности.

Пункт 14 приказа Министерства путей сообщения от 19 августа 1948 г. обязывает Министерство путей сообщения обеспечить на железных дорогах тщательное и своевременное расследование каждого случая хищения, порчи или утраты грузов, выявление причин, порождающих несохранность грузов при перевозке, и принятие по каждому случаю необходимых мер к устранению несохранности грузов и наказанию лиц, виновных в утрате грузов.

В судебной практике Верховного Суда СССР очень последовательно проводится принцип тщательного выяснения причин недостачи хлебных грузов. Об этом свидетельствует определение Судебной коллегии Верховного Суда СССР по делу № 293 по иску Треста «Главмука» к Управлению Свердловской железной дороги и Ирбитскому пункту «Заготзерно» о взыскании 24155 руб. 35 коп.: «Возлагая ответственность за недостачу груза на железную дорогу, суд мотивировал свое решение только тем, что груз был принят дорогой к перевозке по весу и поэтому дорога должна нести ответственность за недостачу. Между тем из материалов дела и коммерческих актов усматривается, что груз по всем отправкам прибыл на станцию назначения в исправных вагонах, за исправными пломбами станции отправления и следов хищения не обнаружено. Подлинными железнодорожными накладными и коммерческими актами установлено, что при приеме груза к перевозке вес груза определялся путем взвешивания нагруженного вагона на вагонных весах с указанием отдельно веса брутто, тары и нетто. Причем вес тары определен исходя из веса, указанного на швеллерном брусе вагона. При передаче же груза от железной дороги грузополучателю на станции назначения вес груза определен путем взвешивания зерна и тары (вагона) отдельно, при этом вес тары по каждой отправке оказался больше, чем это указано в дорожных документах.

При таких обстоятельствах дела суду надлежит истребовать от сторон материалы совместного расследования по поводу недостачи зерна, не ограничиваясь одним только фактом приема железной дорогой груза к перевозке» [1].

Дорога, ответственная за утрату, повреждение и недостачу груза, должна возместить причиненный этим грузохозяину (грузоотправителю, грузополучателю) убыток. В области возмещения вреда, возникшего в результате неисполнения железной дорогой своих договорных обязанностей, действуют правила, отличные от тех, которые применяются в советском гражданском праве [2].

Ст. 117 ГК РСФСР говорит о возмещении не только положительного ущерба в имуществе, но и упущенной выгоды. Пределы же ответственности железной дороги ограничиваются либо размером провозной платы, когда имеется в виду ответственность за просрочку в доставке, либо возмещением положительного ущерба без упущенной выгоды,

---

[1] «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1948, № 5, стр. 23.

[2] См. подробно В. Н. Изволенский. Правовые вопросы железнодорожных перевозок, стр. 147 и след.

когда речь идет об ответственности за утрату, недостачу и повреждение груза.

В Уставе железных дорог о возмещении вреда говорится в ст. 69, в силу которой за утрату груза и повреждение его дорога должна платить из расчета действительной стоимости утраченного груза, за повреждение — сумму, на которую понизилась стоимость груза. Если груз был отправлен с объявлением ценности, то размер ответственности дороги ограничивается суммой объявленной ценности. Об этом же говорится и в Правилах рассмотрения претензий по железнодорожным перевозкам от 1 апреля 1943 г.: «...требование заявителей претензий о возмещении железными дорогами, кроме стоимости грузов других убытков, происшедших вследствие утраты груза при перевозке, подлежат отклонению, так как рассмотрение таких претензий Уставом железных дорог не предусмотрено» [1].

Ограничение ответственности дороги лишь возмещением положительного ущерба в имуществе объясняется, повидимому, тем, что основной клиентурой железных дорог являются социалистические организации, осуществляющие плановую деятельность в условиях расширенного социалистического воспроизводства, организации, выполняющие функцию социалистического накопления, деятельность их почти всегда прибыльна. В силу же специфических особенностей железнодорожной перевозки, связанной со сравнительно частыми случаями утраты, недостачи в весе груза, и повышенной ответственности дороги (ответственности независимо от вины), дороге часто пришлось бы возмещать огромные суммы, что в значительной мере подрывало бы ее хозрасчетную деятельность.

Ограничение ответственности железной дороги проводится еще и в другом направлении судебной практикой. Грузохозяину-истцу возмещается только стоимость недоставленных грузов или их частей, независимо от того, может ли быть использована получателем полученная часть груза без утраченной.

В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР № 148 (1945 г.) по иску завода № 202 имени Ворошилова к Управлению Приморской железной дороги на сумму 21808 руб. за недостачу одного из трех мест разной аппаратуры сказано следующее: «Подлежащая возмещению сумма исчислена исходя из стоимости всех трех мест по тем мотивам, что дорогой утрачено место с основной аппаратурой и вследствие этого полученные части не представляют ценности...

Такое исчисление нельзя признать правильным. Поскольку отказа от получения доставленных железной дорогой 2-х мест от завода № 202 не последовало, суд должен был, определяя размер ответственности железной дороги, учесть стоимость полученных заводом частей. То обстоятельство, что завод лишен возможности использовать части ввиду отсутствия основной аппаратуры, не дает основания считать, что эти части утратили всякую ценность» [2].

Однако это определение Судебной коллегии свидетельствует о том, что только в случае получения грузохозяином доставленных частей груза, хоть и не могущего быть использованным без утраченных его частей, невозможно требовать с железной дороги возмещения стоимости всего груза

---

[1] Приложение № 1 к ст. 95 Устава ж. д., п. 20.

[2] «Судебная практика Верховного Суда СССР», вып. III (XIX), 1945, стр. 27.

в целом. Если же грузохозяин отказывается от доставленных частей груза в силу полной невозможности использовать его по назначению, он может требовать уплаты не только стоимости недоставленных, но и доставленных частей груза.

В практике судов встречаются иногда дела, когда в процессе разбирательства выясняется, что груз поврежден в результате того, что дорога нарушила сроки доставки. За что же дорога должна нести ответственность в таком случае: за просрочку в доставке или повреждение груза? Верховный Суд СССР устанавливает, что взыскание с железной дороги ущерба в связи с порчей груза из-за просрочки не освобождает железную дорогу от уплаты штрафа за просрочку согласно ст. 72 Устава железных дорог СССР [1]. Такая практика Верховного Суда Союза ССР нашла отражение в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 29 января 1942 г. (в редакции постановления Пленума от 3 марта 1950 г.), где прямо говорится: «Взыскание с транспортного органа тех или иных сумм в порядке возмещения ущерба от повреждения груза не исключает права грузополучателя требовать вознаграждения за просрочку в доставке груза».

В исключение из общего правила возмещение дорогой ущерба в ограниченных пределах (в случае использования дорогой груза для своих собственных нужд) производится в двойном размере стоимости использованного груза. Лица же, виновные в использовании дорогой грузов для своих собственных нужд, привлекаются к уголовной ответственности (ст. 69 Устава). Такая жесткая санкция в отношении железной дороги объясняется в этом случае тем, что использование дорогой для своих нужд груза, следующего в адрес какой-либо социалистической организации, может нарушить в каких-то пределах нормальный ход работы последней, своевременное выполнение ею плана. В определении № 293 (1939 г.) по иску Конторы материального снабжения Треста «Узсовхозхлопок» к Управлению Ташкентской железной дороги о взыскании стоимости утраченного груза указывается: «Ответчик в оправдание своих действий по использованию лесоматериалов, следовавших в адрес истца, ссылается на то, что дорога вынуждена была воспользоваться ими для срочной ликвидации размывов и разрушений земельного полотна весенними водами на перегоне станции Алтайская — разъезд 17 Ташкентской ж. д. Указанный довод ответчика по данному делу не может быть признан основательным...

Ст. 69 Устава железных дорог содержит категорическое указание о возмещении железной дорогой стоимости груза в двойном размере в случае использования принятых к перевозу и принадлежащих клиентуре грузов для своих нужд, и поэтому допущенное Верховным Судом Узбекской ССР ограничительное толкование этого указания ст. 69 Устава железных дорог является неправильным» [2]. Верховный Суд, последовательно применяя ст. 69 Устава, не допускает возможности замены возмещения двойной стоимости груза возвращением груза в натуре. «...ст. 69 Устава ж. д. СССР не предусматривает обязанности возмещения клиентуре груза в натуре в случае использования его дорогой для своих нужд, и на точном основании означенной статьи Устава желез-

---

[1] См. Определение по делу № 36/2 по иску Баккоопторга к Управлению Азербайджанской ж. д. и Заготконторе Волынского Райпотребсоюза о взыскании 64756 р. 69 к.

[2] «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР», 1940, стр. 165.

ная дорога возмещает клиенту стоимость этого груза в двойном размере»[1].

Обобщение судебной практики по указанному вопросу имеет большое значение для правильного рассмотрения железнодорожных споров, возникающих в результате нарушения дорогами своих основных договорных обязательств: доставить груз на станцию назначения в срок и в полной сохранности.

Для работников судов, разрешающих споры, вытекающие из договора железнодорожной перевозки, знание опубликованных материалов практики Верховного Суда, а также работ, дающих теоретическое ее обобщение, необходимо для глубокого исследования обстоятельств каждого конкретного спора, позволяющего выяснить конкретных виновников невыполнения договора, что позволит устранить нарушения обязательства в будущем.

---

[1] Из определения судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР, № 1177, 1943 г. по иску Правобережной ТЭЦ г. Новосибирска к Управлению Томской железной дороги, «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1943 г.», 1948, стр. 23.

КЛЕЙНМАН А. Ф.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Советское законодательство, судебная практика СССР, союзных и автономных республик, советская теория государства и права имеют всемирно-историческое значение. Они указывают народно-демократическим странам, как надо строить социалистическое государство. Гражданское процессуальное законодательство развивается в странах народной демократии под благотворным влиянием советского права и советской правовой науки. При разработке гражданских процессуальных законов и гражданских процессуальных кодексов был широко использован опыт Советского Союза.

В настоящее время в переводе на русский язык имеется 3 гражданских процессуальных кодекса стран народной демократии: Чехословацкий ГПК от 25 октября 1950 г., вступивший в действие с 1 января 1951 г.[1], Болгарский ГПК, опубликованный в Известиях Президиума Народного Собрания № 12 от 8 февраля 1952 г., и Польский ГПК, опубликованный 30 сентября 1950 г.[2].

Общей основой этих кодексов является подлинный демократизм гражданского процесса, построение его на социалистических началах в целях укрепления социалистической законности, охраны интересов государства и граждан; воспитательная роль суда. Так, § 1 Чехословацкого ГПК следующим образом определяет цель кодекса: Закон о производстве в гражданско-правовых делах регулирует: производство в гражданских судах, способ постановления этими судами решений и приведение этих решений в исполнение так, чтобы была обеспечена скорая и действительная охрана имущественных и личных прав граждан и имущественных прав и законных интересов государства и социалистических юридических лиц. Суд проводит эти действия без излишних формальностей. Он всемерно заботится о том, чтобы было установлено действительное положение дела, и справедливым постановлением решений укрепляет социалистическую законность и воспитывает граждан в духе соблюдения своих гражданских обязанностей.

---

[1] «Гражданский Процессуальный Кодекс» — перевод с чешского доктора Захарова С. К., прокурора в Праге («Бюллетень чехословацкого права», 1951, № 4, стр. 423 (17)). Гражданский и Гражданско-процессуальный кодексы и закон о семье Чехословацкой Республики, Изд. иностр. литературы, 1952 г.

[2] Рукописи переводов с болгарского и польского языков доктора юридических наук И. С. Розенталя. Законы о судоустройстве и прокуратуре и Гражданский процессуальный и Уголовно-процессуальный кодексы Народной Республики Болгарии, Изд. иностр. литературы, 1953 г.

Законодательства стран народной демократии ставят своей задачей охрану и развитие социалистических отношений.

К. Готвальд в своей речи при принятии Учредительным Национальным Собранием конституции 9 мая 1948 г. подчеркнул, что чехословацкое право есть выражение воли чехословацкого народа, возведенной в закон: «Вопрос о новой конституции, как и многие другие вопросы, решил февраль 1948 года, когда с ясными и недвусмысленными словами выступил наш народ. В те памятные февральские дни было сказано, что впредь воля народа будет законом в этой стране. И вот новая конституция закрепляет это демократическое начало» [1].

Отсюда вытекает одна из важнейших задач суда — сохранение социалистической законности. В речи на приеме судей из народа 4 февраля 1950 г. К. Готвальд, говоря о задаче обеспечения судами социалистической законности, отметил служебную роль правовой надстройки: «Необходимо составить себе ясное понятие, что наши законы и остальные правовые предписания издают для себя и в своем собственном интересе сами трудящиеся. Необходимо далее осознать, что наши законы, при помощи которых мы создаем новый, социалистический правопорядок, закрепляют и наше народно-демократическое государственное устройство. Они укрепляют основы рождающегося социалистического общественного порядка, в экономике, культуре, в отношениях и в сознании людей. Они кладут основание нового отношения трудящихся к своему государству, к обществу, к работе и к согражданам и всем этим подготовляют и облегчают наш путь к социализму» [2].

Гражданский процессуальный кодекс Чехословацкой Республики состоит из пяти частей: 1-я часть содержит общие постановления главным образом по вопросам искового производства (основные постановления, суды и судебные лица; лица, участвующие в производстве; производство в суде 1-й инстанции, решения, средства обжалования, предварительные меры). 2-я часть («Особые постановления») регулирует судопроизводство по делам о браке, опеке, попечительству и усыновлению; по признанию, установлению и отрицанию отцовства; по делам о лишении дееспособности, по объявлению лиц умершими, по делам о наследстве, о судебном депозите и о признании документа уничтоженным и т. д. В 3-й части нормы о принудительном исполнении судебных решений. Часть 4-я регламентирует процессуальные вопросы, связанные с общением с иностранными государствами. Последняя часть кодекса (5-я) посвящена третейскому производству, а также переходным и заключительным постановлениям.

В ГПК Болгарской Республики 6 частей. Часть 1-я содержит общие правила, часть 2-я — исковое производство, 3-я — особые исковые производства (по брачным делам, по делам гражданского состояния, о судебном разделе и проч.), 4-я — обеспечительное производство (обеспечение иска), 5-я — исполнительное производство (исполнение судебных решений и определений) и часть 6-я — охранительное производство (объявление безвестного отсутствия и смерти, установление фактов, нотариальное производство, признание ценной бумаги уничтоженной, производство по открытому наследству).

ГПК Польской Республики состоит из 2 частей: часть первая — иско-

---

[1] Клемент Готвальд, Президент Чехословацкой Республики. «Новая конституция — юридическая основа нашего народно-демократического строя» (Сборник, посвященный новым кодексам Чехословацкой республики. «Новое право народно-демократической Чехословацкой Республики», Прага, 1951, стр. 24).

[2] Клемент Готвальд. За новую социалистическую законность (там же, стр. 30).

вое производство, часть вторая — производство по исполнению и обеспечению. Внутри каждой части дробные подразделения на: а) деления, б) титулы, в) разделы, г) отделы. Часть первая делится на две книги: 1) суд, 2) процесс. В первой книге даны нормы о подсудности, об отводе судей. Во второй книге нормы о сторонах и третьих лицах, о судебных расходах, о производстве, о доказательствах, судебном заседании и решении, об обжаловании и пересмотре решений, об особых видах производства. В части второй первая книга содержит нормы об исполнении решений, вторая книга — об обеспечении иска.

Конституции стран народной демократии закрепили демократические принципы правосудия: независимость судей, подчинение их только закону, выборность судей, участие народных заседателей, открытое судебное разбирательство, право на защиту, судопроизводство на национальном языке с обеспечением для невладеющих им права говорить в суде на своем языке через переводчика, равноправие всех граждан перед законом и судом [1].

В тесной связи с этими конституционными началами находятся демократические принципы диспозитивности, состязательности, материальной истины, устности и непосредственности гражданского процесса, активности суда и прокурора, добросовестного использования сторонами принадлежащих им процессуальных прав.

Процессуальное право стран народной демократии в понятие диспозитивности и состязательности включает не только право для сторон свободно распоряжаться своими материальными и процессуальными правами, доказательствами, но и самую внешнюю форму спора, состязания, активность и инициативу суда и прокурора в целях установления материальной истины и помощи сторонам в осуществлении их прав.

«Согласно требованию социалистического демократизма, суд при установлении истины действует без излишних формальностей и всесторонне заботится о том, чтобы установить действительное положение дела и чтобы справедливым вынесением решений укрепить социалистическую законность и воспитывать граждан к выполнению ими их гражданских обязанностей. Это постановление исключает возможность несоответствия решения истине. Ведь наш народно-демократический суд будет активно участвовать в споре. При отыскании истины ему будет помогать как главный защитник социалистической законности — прокурор. Так при сотрудничестве активного суда, проникнутых социалистической моралью участников спора и при участии защитника интересов государства и трудящихся — прокурора — наши суды сумеют выполнить задачу, возложенную на них президентом республики Клементом Готвальдом: „Стоять на страже нашего народно-демократического государства, а вместе с тем и нашей социалистической законности“» [2].

В соответствии с этим Чехословацкий ГПК предусматривает обязанность суда давать трудящимся руководящие указания относительно их действий в суде и разъяснять им правовые последствия, связанные с этими действиями или их упущением (§ 7).

---

[1] Конституции: Чехословацкой Республики 9 мая 1948 г., § 1, 138, 140, 144; Болгарской Республики, Польской Республики, Венгерской Республики 18 августа 1949 г., § 37, 39, 40, 49; Румынской Республики 13 апреля 1948 г., ст. ст. 16, 88, 91, 92, 93; Албанской Республики 4 июля 1950 г., ст. ст. 14, 80—85; Германской Демократической Республики 7 октября 1949 г., ст. ст. 127, 130, 133 и др.; Корейской Народно-Демократической Республики 8 сентября 1948 г., ст. ст. 83, 84, 86, 87, 88 и др.; Монгольской Народной Республики 30 июня 1940 г. с изменениями с 1949 г. по 1952 г., ст. ст. 60—67.

[2] «Бюллетень чехословацкого права», 1951, № 4, стр. 413 (7).

Дело возбуждается в суде по заявлению заинтересованной стороны, а в случаях, предусмотренных законом,— «по долгу службы» (§ 41). Стороны могут еще до возбуждения производства урегулировать свои правоотношения судебным мировым соглашением в любом районном суде, причем судья утверждает мировое соглашение лишь в том случае, если оно не противоречит закону или общему интересу (§ 40).

Всем участвующим в деле суд обязан предоставить одинаковую возможность давать объяснения и осуществлять свои права, а суд «действует в производстве по долгу службы и ведет его так, чтобы как можно целесообразнее и скорее было установлено действительное положение дела» (§ 59). Закон возлагает на стороны обязанность «правдиво и полно» изложить суду все фактические обстоятельства дела, которые лежат в основании требований и возражений, а равно фактов, о которых суд будет их опрашивать (§ 60). Сторонам предоставляется право во все время производства «изменять свои предложения по существу дела» [1], но допущение такого изменения зависит от суда (§ 72). Равным образом суду предоставлено право принять или не принимать во внимание признание иска ответчиком и отказ истца от иска (§ 74). Стороны могут окончить дело судебным мировым соглашением, утверждение которого зависит от суда, который обязан проверить, не противоречит ли мировое соглашение закону или общему интересу. На суд возлагается обязанность всегда принимать меры к примирению сторон (§ 75, 76). Активность и инициатива сторон гармонически сочетаются с активностью и инициативой суда не только в области распоряжений сторон их правами, которые суд контролирует с точки зрения соответствия их закону и общему интересу, но и в области доказывания. Участвующие в деле лица должны «предложить и указать» доказательства в подтверждение истинности своих утверждений об обстоятельствах дела; а суд «по долгу службы» вправе собирать такие доказательства, которых не предложила ни одна из сторон, если эти доказательства имеют серьезное значение для решения дела (§ 88).

Аналогичные нормы содержатся в Болгарском ГПК.

Закон обязывает суды рассматривать и разрешать всякие подаваемые им просьбы о защите личных и имущественных прав, причем основанием к начатию судебного производства является просьба заинтересованного лица или требование прокурора (ст. 2). Участвующие в деле лица и их представители обязаны говорить перед судом только правду и вообще пользоваться процессуальными правами «добросовестно и в соответствии с правилами социалистического общежития под страхом ответственности за вред, причиненный недобросовестным осуществлением процессуальных прав» (ст. 3). Разрешая дела на основании закона, суд должен принимать активное участие во всестороннем выяснении действительных прав и отношений сторон и руководить сторонами при совершении ими процессуальных действий «с целью предупредить ущерб их интересам вследствие неосведомленности, малограмотности или других подобных причин» (ст. 4).

В судебном заседании каждая сторона должна изложить и обосновать все свои требования и возражения и высказаться по приведенным другой стороной фактическим обстоятельствам дела; суд должен предложить сторонам помириться (ст. 109). Истец может во всяком положении дела изменить основание иска, исковое требование и его размер; допущение такого изменения зависит от суда (ст. 116). Истец может взять

---

[1] Повидимому, закон имеет в виду изменение предмета, основания иска и размера исковых требований (*А. К.*).

обратно свое исковое заявление без согласия ответчика до окончания первого заседания по делу и отказаться целиком или в части от спорного права во всяком положении дела без права предъявления того же самого иска (ст. 119). Стороны могут окончить дело миром; если мировая сделка не противоречит закону и правилам социалистического общежития, то суд утверждает ее после заслушания заключения прокурора, если он участвует в деле как сторона; утвержденная судом мировая сделка («судебная мировая сделка») имеет значение вступившего в законную силу судебного решения и не может быть обжалована (ст. 125).

Таковы же правила Польского ГПК.

Закон допускает изменение иска, если это не влияет на подсудность дела (ст. 206), истец может отказаться от иска, стороны могут окончить дело миром; в тех случаях, когда предмет иска составляют неимущественные права, требование алиментов, требование из трудовых отношений или о возмещении вреда, причиненного недозволенным деянием, принятие отказа от иска и утверждение мировой сделки зависит от суда, который проверяет, не противоречит ли мировая сделка или отказ от иска интересам народного государства или интересам правомочных лиц (ст. ст. 209 и 231).

При разбирательстве дела в судебном заседании стороны излагают свои требования и ходатайства и представляют доказательства и правовые обоснования; стороны обязаны давать правдивые объяснения по поводу фактических обстоятельств дела, ничего не утаивая; каждая из сторон обязана дать объяснения по поводу фактов, утверждаемых другой стороной (ст. 216). Признание иска ответчиком для суда не обязательно; суд принимает признание во внимание, если оно подтверждается обстоятельствами дела (ст. 218).

Социалистическая природа и демократические принципы гражданского процесса стран народной демократии обеспечивают подлинную свободу строителей социализма, подлинное равноправие граждан. Вмешательство государства в лице суда и прокурора в гражданские правоотношения и гражданские дела в суде гарантирует свободу и равноправие граждан стран народной демократии, так как оно служит охране устоев социализма, обеспечению личной свободы граждан, защите прав и законных интересов трудящихся. Вследствие этого активная роль судебной и прокурорской власти в странах народной демократии представляет собой факт прогрессивного значения.

Вмешательство суда и прокуратуры в гражданские дела в судах США и других империалистических государств и усиление в них судебно-прокурорской власти служат интересам монополистического капитала, направлены против интересов миллионных масс угнетенных и эксплуатируемых трудящихся и потому должны быть признаны фактом реакционного значения.

* *
*

Нормы, содержащиеся в ГПК стран народной демократии, определяют основания и формы участия прокурора в гражданском процессе, процессуальные права и обязанности прокурора, участвующего в гражданском деле [1].

В Болгарской Республике прокурор может начать дело или вступить в дело и дать по нему заключение в случаях, указанных в законе, а также

---

[1] См. Болгарский ГПК, гл. 5; Польский ГПК, деление 7; Чехословацкий ГПК, § 6, 174, 204, 210.

если по его мнению этого требует защита государственного или общественного интереса. Лицо, в интересах которого прокурор начал дело, может во всяком положении дела вступить в него в качестве стороны. Суд вправе сообщить прокурору о необходимости его участия в деле. Прокурор пользуется правами, установленными законом для сторон в процессе, но не может распоряжаться предметом спора. Прокурор вправе опротестовать судебное решение и определение. Главный Прокурор Республики имеет право внести в Верховный Суд предложение о пересмотре в порядке надзора и об отмене по вновь открывшимся обстоятельствам решений, вступивших в законную силу (Болгарский ГПК, ст. ст. 2, 27—31, 225, 233).

Аналогичны правила ГПК Польской Республики. В частности, прокурор вправе «предъявлять всякого рода иски и принимать участие в любом положении дела, производящегося по чьему-либо иску, если по его мнению этого требуют интересы народного государства» (ст. 90). Прокурор «не связан ни с какой из сторон»; он вправе делать заявления и возбуждать ходатайства, ссылаться на факты и подтверждать их доказательствами (ст. 91). Прокурор имеет право опротестовывать решения и определения суда, требовать «пересмотра дела вновь» (ст. ст. 93—95, 401). Генеральному Прокурору Республики принадлежит право принесения протеста в порядке надзора (ст. 395).

В Чехословацкой Республике роль прокурора в гражданском процессе очень велика: он может «вступить в производящееся дело в любой стадии процесса, если по его мнению этого требует охрана интересов государства или трудящихся, и в таком случае он управомочен совершать все процессуальные действия, которые может совершать участник в соответствии с состоянием производства...».

«В каких именно случаях прокурор может сделать предложение о возбуждении производства, определяют особые постановления» (§ 6). Прокурор имеет право подать апелляционную жалобу на решение суда 1-й инстанции (§ 174), а также внести предложение о возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам (§ 204). Генеральный Прокурор может подать «жалобу о нарушении закона» на вступившее в законную силу решение суда (§ 210).

По сравнению с болгарским и польским законодательствами ГПК Чехословацкой Республики ограничивает право прокурора начать дело только случаями, специально предусмотренными особыми постановлениями. Чехословацкие юристы, придавая огромное значение участию прокурора в гражданском процессе, подчеркивают, что при разработке этого процессуального института образцом послужило советское гражданское процессуальное право. «Иное в конституционном отношении положение чехословацкой прокуратуры, которая пока является защитником законности только в области отправления правосудия, привело, конечно, к несколько иному определению правомочий прокурора по участию в гражданском судопроизводстве» [1].

Законодательство стран народной демократии различает два основных вида судебной защиты гражданского права: а) в исковом порядке, б) в порядке особого производства.

Ряд правил всячески облегчает сторонам возможность обращения к суду. Исковое заявление может быть облечено в письменную форму или сделано судье в устной форме с занесением в протокол; если оно подано с нарушением территориальной подсудности, то суд передает его надле-

---

[1] Доц. д-р Ф. Боура. Гражданское судопроизводство, «Бюллетень чехословацкого права», № 4, 1 декабря 1951 г., стр. 418 (12).

жащему суду по подсудности (Чехословацкий ГПК, § 42). Исковое заявление может быть подано по телеграфу (§ 44). Председатель судебной коллегии производит подготовку дела к заседанию с тем, чтобы его можно было, как правило, рассмотреть и закончить только в одном заседании (§ 62).

Болгарский, Польский и Чехословацкий ГПК содержат указания на виды исков, могущих быть предъявленными в суде,— иски о присуждении (исполнительные) и иски о признании (установительные).

«Каждый может искать судебной защиты не только в тех случаях, когда его право оказалось нарушенным, но и тогда, когда в целях предотвращения нарушения своего права он имеет правовой интерес в установлении правоотношения или в установлении права» (ст. 3 Польск. ГПК). Таким образом, можно предъявить иск о присуждении по поводу уже состоявшегося нарушения права, т. е. иск о восстановлении нарушенного права (исполнительный иск), а также на случай угрожающего нарушения права можно предъявить иск установительный, т. е. о признании наличия или отсутствия правоотношения между сторонами, о признании наличия или отсутствия прав и обязанностей сторон.

Болгарский ГПК более подробно определяет содержание исполнительных и установительных исков.

«Каждый может предъявить иск о восстановлении права, если оно нарушено, или об установлении существования или несуществования какого-либо правоотношения или какого-либо права, если он имеет в этом интерес».

Иск может быть предъявлен и о присуждении ответчика к исполнению повторяющихся обязательств, хотя бы срок для их требования наступил после постановления решения.

Иск может быть предъявлен и об установлении подлинности или подложности документа. Иск об установлении существования или несуществования юридических фактов допускается лишь в случаях, положительно предусмотренных в законе.

Иск об установлении преступления, имеющего значение для какого-либо гражданского правоотношения, или об отмене вступившего в законную силу решения, допускается в случаях, когда уголовное преследование не может быть возбуждено или когда оно прекращено по какой-либо из причин, поименованных в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса, а также когда совершивший деяние остается необнаруженным (ст. 97).

В Чехословацком ГПК также имеется указание на возможность предъявления иска, направленного «к установлению, что существует или не существует определенное право или правовое отношение, если истец имеет настоятельный правовой интерес в требуемом установлении» (§ 406).

Таким образом исполнительный иск может быть предъявлен о присуждении к передаче вещи, к уплате денежной суммы, к совершению определенного действия и к воздержанию от определенного действия (иск о воспрещении), а также в отношении длящихся обязательств — о присуждении к уплате периодических платежей.

Предмет же установительного иска есть установление не только правоотношений, но и фактов, имеющих юридическое значение, в частности, факта совершения преступления, факта подлинности или подложности документа.

Ответчик вправе предъявить встречный иск к истцу по первоначальному иску в целях совместного рассмотрения при том условии, если встречное требование находится в связи с требованием истца или способ-

но к зачету (Польск. ГПК, ст. 210; Болгарск. ГПК, ст. 104; Чехословацк. ГПК, § 422).

Таким образом, институт иска в законодательстве стран народной демократии является процессуальным средством судебной защиты нарушенного или оспариваемого права.

Судебная защита права в порядке особого производства по законодательству стран народной демократии отличается от особых производств в советском гражданском процессе тем, что к этим производствам отнесены не только такие дела, в которых нет спора о праве, но и ряд исков, разбирательство и разрешение которых имеют специфические особенности, вытекающие из характера спорных правоотношений. Кроме того, необходимо отметить некоторые отличия между ГПК Польши, Чехословакии и Болгарии. Категории дел, известные всем трем кодексам, составляют дела брачные — о расторжении брака, о признании брака недействительным, о признании факта существования или несуществования брака (Польский ГПК, ст. ст. 416—439; Болгарский ГПК, ст. ст. 256—270; Чехословацкий ГПК, § 230—241). В ГПК Польской Республики к делам особого производства отнесены еще: 1) производства по делам из отношений между родителями и детьми, т. е. об установлении и отрицании происхождения от данного лица (ст. ст. 440—450); 2) производство об охране нарушенного или о возвращении утраченного владения (ст. ст. 451—452); 3) примирительное производство, возбуждаемое стороной в суде до предъявления иска (ст. 453); 4) производство в порядке приказа, выдаваемого судом для взыскания денежной суммы долга или заменимых вещей (ст. ст. 454—464); 5) производство в порядке побуждения к платежу. ГПК Чехословацкой Республики относит к делам особого производства, кроме брачных дел, 1) дела по опеке, попечительству, усыновлению, а также дела детей, находящихся под родительской властью (§ 244—268); 2) дела о признании, установлении и отрицании отцовства (§ 269—280); 3) дела о лишении дееспособности вследствие психической болезни (§ 281—296); 4) дела об объявлении лица умершим и о доказательстве факта смерти лица (§ 297—309); 5) наследственные дела (§ 310—342); 6) дела о судебном признании документа уничтоженным (§ 343—358); 7) дела о судебном депозите (§ 359—368); 8) наемные дела, т. е. о судебном предупреждении о расторжении договора найма помещения (§ 369—393); 9) дела по народному страхованию (§ 394—403); 10) остальные гражданско-правовые дела, в частности, о выдаче приказа на взыскание (§ 404—426).

ГПК Болгарской Республики различает «особые исковые производства» (часть 3-я), «охранительное» производство (часть 6-я). К особым исковым производствам отнесены: 1) производство по брачным делам (ст. ст. 256—270); 2) производство по делам гражданского состояния, т. е. о происхождении и об отмене усыновления (ст. 271—274); 3) поставление под запрещение, т. е. назначение опеки над душевнобольным (ст. ст. 275—277); 4) судебный раздел наследственного имущества (ст. ст. 278—293), 5) защита владения и восстановление нарушенного владения (ст. ст. 294—296); 6) производство по заключению окончательного договора, предусмотренного предварительным соглашением контрагентов (ст. ст. 297—298); 7) производство по финансовым начетам (ст. ст. 299—302); 8) производство по признанию силы решения иностранного суда и по допущению его исполнения (ст. ст. 303—307).

В порядке охранительного производства суд рассматривает следующие категории дел: 1) об установлении факта (ст. ст. 436—442); 2) об объявлении безвестного отсутствия или смерти (ст. ст. 443—448); 3) о рас-

поряжениях по открывшимся наследствам (ст. ст. 449—455); 4) о признании ценной бумаги уничтоженной (ст. ст. 456—464); 5) нотариальное производство (ст. ст. 465—488).

* *
*

Государства народной демократии, выполняя функции диктатуры пролетариата, проводят огромную творческую работу в области нового законодательства, пронизанного принципами социализма.

Весьма важное теоретическое и практическое значение имеют нормы этих кодексов о судебных доказательствах. Учение о доказательствах представляет собой одну из наиболее важных и ответственных частей науки о процессуальном праве и судебном процессе.

Гражданские процессуальные кодексы стран народной демократии построили доказательственное право, исходя из основного принципа социалистического демократизма — принципа материальной истины. Судебные доказательства рассматриваются как процессуальные средства, необходимые для установления действительных взаимоотношений сторон в гражданском процессе. Суд обязан всемерно заботиться о том, чтобы установить «действительное положение дела» (Чехословацкий ГПК, § 1, ч. 2). Суд должен принимать активное участие во всестороннем выяснении «действительных прав и отношений сторон» (Болгарский ГПК, ст. 4). Этой целью определяется судебное доказывание, предмет и бремя доказывания, активность сторон, суда и прокурора в процессе доказывания, процессуальный порядок восприятия, исследования, проверки и оценки доказательств судом. Цель доказывания — установление материальной истины по данному делу. Согласно § 59 Чехословацкого ГПК, «Суд действует в производстве по долгу службы и ведет его так, чтобы как можно целесообразнее и скорее было установлено действительное положение дела». Эта же норма обязывает суд обеспечить всем лицам, участвующим в деле одинаковую возможность к осуществлению их прав и к представлению их объяснений суду. А на стороны закон возлагает обязанность «правдиво и полно описать суду все фактические обстоятельства, обосновывающие их предложения, а равно и обстоятельства, относительно которых суд будет их спрашивать» (§ 60). В этих хотя и кратких, но весьма богатых содержанием положениях проявляются демократические принципы процесса: принцип материальной истины, принцип активности суда, принцип правдивости участвующих в деле лиц, принцип состязательности,— гармонически сочетающие инициативу сторон с инициативой суда и прокурора, с активностью суда, действующего «по долгу службы». На пленарном заседании Национального Собрания Чехословацкой Республики 25 октября 1950 г. о проекте закона о производстве по гражданским делам было подчеркнуто, что в противоположность принципу формальной истины отмененного буржуазного гражданского процесса, который содействовал обеспечению буржуазной формальной юридической устойчивости капиталиста, его политической власти,— в новом гражданском процессуальном кодексе принцип материальной истины «проходит красной нитью через все постановления гражданского судопроизводства» [1]. Было отмечено, что формализм буржуазного права убивал правду и справедливость, что результат спора зависел от ловкости адвоката, а не от материальной истины, и что новый гражданский процесс «без излишних формальностей,

[1] «Бюллетень чехословацкого права», 1951, № 4, стр. 410, 412.

при активном участии суда, под охраной стража социалистической законности — прокурора, при полном доверии трудящихся — участников производства будет краеугольным камнем социалистической правды и обеспечит общее удовлетворение в области гражданско-правовых отношений»[1]. Было указано, что при разработке Чехословацкого ГПК его составители исходили из принципов социалистического демократизма и учитывали опыт советского социалистического строительства и достижений советской правовой науки. «В отличие от старого буржуазного процесса, который исходил из принципа формальной истины, новый гражданский процессуальный кодекс последовательно проводит принцип материальной истины — основной принцип социалистического демократизма»[2].

Принцип материальной истины — основное начало также Болгарского и Польского ГПК, которые в соответствии с ним определяют основное направление судебного доказывания в гражданском процессе.

Участвующие в деле лица (стороны) должны указать суду доказательственные средства для того, чтобы удостоверить истинность своих утверждений о фактических обстоятельствах дела. Не ограничиваясь этим, суд «по долгу службы» собирает доказательства, если они имеют серьезное значение для разрешения дела, хотя бы ни одна из сторон не сослалась на них (Чехословацкий ГПК, § 88). Что должно быть доказано и на ком лежит бремя доказывания в процессе, также регулируют ГПК на основе использования опыта Советского государства. Каждая сторона должна установить обстоятельства, на которых она основывает свои требования или возражения.

Суд может по своей инициативе собрать доказательства и произвести проверку собранных доказательств (Болгарский ГПК, ст. ст. 127, 129). Предметом доказывания являются «спорные обстоятельства, имеющие для дела существенное значение» (Польский ГПК, ст. 235). Эта последняя формулировка не совсем точна, так как предметом доказывания могут быть и такие факты, о которых стороны не спорят, а между тем, по мнению суда, без их установления нельзя будет вынести справедливое, законное и обоснованное решение. Ст. 236 Польского ГПК предоставляет суду право допустить доказательства независимо от ссылки на них сторон и назначить проверку доказательств, в особенности по делам об алиментах и, в частности, для установления «имущественного положения и заработка сторон».

Таким образом, судебное доказывание происходит в состязательном порядке, причем принцип состязательности гражданского процесса понимается так же, как и в советском процессе, т. е. в смысле гармонического сочетания прав сторон представлять суду доказательства и прав суда собирать их дополнительно по собственной инициативе, если это необходимо. Это подобно тому, как в советском гражданском процессе, где на сторонах лежит обязанность доказывать суду утверждаемые факты (бремя доказывания), а на суде лежит обязанность всемерно стремиться к установлению материальной истины. В соответствии с этим разрешается вопрос о значении и силе судебного признания стороны, о так называемых «бесспорных» фактах. Этой проблеме посвящены ст. ст. 238—240 Польского ГПК, согласно которым факты, признанные в судебном заседании противной стороной, не требуют доказательства, если признание не противоречит другим доказательствам и не возбуждает у суда сомнений в соответствии с истинным положением вещей.

---

[1] «Бюллетень чехословацкого права», 1951, № 4, стр. 410, 415.
[2] Там же, стр. 416.

При отсутствии возражений противной стороны по поводу фактов, утверждаемых другой стороной, суд на основе учета всех обстоятельств, установленных в процессе разбирательства дела, может считать такие факты признанными. Оценка судом внесудебного признания, а также квалифицированного признания (с оговорками) производится с учетом всех обстоятельств дела в их совокупности — следовательно, само по себе признание для суда не обязательно.

Признание подлежит проверке при помощи других доказательств, оно — не «процессуальная сделка», а лишь объяснение стороны о фактах. Показание об истине как один из видов судебных доказательств составляет предмет свободной оценки суда. В Польском ГПК содержатся специальные правила о допросе стороны «в качестве свидетеля» (отдел VI). «Если по исчерпании средств доказательства либо при их недостаточности остались невыясненными спорные факты, существенные для разрешения спора, суд может для освещения этих фактов распорядиться о доказательстве путем допроса стороны в качестве свидетеля, за исключением случаев, в которых свидетельские показания не допускаются» (ст. 311, § 1). При этом суд предупреждает подвергаемую допросу сторону о необходимости показывать суду правду и о том, что в случае необходимости, в зависимости от обстоятельств дела, от стороны может быть потребовано подтверждение показания торжественным обещанием (ст. 311, § 3) [1].

Оценка показаний стороны производится по убеждению судей, основанному на всесторонней оценке собранного материала (ст. 318). В чехословацком кодексе также придается большое значение допросу стороны судом. «Суд, если найдет это нужным, может в любое время в течение производства допросить участника. Поэтому может обязать его, чтобы он явился лично. Если участник не явится и не сообщит уважительных причин своей неявки, он может быть подвергнут приводу» (§ 69).

Польский кодекс упоминает о косвенных доказательствах, «когда установленные ими обстоятельства, взятые порознь или в совокупности, оправдывают ходатайство о признании достоверности определенного существенного для дела факта»,— ст. 241 называет это *презумпцией факта.*

Болгарский и чехословацкий кодексы различают опровержимые и неопровержимые доказательственные *презумпции права* в зависимости от того, допускает или не допускает закон опровержение презумпции, установленной действующим правом (Болгарский ГПК, ст. 128; Чехословацкий ГПК, § 90; Польский ГПК, ст. 243).

Чехословацкий ГПК относит к судебным доказательствам все средства, которые способствуют установлению истины, в частности: свидетелей, экспертов, документы и осмотр (§ 99). Это несколько неточное определение, т. к. свидетели и эксперты являются лишь источниками доказательств, а осмотр представляет собой лишь способ восприятия, проверки, исследования доказательств. Доказательствами же являются показания свидетелей, заключения экспертов, протоколы осмотра на месте.

Более четко определяет виды судебных доказательств Польский ГПК, который, говоря о проверке доказательств, перечисляет документы, показания свидетелей, заключения экспертов, осмотр и допрос сторон (отделы 2—6 раздела 2-го главы о доказательствах). Согласно болгарскому

---

[1] Ст. 3-я Болгарского ГПК гласит: «Лица, участвующие в судебном производстве, и их представители обязаны под страхом ответственности за вред осуществлять предоставленные им процессуальные права добросовестно и в соответствии с правилами социалистического общежития. Они обязаны говорить перед судом только правду».

кодексу, судебными доказательствами являются свидетельские показания, письменные документы, заключения экспертов, протоколы осмотра и освидетельствования (гл. XIII, 2—5).

По вопросу о допустимости свидетельских показаний как судебного доказательства по гражданским делам большой интерес представляют ст. ст. 133 и 134 Болгарского ГПК, согласно которым свидетельские показания допускаются во всех случаях, кроме тех, которые касаются:

1) обстоятельств, для действительности или доказанности которых закон требует письменного документа;

2) подтверждения заключения договора на сумму более 20 000 левов;

3) погашения установленного письменным актом денежного долга;

4) подтверждения заключения письменного соглашения, в котором сторона, ссылающаяся на свидетеля, принимала участие, а также его изменения или отмены;

5) опровержения содержания официального документа или исходящего от стороны частного документа.

В Польском ГПК нет аналогичной нормы, но имеются постановления, говорящие, в каких случаях свидетели могут быть допущены судом в опровержение фактов, удостоверенных документами, или в доказательство утраты или уничтожения документов. Согласно ст. 134 Болгарского ГПК, как исключение из принципа недопустимости свидетельских показаний в случаях, в которых закон требует представления письменных доказательств, свидетельские показания допускаются, если будет доказано, что документ утрачен или уничтожен не по вине стороны, а также если сторона желает доказать, что выраженная в документе сделка притворна, если притом в деле имеются письменные доказательства, исходящие от другой стороны или же удостоверяющие ее заявления перед государственными органами, которые делают вероятным утверждение, что сделка притворна. Однако это ограничение не относится к третьим лицам и к наследникам, против которых направлена оспариваемая сделка.

Аналогичное правило предусмотрено Польским ГПК. Свидетели в опровержение обстоятельств, удостоверенных в публичном или частном документе, могут быть допущены только при наличии начала доказательства на письме. Под началом доказательства на письме подразумевается каждый письменный документ, исходящий от стороны, против которой документ выдвинут, или от ее представителя, если он делает правдоподобным утверждаемое обстоятельство (ст. 272). «Доказывать свидетелями можно также в тех случаях, когда в силу закона или договора сторон для действительности сделки, которая подлежит подтверждению, требуется официальный документ или письменная форма,— если документ утрачен, уничтожен или забран 3-м лицом» (ст. 273).

Польский и чехословацкий кодексы указывают, что не могут быть допрошены в качестве свидетеля: 1) лица, неспособные к наблюдению или к сообщению своих наблюдений; 2) лица духовного звания в отношении фактов, доверенных им на исповеди или под духовной тайной; 3) военные и государственные служащие в отношении государственной тайны (Польский ГПК, ст. 274). Нельзя допрашивать в качестве свидетелей лиц, которые своими показаниями выдали бы государственную тайну или нарушили бы установленную государством обязанность хранить молчание (Чехословацкий ГПК, § 102).

Как общее правило, никто не вправе отказываться от дачи свидетельских показаний в суде (кроме супругов сторон, их братьев, сестер,

свояченников, усыновленных, усыновителей), за исключением тех случаев, когда речь идет о доказывании прав состояния (Польский ГПК, ст. 275; Болгарский ГПК, ст. 135; Чехословацкий ГПК, § 103). Свидетель может отказаться отвечать на задаваемые ему вопросы, если показание могло бы подвергнуть его или лиц, перечисленных в § 1 ст. 275, уголовной ответственности, бесчестию, существенному материальному ущербу и если показание связано с нарушением существенной профессиональной тайны (Болгарский ГПК, ст. 275, § 2). У свидетелей берется торжественное обещание показывать правду следующего содержания: «Сознавая важность моих слов и ответственность перед законом, буду говорить чистую правду, не утаивая ничего из того, что мне известно» (Болгарский ГПК, ст. 282).

Весьма важное значение в качестве судебных доказательств в гражданском процессе имеют письменные документы.

Болгарский, Польский и Чехословацкий ГПК различают документы официальные и частные, определяют порядок их проверки, оспаривания и оценки.

Сила письменных доказательств определяется судом согласно закону (Болгарский ГПК, ст. 142).

Доказательственная сила официальных и частных документов определяется следующим образом: официальный документ, выданный должностным лицом в пределах круга его служебных обязанностей по установленным форме и порядку, составляет доказательство сделанного в его присутствии заявления или совершенного им или в его присутствии действия (ст. 143). Частные документы, подписанные лицами, которые их выдали, составляют доказательство того, что заявления, содержащиеся в них, сделаны этими лицами (ст. 144). В чехословацком гражданском процессе официальными документами считаются документы, выданные чехословацкими судами или органами государственной власти и публичного управления в пределах их компетенции и в установленной форме, а также документы, которые были объявлены официальными специальными предписаниями. Официальные документы, поскольку не доказано противное, признаются доказательством истинности того, что содержащееся в них распоряжение или заявление исходит от выдавшего их учреждения, истинности того, что ими удостоверяется или подтверждается. Все другие документы считаются частными документами (Чехословацкий ГПК, § 118).

В польском гражданском процессе документы, исходящие от властей, учреждений и лиц, облеченных публичным доверием в сфере их деятельности, составляют доказательство того, что эти лица, учреждения или органы власти удостоверили или засвидетельствовали (Польский ГПК, ст. 253). Что же касается частных документов, то они служат доказательством того, что содержащиеся в них положения исходят от лица, которое подписало документ (ст. 255). Закон допускает оспаривание документов, однако нельзя свидетельскими показаниями опровергать или расширять содержание документов (ст. 256). Сторона, ссылающаяся на документ, обязана представить его суду в подлиннике, кроме тех случаев, когда противная сторона не возражает против представления копии и суд не требует подлинника (ст. 258). В целях борьбы со злоупотреблением стороны, у которой находится документ, закон предоставляет суду право признать утверждение стороны о содержании документа правильным, если противная сторона неосновательно откажется от представления документа, который находится у нее или в силу закона должен находиться у нее, если документ был ею скрыт или уничтожен (ст. 260). В случаях заявления спора о подлоге документа по-разному решается вопрос о бре-

мени доказывания в зависимости от того, является ли оспариваемый документ официальным или частным. В споре о подлоге официального документа бремя доказывания возлагается на сторону, заявившую о споре; в случае заявления о подлоге частного документа подлинность его должна доказать представившая документ сторона (Польский ГПК, ст. 266; Болгарский ГПК, ст. 154). За легкомысленное неосновательное заявление спора о подлоге суд налагает на виновную сторону штраф до 50 000 злотых, а в случае недобросовестного заявления спора о подлоге документа — свыше 50 000 злотых.

Особенности заключения эксперта как вида судебного доказательства в гражданском процессе связаны с процессуальным порядком проведения судебной экспертизы, с особыми требованиями, предъявляемыми к лицам, привлекаемым судом в качестве экспертов, с процессуальными правами и обязанностями последних, с процессуальными правами сторон при производстве судебной экспертизы. Закон устанавливает, в каких случаях суд может назначить экспертизу, а именно: когда для разъяснения каких-либо возникающих по делу вопросов требуются «специальные познания в области науки, искусства, ремесла и др., какими суд не обладает» (Болгарский ГПК, ст. 157); «если решение зависит от оценки обстоятельств, для которой требуются специальные знания» (Чехословацкий ГПК, § 108). Экспертами не могут быть назначены родственники сторон, супруги, а также лица, заинтересованные в исходе дела (Болгарский ГПК, ст. 158, Чехословацкий ГПК, § 109).

Согласно ст. 295 Польского ГПК, эксперт дает суду торжественное обещание добросовестно и беспристрастно выполнить возложенные на него судом обязанности эксперта.

Аналогичное правило содержится в ст. 160 Болгарского ГПК.

Постоянные судебные эксперты приносят торжественное обещание только при своем вступлении в должность (Польский ГПК, ст. 296).

Для того чтобы эксперт мог должным образом выполнить свои обязанности, т. е. дать суду обоснованное научное заключение, суд вправе предоставить эксперту для ознакомления материалы дела, вещественные доказательства и дать возможность участвовать в допросе свидетелей (ст. 297).

В необходимых случаях суд может потребовать от соответствующих органов государственной власти и публичного управления или учреждений, чтобы они дали свое заключение или проверили заключение, данное экспертом (Чехословацкий ГПК, § 108). Таким образом, в чехословацком гражданском процессе экспертом может быть не только физическое лицо или несколько назначенных судом физических лиц, но и учреждения (юридические лица).

Если по делу судом было назначено несколько лиц в качестве экспертов и между ними возникли разногласия, то каждая группа экспертов излагает свое заключение отдельно. В случае надобности, т. е. если суд не находит возможным принять за основу решения мнение одной из групп экспертов, суд может потребовать от экспертов дополнительного исследования или назначить других экспертов (Болгарский ГПК, ст. 161).

Протоколы осмотра на месте и акты освидетельствования имеют существенное значение в гражданском процессе в спорах о разделе строений, в исках о возмещении имущественного вреда, причиненного увечьем, и т. п.

В некоторых случаях осмотр и освидетельствование соединяются с экспертизой на месте осмотра и освидетельствования.

«Суд может по просьбе сторон или по своему усмотрению назначить

осмотр движимых или недвижимых вещей или освидетельствование лиц с участием или без участия сведущих лиц» (Болгарский ГПК, ст. 162). «Суд может назначить осмотр без участия экспертов или с их участием и, в зависимости от обстоятельств дела, в связи с допросом свидетелей» (Польский ГПК, ст. 303). «Суд определяет, в каком направлении и каким способом будет проведен осмотр; перед этим он может допросить участников» (Чехословацкий ГПК, § 119). Если предмет осмотра находится у противной стороны или у третьего лица, суд может обязать участвующих в деле, а также посторонних лиц представить предмет осмотра (§ 120). Не допускается проведение осмотра, если это связано с выдачей государственной тайны или с нарушением обязанности хранить молчание (§ 121).

Осмотр и освидетельствование допускаются как для проверки других доказательств, так и в качестве самостоятельного доказательства. Они совершаются всем составом суда или членом суда по поручению или другим судом по поручению (Болгарский ГПК, ст. 163).

Проверка доказательства может быть произведена не только путем осмотра или освидетельствования, но и при помощи других доказательств, в частности, путем допроса свидетелей, экспертизой, рассмотрением письменных доказательств и допросом сторон. Специальные правила о проверке доказательств имеются в Польском ГПК (раздел 11, общие положения); согласно этим правилам, проверка доказательств производится судом, разбирающим дело; как исключение, при серьезном неудобстве произвести проверку доказательств в суде по месту разбирательства дела, суд поручает произвести проверку доказательств одному из своих судей (выделенному судье) или городскому суду по месту нахождения доказательств (суду по отдельному поручению) (ст. 244).

Гражданское процессуальное право стран народной демократии отвергло оценку доказательств судом по каким-либо формальным основаниям: еще до принятия ГПК в связи с демократизацией процесса судам было предоставлено в зависимости от обстоятельств дела допустить то или иное доказательство. В этом отношении суды не были стеснены никакими формальными соображениями. В гражданских процессуальных кодексах правила об оценке судом доказательств весьма напоминают чеканную формулу ст. 319 УПК РСФСР и ст. 23 «Основ уголовного судопроизводства СССР, союзных и автономных республик», оказавшую большое влияние на составителей ГПК стран народной демократии. Оценка доказательств, их достоверности и силы производится по «собственному убеждению» судей «на основе всестороннего обсуждения собранного материала» (Польский ГПК, ст. 242). «Показания родственников, опекуна или попечителя сославшейся на него стороны, усыновителей и усыновленных, находящихся с противной стороной или с ее родственниками в гражданской или уголовной тяжбе; поверенных, на которых сослались их доверители, а также всех других заинтересованных в пользу или во вред одной из сторон, оцениваются судом с учетом всех других данных по делу, по которым можно усмотреть возможность их заинтересованности» (Болгарский ГПК, ст. 136). «Суд оценивает, сохраняет ли документ и в какой мере доказательную силу, несмотря на перечеркивания, подчистки и иные повреждения — на основе обстоятельств конкретного случая» (Польский ГПК, ст. 270). «Суд не обязан принять заключение экспертов и обсуждает его совместно с другими доказательствами по делу» (Болгарский ГПК, ст. 157).

Все эти постановления по вопросам об оценке отдельных видов доказательств показывают, что подобно советскому гражданскому процессу-

альному праву гражданское процессуальное право стран народной демократии считает критерием оценки доказательств внутреннее убеждение судей, в основе которого лежит субъективный критерий — социалистическое правосознание судей и объективный — рассмотрение всех обстоятельств дела в их совокупности. Эта мысль выражена в нормах, имеющих общее значение для судейской оценки доказательств. «Суд оценивает все доказательства по делу и доводы сторон по своему убеждению. Он основывает решение на обстоятельствах дела, признанных им установленными, и на законе. Суд принимает во внимание и наступившие после предъявления иска факты, которые имеют значение для спорного права» (Болгарский ГПК, ст. 188). Несколько расплывчатый характер имеет формула Чехословацкого ГПК: «При установлении фактического положения суд оценит результаты произведенного доказывания, заботливо обращая при этом внимание на все, что обнаружилось или же что случилось во время производства, а равно и на то, на что участники во время производства указали» (§ 93). В этой норме ничего не сказано о внутреннем убеждении судей и на чем оно само должно быть основано. По отдельному частному случаю следующий параграф упоминает о «свободном усмотрении» суда, повидимому, подразумевая под этим внутреннее убеждение судей. Если претензия ясна по своему основанию, но размеры ее нельзя вообще твердо установить, или если их установление связано с несоразмерными затруднениями, суд может определить ее размеры по своему свободному усмотрению.

Нормы доказательственного права Болгарской, Польской и Чехословацкой Республик свидетельствуют о том, что под благотворным влиянием советского права процессуальное право стран народной демократии успешно развивается по пути подлинного социалистического демократизма, что их гражданские процессуальные кодексы содействуют выполнению задач социалистического правосудия.

* *
*

В целях быстрого и правильного разрешения дела судья единолично производит его предварительную подготовку с тем, чтобы по возможности рассмотреть и разрешить это дело, не откладывая, в одном заседании (Чехословацкий ГПК, § 62). Разбирательство дела происходит, как общее правило, в открытом судебном заседании; дело может слушаться при закрытых дверях, когда этого требуют охрана государственной тайны или имеющие серьезное значение интересы участвующих в споре лиц (Чехословацкий ГПК, § 63; Польский ГПК, ст. 105; Болгарский ГПК, ст. ст. 162—165). Стороны должны быть вызваны в судебное заседание; повестка о вызове в суд должна быть вручена сторонам заблаговременно, чтобы они могли подготовиться к защите своих интересов в судебном заседании (Чехословацкий ГПК, § 55, 61, 62; Польский ГПК, ст. 159; Болгарский ГПК, ст. ст. 41, 42, 45, 46). Разбирательство дела производится устно; все происходящее в судебном заседании заносится в протокол, с которым стороны могут ознакомиться и подать свои замечания о неправильностях, содержащихся в протоколе судебного заседания (Чехословацкий ГПК, § 66, 76; Польский ГПК, ст. ст. 168—170; Болгарский ГПК, ст. 126).

Когда все существенные для дела фактические обстоятельства вполне выяснены и прения сторон закончены, суд удаляется в совещательную комнату для постановления решения. В постановлении судебного решения

принимают участие только судьи, которые участвовали в том судебном заседании, в котором было закончено разбирательство дела.

Решение выносится после закрытого совещания судей, которое состоит из обсуждения и голосования. Решение выносится большинством голосов, никто из судей не вправе воздержаться от голосования (Чехословацкий ГПК, § 154, 155; Польский ГПК, ст. ст. 326, 332, 333; Болгарский ГПК, ст. ст. 186, 187). Порядок голосования устанавливают ГПК Чехословацкой и Польской Республик. «Судьи из народа голосуют перед судьями по профессии, а именно — младшие перед старшими, председательствующий голосует последним» (Чехословацкий ГПК, § 155). «Председательствующий опрашивает голоса судей в порядке судебного старшинства, начиная с младшего, сам же голосует последним. Докладчик, если таковой был назначен, голосует первым... при отсутствии большинства перевес дает голос председательствующего» (Польский ГПК, ст. 333).

Из общего положения, что суд при постановлении решения не может выйти за пределы требований истца («суд не вправе выносить решение о вещи, которая не была предметом искового требования или присуждать свыше искового требования»), Польский ГПК делает исключение для исков государственной казны, когда размер требования не установлен договором или особыми правилами, а также для исков об алиментах, для исков из трудовых отношений или о возмещении вреда, причиненного недозволенным деянием (ст. 329). При невозможности или крайней затруднительности точно доказать размер требования убытков или доходов суд может присудить соответствующую сумму по своему усмотрению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела (ст. 330). Таким образом, закон предоставляет суду широкие полномочия при постановлении решения, необходимые для того, чтобы решение соответствовало действительным взаимоотношениям сторон. Гуманизм гражданского процессуального права стран народной демократии проявляется также и в праве суда как при вынесении решения, так и после отсрочить или рассрочить исполнение решения, исходя из имущественного положения сторон или иных обстоятельств дела (Болгарский ГПК, ст. 191). Судебное решение должно содержать в себе описательную, мотивировочную и резолютивную части. В мотивировочной части указываются факты, признанные судом, и доказательства, «на которые суд опирался», а также правовое основание решения с приведением норм материального права, регулирующих правоотношение сторон по делу. Решение подписывают все судьи, принимавшие участие в его постановлении. После этого председательствующий публично оглашает решение (Болгарский ГПК, ст. ст. 189, 190; Польский ГПК, ст. ст. 334—338; Чехословацкий ГПК, § 156—158).

По сложным делам объявление решения может быть отложено на срок до 7 дней (Болгарский ГПК, ст. 190) или до 15 дней (Чехословацкий ГПК, § 156; Польский ГПК, ст. 335).

В тех случаях, когда по делу часть исковых требований доказана с достаточной полнотой, а в отношении другой требуется дополнительная проверка доказательств, суд может вынести частичное решение. Кроме того, суд может вынести решение по вопросу о существовании или несуществовании правоотношения, от которого зависит исход дела в целом или в части, а также размеры присуждения исковых требований. В этих случаях после вынесения частичного или промежуточного решения суд продолжает рассмотрение дела, проверку доказательств и по окончании выносит решение в отношении неразрешенной части иска или в отношении размера удовлетворения исковых требований.

«Судебное решение должно исчерпать весь предмет производства. Однако суд может в форме судебного решения, если это является целесообразным, вынести решение сначала также относительно части предмета производства.

Если предмет производства является спорным — и в отношении основания и в отношении его размера, суд может в форме судебного решения сначала решить об основании предмета; если он признает основание обоснованным, то продолжает производство только после того, как это решение вступит в законную силу» (Чехословацкий ГПК, § 149).

«По просьбе истца суд может вынести частичное решение, если достаточно выяснена для решения только часть иска или некоторые из исковых требований; то же самое относится к встречному иску.

На том же основании суд может вынести частичное решение, разрешая в целом требование по прямому иску или же по встречному» (Польский ГПК, ст. 327).

«Признавая требование правильным в основании, суд может вынести предварительное решение об основании иска, а по спору о размере — постановить или продолжать разбор дела или отсрочить его.

В случае постановления о продолжении разбора решение по вопросу о размере, а равно об издержках может состояться лишь после вступления в законную силу предварительного решения» (ст. 328).

Аналогичное правило о предварительном решении содержится в Болгарском ГПК (ст. 118).

Судебное решение, которое не может быть обжаловано в нормальном порядке, вступает в законную силу (Чехословацкий ГПК, § 161).

Более подробные правила о моменте вступления решения в законную силу, о субъективных и объективных пределах законной силы, о правовых и процессуальных последствиях вступления решения в законную силу, а также о законной силе решения, постановленного по иску прокурора, содержатся в 20-й главе Болгарского ГПК и в 6-м разделе Польского ГПК.

В законную силу вступают решения: 1) не подлежащие обжалованию; 2) решения, на которые жалоба не подана или поданная жалоба взята обратно; 3) решения, по которым жалоба отклонена (Болгарский ГПК, ст. 219).

Таким образом, решения, которые вообще не подлежат обжалованию, вступают в законную силу в момент их провозглашения судом. По остальным делам решение вступает в законную силу: а) в момент истечения срока на обжалование, если жалоба не подана; б) в момент вынесения судебного определения о прекращении дела, если поданная жалоба взята жалобщиком обратно: в) в момент вынесения вышестоящим судом определения об отклонении поданной жалобы.

Вступившее в законную силу решение имеет обязательное значение для сторон, их наследников, правопреемников, для всех судов и учреждений республики.

Решение по иску о гражданском состоянии, в том числе и по брачным делам, «имеет силу по отношению ко всем» (ст. 220).

Решение суда вступает в законную силу лишь для сторон, участвующих в споре, о том же предмете, по тому же основанию иска, а также в отношении разрешенных им требований и возражений об улучшениях и приращениях (ст. 221).

Вступившее в законную силу решение по иску прокурора обязательно также и для стороны, в интересах которой прокурор предъявил иск (ст. 223).

Спор, разрешенный вступившим в законную силу судебным решением, не может быть перерешен, кроме случаев, предусмотренных законом (имеется в виду пересмотр в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам.— *А. К.*).

Вторично возбужденное дело суд должен прекратить по собственной инициативе (ст. 224).

Аналогичные в основном правила предусмотрены в Польском ГПК. Решение и определение суда вступают в законную силу, если они не подлежат обжалованию сторон (ст. 365).

Вступившее в законную силу решение имеет силу в отношении того, что в связи с основанием иска составляло предмет спора, притом только между теми же сторонами, если иное не вытекает из закона (ст. 367).

Вступившее в законную силу решение по иску прокурора обязательно для стороны, в интересах которой прокурор начал дело в суде. Но в делах об имущественных требованиях оно не лишает заинтересованную сторону, не участвовавшую в деле, возможности добиваться осуществления своих требований в целом или в той части, в которой они не были предметом судебного решения (ст. 368).

Таким образом, Болгарский и Польский ГПК, распространяя законную силу решения по делу, начатому прокурором, на не участвовавшее в деле лицо, в интересах которого прокурор предъявил иск, повидимому, исходят из теории «презумптивного» представительства, рассматривая прокурора как представителя заинтересованного в деле лица.

Как общее правило решение суда может быть обращено к принудительному исполнению лишь по вступлении его в законную силу. Как исключение закон предусматривает «предварительное» или «немедленное» исполнение решения суда до вступления в законную силу по делам об алиментах и вознаграждении за труд (Болгарский ГПК, ст. 238; Польский ГПК, ст. 341); по делам об авторском гонораре и вознаграждении артистам-исполнителям и научным работникам за их выступления, об уплате возмещения личных потребностей не свыше, чем за 3 месяца, о взыскании денег или ценных бумаг на основании официальных документов; по искам, признанным ответчиком (Чехословацкий ГПК, § 163). По всем этим делам суд обязан немедленно выдать истцу исполнительный лист. Кроме того, по некоторым категориям дел закон предоставляет усмотрению суда в зависимости от конкретных обстоятельств данного дела допустить предварительное исполнение решения или отказать в нем (Чехословацкий ГПК, § 164; Болгарский ГПК, ст. 238, ч. 2-я; Польский ГПК, ст. 341, § 2, 3).

Суд выносит определение в тех случаях, когда его постановление не разрешает спора сторон по существу. Определения, кроме тех, которые заканчивают дело, могут быть изменяемы или отменяемы судом вследствие изменившихся обстоятельств, ошибок или упущений (Болгарский ГПК, ст. 195).

Суд не связан своим определением, которое касается хода процесса, доказывания, подготовки дела, назначения дня судебного заседания (Чехословацкий ГПК, § 166). Постановленное судом определение может быть приведено в исполнение вне зависимости от вступления его в законную силу, поскольку суд в соответствии с особыми обстоятельствами дела не приостановил его исполнение или поскольку закон не установил иное (§ 169).

Суд выносит определение о прекращении производства по делу, если истец отказался от иска или если вынесение решения по иным причинам стало излишним (Польский ГПК, ст. 361).

Определения, выносимые судом в процессе разбирательства дела в судебном заседании, объявляются в судебном заседании и должны быть изложены в письменном виде с мотивировкой, если они по закону могут быть обжалованы. Определения суда, вынесенные без разбирательства дела в судебном заседании, должны быть вручены обеим сторонам, кроме определений об обеспечении иска, которые вручаются только истцу (ст. 362).

В случае изменения обстоятельств дела суд вправе отменить или изменить свое определение, кроме заключительных определений, которыми заканчивается производство по делу (ст. 363).

* *
*

Подобно советскому гражданскому процессуальному праву, гражданское процессуальное право Болгарской, Польской и Чехословацкой Республик исходит из того: 1) что решение по существу дела, как правило, выносит лишь суд первой инстанции; 2) что проверка судебных решений, не вступивших в законную силу, производится только судом второй инстанции; 3) что пересмотр вступивших в законную силу решений может производиться только как исключение из общего правила при наличии существенного нарушения закона или вследствие вновь открывшихся обстоятельств.

Тем не менее в формах обжалования и пересмотра судебных решений между ГПК Болгарии, Польши и Чехословакии имеется ряд различий.

Болгарский ГПК не употребляет терминов «апелляция», «кассация», «ревизия». Однако по содержанию XVIII главы «Обжалование решения» нетрудно вывести заключение, что жалоба на решение суда является кассационной, а проверка обжалованного решения — кассационно-ревизионной, что апелляция не допускается.

Жалобы на решения околийских судов рассматриваются окружными судами, а на решения окружных судов в качестве суда первой инстанции — Верховным Судом, поскольку не постановлено иное (ст. 196). Срок для подачи жалобы 7 дней (ст. 197). Закон предоставляет сторонам во всяком положении дела отказаться целиком или в части от поданной жалобы, но предварительный отказ сторон от права обжалования недействителен (ст. 203).

В суд 2-й инстанции сторонами могут быть представлены письменные доказательства, а также может быть допущено признание стороны, которые суд 2-й инстанции оценивает только в целях проверки правильности обжалованного решения (ст. 205). Представляется весьма верным такое разрешение вопроса о доказательствах и их оценке вышестоящим судом, когда суд 2-й инстанции, не превращаясь в апелляционную инстанцию, имеет возможность всесторонне проверить правильность решения нижестоящего суда, не ограничиваясь материалами, имеющимися в деле последнего, но использует представленные письменные доказательства и объяснения сторон в подтверждение правильности или неправильности обжалованного решения.

Аналогична статье 245 ГПК РСФСР статья 206 Болгарского ГПК, которая устанавливает обязанность вышестоящего суда проверить в ревизионном порядке все дело. «Суд второй инстанции не ограничивается только обсуждением оснований, приведенных стороной, а обязан по своей инициативе проверить в целом правильность решения». Этот очень важный момент в обжаловании в болгарском процессе дает возможность 2-й инстанции проверить судебное решение с точки зрения соответствия

его закону и материальной истине, т. е. законность и обоснованность обжалованного решения. Исходя из этих задач вышестоящего суда, ст. 207 определяет основания к отмене обжалованного решения: противоречие закону, нарушение правил судопроизводства, неполнота собранных доказательств, необоснованность решения. Как правило, суд 2-й инстанции, отменяя решение, возвращает дело в суд 1-й инстанции на новое рассмотрение в другом составе судей, причем указания по применению закона являются обязательными для суда, вновь рассматривающего дело. В суде 1-й инстанции стороны могут представлять новые доказательства, а суд допрашивает вновь свидетелей, участвовавших при первоначальном рассмотрении дела (ст. 208).

В том случае, если фактические обстоятельства дела полно и правильно установлены судом 1-й инстанции и нет надобности в собирании дополнительных доказательств или в проверке собранных, то суд 2-й инстанции, отменяя обжалованное решение, сам решает дело на основании установленных нижестоящим судом обстоятельств дела (ст. 209).

При вторичной отмене решения суда 1-й инстанции вышестоящий суд решает дело по существу, причем в случае надобности допрашивает заново свидетелей и экспертов (ст. 210).

В целях объединения практики судов 2-й инстанции и разъяснения спорных неясных вопросов применения закона Верховному Суду как высшему судебному органу Республики предоставлено право давать разъясняющие решения по спорным или противоречиво разрешаемым вопросам о применении закона. Эти решения выносит общее собрание гражданских отделений Верховного Суда на основании представления Министра юстиции, Главного прокурора, Председателя Верховного Суда, председателей окружных судов или советов адвокатов. Решения эти публикуются и служат руководством для судов (ст. 212).

В польском гражданском процессе на решение по существу дела и на определения суда первой инстанции, которыми заканчивается производство по делу, поскольку иное не установлено особыми правилами, допускается кассационная жалоба (Польский ГПК, ст. 369, § 1).

Срок для подачи кассационной жалобы — две недели со дня вручения мотивированного решения (ст. 373).

Кассационные жалобы на решения уездных судов рассматривает воеводский суд, а на решения воеводского суда по первой инстанции — Верховный Суд (ст. 370, § 1).

Закон устанавливает следующие кассационные поводы к отмене решения суда 1-й инстанции:

1) нарушение нормы материального права вследствие ошибочного толкования его или ненадлежащего применения,

2) недействительность производства,

3) противоречие установленных судом существенных обстоятельств содержанию собранного по делу материала,

4) другие процессуальные нарушения, если они могли повлиять на исход дела (ст. 371, § 1).

Таким образом, по сути дела основаниями к отмене решения являются незаконность судебного решения, выразившаяся в нарушении норм материального или процессуального права, или необоснованность решения, выразившаяся в противоречии выводов суда о фактических обстоятельствах имеющимся в деле доказательствам.

Далее разъясняется, в каких случаях недействительно производство, а именно: при рассмотрении судом дела, неподведомственного судебным органам, или в случае рассмотрения уездным судом дела, подсудного

воеводскому суду, о неимущественных правах и о взыскиваемых в связи с ними имущественных притязаниях в случае недееспособности стороны при отсутствии ее представителя; при наличии вступившего в законную силу решения суда по тому же делу (по спору между теми же сторонами и о том же требовании); при незаконном составе суда; в случае лишения стороны возможности защищать свои права (ст. 371, § 2). Во всех этих случаях решение нижестоящего суда вынесено с нарушением закона и потому оно подлежит отмене.

Проверка правильности обжалованного решения носит, как правило, кассационный характер; права кассационной инстанции проверять дело в ревизионном порядке значительно у́же, чем в советском и болгарском гражданских процессах.

Рассмотрение дела начинается докладом одного из членов кассационной инстанции, который, излагая обстоятельства дела, обращает особое внимание на кассационные поводы и ходатайства, а также на нарушения, которые кассационный суд должен рассмотреть по своей инициативе (ст. 378).

Рассмотрение дела производится в пределах кассационной жалобы, тем не менее закон предоставляет сторонам право приводить новые обоснования кассационных поводов (ст. 379).

Рамки ревизионного рассмотрения дела определены статьями 380 и 381.

«Кассационный суд решает дело в пределах жалобы, принимая, однако, по своей инициативе во внимание:

1) не возникает ли вопрос о недействительности производства,

2) не есть ли в обжалованном решении явное нарушение правосудия и интересов демократического государства,

3) не нарушены ли нормы права материального» (ст. 380, § 1).

«Кассационный суд не связан пределами жалобы в делах о неимущественных правах, а также об имущественных требованиях по делам из отношений семейных или трудовых» (ст. 380, § 2).

«Кассационный суд может по своей инициативе рассмотреть дело в отношении лиц, не обжаловавших решения; однако это может иметь место лишь тогда, когда составляющие предмет спора права или обязанности являются общими также для лиц, не обжаловавших решения, или если они опираются на ту же основу, фактическую и юридическую» (ст. 381).

В случае отмены решения дело передается для нового рассмотрения в суд первой инстанции, который ранее его решал, или иному суду «равного ранга» (ст. 384).

Указания по вопросам толкования права, содержащиеся в кассационном определении, обязательны для суда, которому дело передано на новое рассмотрение (ст. 385).

Если решение суда 1-й инстанции, хотя и содержит ошибочную мотивировку, но «в конечном счете соответствует положениям закона»,— то кассационная жалоба отклоняется (ст. 383). Единственный случай, когда в изъятие из общего правила кассационный суд, отменяя решение суда 1-й инстанции, сам выносит решение по существу дела,— это когда нарушена норма материального права, отсутствуют существенные процессуальные нарушения и фактические обстоятельства дела установлены судом 1-й инстанции правильно (ст. 386).

В тех случаях, когда воеводский суд при кассационно-ревизионной проверке обжалованного решения уездного суда признает, что разрешение кассационной жалобы зависит от разрешения правового вопроса,

«возбуждающего серьезные сомнения или различно решаемого судебными местами», воеводский суд по ходатайству прокурора или по своей инициативе может передать дело на рассмотрение Верховного Суда (ст. 388).

Чехословацкий ГПК относит к «нормальным средствам обжалования» апелляционную жалобу, которая коренным образом отличается от буржуазной апелляции современных империалистических государств. Подлинно демократический характер апелляции в чехословацком гражданском процессе состоит в том, что апелляционная жалоба может быть подана на решение по любому делу, что закон не устанавливает никаких ограничений обжалования, что решение апелляционного суда не подлежит дальнейшему обжалованию, что сторонам предоставлены широкие процессуальные права в апелляционной инстанции, что право апелляции принадлежит также прокурору.

Апелляционная жалоба допускается в отношении каждого судебного решения районного суда. Обжалование одних только мотивов судебного решения не допускается.

Если обжалование не направлено одновременно и против резолютивной части судебного решения, вынесенного по существу дела, то средством обжалования остальных постановлений, заключающихся в резолютивной части судебного решения, в особенности постановления об издержках производства и о процессуальном возражении,— является частная жалоба (§ 172).

Срок на подачу апелляционной жалобы установлен 15-дневный со дня вручения судебного решения (§ 173, ч. 1-я).

Говоря о лицах, правомочных на подачу апелляционной жалобы, ГПК устанавливает, что апелляционную жалобу может подать участник или прокурор (§ 174).

ГПК предусматривает приостанавливающее действие подачи апелляционной жалобы: если управомоченное лицо своевременно подало апелляционную жалобу, то обжалованное решение вплоть до разрешения апелляционной жалобы судом 2-й инстанции не вступает в законную силу и его исполнение приостанавливается; если судебное решение касается нескольких противников или нескольких претензий с самостоятельным фактическим основанием и апелляционная жалоба касается только некоторых противников или некоторых претензий, то необжалованная часть судебного решения вступает в законную силу (§ 178).

После открытия судебного заседания председатель или член судебной коллегии докладывает дело, излагая обстоятельства, содержание апелляционной жалобы и объяснения по ее поводу; после этого председательствующий разъясняет участникам дела, что они могут обосновать свои предложения и возражения устно (§ 182).

При проверке правильности решения суда 1-й инстанции апелляционный суд не связан фактическим составом, который установил суд 1-й инстанции. Участники дела могут приводить фактические обстоятельства и представлять доказательства, которые в производстве суда 1-й инстанции не были ни проверены, ни предложены. Апелляционный суд может распорядиться о том, чтобы доказывание, произведенное в суде первой инстанции, было повторено.

Жалобщик может вплоть до окончания апелляционного судебного заседания изменить свои требования по существу дела, которые были заявлены в суде 1-й инстанции. До окончания судебного заседания апелляционного суда допускается изменение апелляционных предложений и оснований. Апелляционный суд может отменить решение 1-й инстанции даже в том случае, когда предлагалось его изменить.

Однако не допускается изменение:

а) если оно касается участников, против которых не направлена апелляционная жалоба;

б) если оно касается тех предъявленных в производстве претензий, которые имеют самостоятельное фактическое основание и которые апелляционной жалобой не были затронуты (§ 183).

Апелляционный суд рассматривает дело в пределах апелляционных предложений (§ 183). При этом он принимает во внимание недостатки производства суда 1-й инстанции лишь постольку, поскольку их результатом могло бы быть неправильное решение по делу (§ 184).

Апелляционный суд, как правило, выносит судебное решение по существу дела, оставляя в силе или изменяя решение суда 1-й инстанции.

В своем решении апелляционный суд может сослаться и на фактический состав, установленный судом 1-й инстанции (§ 185).

Апелляционный суд может своим определением отменить решение суда 1-й инстанции и вернуть ему дело для дальнейшего производства и решения: а) если суд 1-й инстанции, исходя из иной правовой точки зрения, чем апелляционный суд, в существенных пунктах не сделал предметом своего рассмотрения фактический состав дела; б) в том случае, когда обнаружит недостатки производства, указанные в § 184, и если вместе с тем устранение этих недостатков потребовало бы несоразмерного дополнения производства. Суд 1-й инстанции связан правовой точкой зрения, указанной в определении апелляционного суда (§ 186).

В отличие от ГПК РСФСР, который содержит правила о частных жалобах «отдельно от кассационной» и об определениях, вообще не подлежащих обжалованию,— Болгарский ГПК допускает частные жалобы на определения суда лишь в двух случаях: а) когда определение преграждает дальнейшее движение дела; б) в случаях, прямо предусмотренных в законе (ст. 213). Срок для подачи частной жалобы — 7 дней (ст. 214). Как правило, подача частной жалобы не препятствует продолжению производства по делу и не приостанавливает исполнения обжалованного частного определения суда, кроме случаев, когда закон устанавливает иное. Но суду 2-й инстанции предоставлено право приостановить до разрешения частной жалобы производство суда 1-й инстанции или исполнение обжалованного определения (ст. 216). Частная жалоба рассматривается в закрытом заседании суда 2-й инстанции, который вправе рассмотреть ее в открытом заседании, если найдет это нужным (ст. 217).

В Польском ГПК дан перечень определений суда и распоряжений председателя, на которые допускается частная жалоба в кассационный суд, а именно:

1) о возвращении искового заявления,

2) об отказе в освобождении от судебных издержек,

3) о немедленном исполнении решения,

4) о наложении штрафа на свидетеля, эксперта, сторону, 3-е лицо;

5) об аннулировании третейской записи,

6) об отказе в назначении третейского судьи или председателя третейского суда,

7) об обращении к исполнению решения третейского суда или судебной мировой сделки,

8) о приостановлении производства и об отказе в его возобновлении,

9) об отказе в обозрении дела в целом или в части,

10) об отказе в восстановлении срока на обжалование,

11) о непринятии жалобы на возобновление производства,

12) на решение суда относительно судебных издержек,

13) об отказе в выдаче приказа об уплате,

14) о непринятии кассационной или частной жалобы, отзыва на заочное решение, возражений против приказа об уплате,

15) о размере судебных сборов и об отказе в их возврате (ст. 391).

Вопрос о приостанавливающем действии подачи частной жалобы решается так же, как в Болгарском ГПК (ст. 393).

Порядок рассмотрения частной жалобы почти такой же, как и в Болгарском ГПК: «Кассационный суд рассматривает частную жалобу в распорядительном заседании, но может до ее рассмотрения потребовать объяснений, а в случае надобности распорядиться о представлении доказательств или назначить к слушанию» (ст. 394, § 1).

Чехословацкий ГПК содержит по вопросу об обжаловании частных определений следующие правила.

На определение районного суда допускается частная жалоба, если суд связан этим определением (§ 190).

В отличие от Польского ГПК, указывающего, на какие определения допускается частная жалоба, Чехословацкий ГПК перечисляет определения, на которые частная жалоба не может быть подана.

Согласно § 192, не допускается частная жалоба на определение:

а) которым был устранен судья (§ 22);

б) которым было возвращено заявление с указаниями и разъяснениями относительно устранения недостатков заявления (§ 45);

в) которым дело после опроса участника было передано за неподсудностью суда (§ 56, ч. 1);

г) которым было отклонено предложение об удалении публики (§ 63, 68);

д) которым было допущено или не было допущено изменение предложения (§ 72); или же которым была признана или не была признана сила действия за заявлением участника о снятии предложения (§ 73), за признанием претензии или за отказом от признания претензии (§ 74); или же которым было утверждено или не было утверждено судебное мировое соглашение (§ 40, 75);

е) которым был продлен срок или отклонено предложение о его продлении (§ 84);

ж) которым было разрешено восстановление срока (§ 86);

з) которым было решено о расходах свидетеля (§ 107) или же о претензиях посторонних лиц на возмещение их издержек (§ 115, ч. 2; § 120, ч. 2);

и) которым было разрешено обеспечение доказательства (§ 123);

к) которым была возложена обязанность внесения суммы, предназначенной для покрытия расходов (§ 128).

Закон разрешает, поскольку из других постановлений не вытекает иного и поскольку характер дела это допускает, обосновать частную жалобу новыми фактами и доказательствами (§ 193).

Правила чехословацкого процесса о частных жалобах предоставляют суду 1-й инстанции самому удовлетворить частную жалобу, если она направлена против определения, по которому иное лицо, чем жалующийся, не приобрело прав, или же если налицо определение, которым был назначен штраф или предписан привод.

Если же суд первой инстанции не намерен сам удовлетворить частную жалобу или если частная жалоба направлена против иного опреде-

ления, чем определение, указанное в ч. 1, то председатель судебной коллегии производит обследование — поскольку по содержанию частной жалобы признает это необходимым — и препровождает частную жалобу вместе с актами обследования суду 2-й инстанции (§ 194).

Как правило, определение по частной жалобе выносит суд 1-й инстанции. Суд 1-й инстанции, если считает это нужным, предписывает опрос участников или иное обследование. Если в 1-й инстанции было вынесено определение после разбирательства дела в судебном заседании, то суд 2-й инстанции также может назначить рассмотрение жалобы в судебном заседании (§ 195).

Согласно § 166, «Суд связан своим определением, как только объявил его, а если объявление не имело места — то как только определение было сдано для изготовления».

Суд не связан своим определением, которое касается только ведения производства, в особенности не связан определением и распоряжением о вручении (§ 46—53); определением, которым регистрируется ход производства, предписывается доказывание и определяется способ его проведения (§ 59, 64, 68, 71, 88, 95, 98, 106, 108, 110, 116, 119, 122); устанавливается день судебного заседания и иные дни для слушания дела (§ 61, 68) или предпринимаются меры для их подготовки (§ 62, 68).

* *
*

В Чехословацком ГПК пересмотр судебных решений, вступивших в законную силу, относится к «чрезвычайным средствам обжалования» (глава 6, отдел 2). Вряд ли можно признать удачным этот термин, который ставит в один ряд обжалование решений, не вступивших в законную силу, и пересмотр решений в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам после того, как решение вступило в законную силу. В последнем случае термин «обжалование» неприменим ввиду специфических особенностей процессуального института пересмотра. Повидимому, тут сказалось принятое в буржуазном процессе обозначение апелляции как нормального порядка обжалования и кассации как экстраординарного порядка обжалования.

Раздел второй, посвященный пересмотру решений в порядке надзора, озаглавлен: «Жалоба о нарушении закона». Право принесения протеста на решение, вступившее в законную силу, принадлежит только Генеральному Прокурору Республики. Протест рассматривает Верховный Суд Республики. На вступившее в законную силу решение гражданского суда Генеральный Прокурор может подать жалобу о нарушении закона, если, по его мнению, в производстве или при постановлении решения закон был нарушен.

Из-за недостатков производства жалобу о нарушении закона можно принести только в том случае, если налицо дела, не подлежащие компетенции чехословацких судов или по крайней мере судов нормальных, или же если недостатки производства имели своим последствием неправильное решение по делу.

На решение Верховного Суда жалоба о нарушении закона не допускается (§ 210). Для принесения «жалобы о нарушении закона» срок не установлен (§ 211). Верховный Суд и по жалобе прокурора и по долгу службы может приостановить исполнение опротестованного решения (§ 213). Рассмотрение протеста производится Верховным Судом «без разбирательства дела в судебном заседании». До вынесения решения Верховный Суд заслушивает Генерального Прокурора. В случае необходи-

мости Верховный Суд может «приказать произвести нужное обследование и по долгу службы» (§ 214). В мотивированном судебном решении, вручаемом Генеральному Прокурору, а если нужно, то и участникам дела или их правопреемникам, Верховный Суд постановляет, что закон был нарушен, или оставляет жалобу Генерального Прокурора без последствий (§ 215).

Таким образом, судебно-надзорная инстанция — Верховный Суд — ограничивается лишь подтверждением о наличии или отсутствии нарушения закона.

В отличие от французской так называемой «платонической» кассации, при которой прокурор подает жалобу «в интересах закона», а удовлетворение жалобы не влияет на права и обязанности сторон, которые определяются вступившим в законную силу решением (хотя и признанным неправильным по жалобе прокурора), Чехословацкий ГПК предусматривает возможность для сторон ходатайствовать о вынесении нового решения суда первой инстанции в соответствии с решением Верховного Суда, вынесенным по жалобе прокурора. Производство в первоначальном суде в таких случаях происходит по следующим правилам: «Если Верховный Суд в судебном решении постановил, что закон был нарушен, участник или его правопреемник в срок до пятнадцати дней со дня вручения судебного решения может возбудить ходатайство перед судом, который вынес решение в первой инстанции, об отмене или изменении первоначального решения.

Если Верховный Суд удовлетворил жалобу о нарушении закона и если Генеральный Прокурор, участник или его правопреемник сделали предложение об отмене или изменении первоначального решения, исполнение первоначального решения откладывается до того времени, пока новое решение по делу не вступит в законную силу.

Если было согласно части 1 сделано предложение или если такое предложение уже сделал Генеральный Прокурор, суд, который вынес решение по делу в первой инстанции, предпримет меры, вытекающие из судебного решения Верховного Суда, будучи при этом связан его правовой точкой зрения. В отношении этого производства применяются соответственно постановления, применяемые в отношении возобновления производства» (§ 216). За исключениями, установленными § 216, правовая сила решения Верховного Суда не распространяется на правовое положение сторон в первоначальном производстве, а на правовое положение третьих лиц, не участвовавших в деле, не может распространяться и новое решение, которое будет вынесено судом первой инстанции, кроме тех случаев, когда нарушение закона было или должно было быть им известно (§ 217).

Закон устанавливает, что прокурор в своей жалобе не может требовать отмены или изменения первоначального решения суда в следующих случаях:

а) если судебным решением признано отсутствие брака, недействительность брака или удовлетворено ходатайство о разводе, «разве что дело касалось бы вопроса добросовестности при заключении брака или вины в разводе»;

б) по делам об объявлении кого-либо умершим или о доказательстве смерти;

в) если отмены или изменения незаконного решения можно достигнуть иным способом, чем подача жалобы о нарушении закона или просьбы о возобновлении производства по вновь открывшимся обстоятельствам, а также если отмена или изменение решения исключается по характеру дела (§ 218).

Краткость процессуальных норм, регулирующих пересмотр решений в порядке надзора, ведет к тому, что ряд существенных вопросов в Чехословацком ГПК не разрешен, в частности, вопрос о возможности пересмотра в порядке надзора вступивших в законную силу определений суда, решений апелляционного суда, о полномочиях Верховного Суда при рассмотрении «жалобы о нарушении закона» и т. д.

Более подробно регулируется и ближе к советскому процессуальному праву рассматриваемый институт в Болгарском ГПК, в котором он называется «пересмотром в порядке надзора» (глава XXI).

Право принесения протеста в порядке надзора на вступившее в законную силу судебное решение и право его приостановления принадлежат Главному Прокурору и Председателю Верховного Суда Республики; протест подается в Верховный Суд на решение, которым нарушен особенно существенный закон (ст. 225).

Право принесения протеста не ограничено сроком, кроме исполненных решений, в отношении которых установлен годичный срок с момента исполнения решения. Закон обязывает Верховный Суд сообщить сторонам о поступившем к нему предложении в порядке надзора и устанавливает право сторон в 7-дневный срок сообщить суду письменные объяснения в связи с протестом в порядке надзора (ст. 226).

При рассмотрении Верховным Судом дела в порядке надзора обязательно участие прокурора. Дело рассматривается в закрытом заседании отделения Верховного Суда, а протест на его решение — общим собранием гражданских отделений Верховного Суда. Судебно-надзорная инстанция в случае надобности может рассматривать дело в открытом заседании с вызовом сторон (ст. 227). Пересмотр в порядке надзора не допускается по решениям о разводе или о признании брака недействительным (ст. 230).

Аналогичные постановления содержатся и в Польском ГПК, в разделе III — «Пересмотр в порядке надзора». Закон определяет круг лиц, уполномоченных на принесение протеста в порядке надзора, основания к опротестованию и полномочия судебно-надзорного органа, а также круг дел и решений, не подлежащих опротестованию в порядке надзора. «На каждое вступившее в законную силу решение, которым заканчивается производство по делу, Министр юстиции, Старший председатель Верховного Суда и Генеральный Прокурор республики могут принести протест в порядке надзора, если решением нарушены интересы Народного Государства или оно состоялось с нарушением существенных предписаний закона.

Не допускается протест в порядке надзора на решение о признании брака недействительным или о разводе, если хотя бы одна из сторон вступила после этого решения в новый брак» (ст. 396, § 1 и § 2).

Протест в порядке надзора рассматривается Верховным Судом (ст. 397). Хотя закон не определяет срока для принесения протеста, тем не менее в случае принесения протеста по истечении 6 месяцев с момента вступления решения в законную силу право Верховного Суда на отмену или изменение опротестованного решения ограничено. «В случае принесения протеста на решения, состоявшиеся с нарушением существенных предписаний закона, если протест принесен по истечении шести месяцев со дня вступления решения в законную силу, Верховный Суд не может отменить обжалованное решение или изменить его. В таком случае Суд ограничивается либо отклонением протеста, либо установлением того обстоятельства, что обжалованное решение было вынесено с нарушением предписаний закона.

Однако Верховный Суд, невзирая на срок принесения протеста, отменяет решение, если дело по субъекту или по предмету не подлежало подсудности общих судов» (ст. 399, § 1 и § 2).

Все три ГПК устанавливают, что к производству в порядке надзора применяются правила о производстве дел во второй инстанции, поскольку в соответствующей главе или в разделе о пересмотре в порядке надзора не установлены иные правила (Чехословацкий ГПК, § 196; Болгарский ГПК, ст. 228; Польский ГПК, ст. 398).

Чехословацкий ГПК относит к «чрезвычайным средствам обжалования» так называемое «возобновление производства» (термин нельзя признать удачным, так как он применим и к возобновлению приостановленного производства).

Право ходатайствовать о возобновлении производства принадлежит участвующим в деле лицам и прокурору (§ 204). Просьба о возобновлении дела рассматривается тем судом, который вынес по делу решение в качестве суда первой инстанции (§ 203). Закон указывает основания для возобновления производства по делу: «Вошедшее в законную силу решение по существу дела возможно оспорить предложением о возобновлении производства:

а) если имеются новые обстоятельства, доказательства или вошедшее в законную силу решение суда или органа государственной власти (органа публичного управления), которых участник без вины с его стороны не мог использовать в первоначальном производстве, или же если можно привести доказательства первоначального производства, ввиду того, что отпали препятствия, затруднявшие тогда их приведение; по этим основаниям возобновление производства допускается только постольку, поскольку эти основания могли бы иметь своим результатом более благоприятное для участника решение по существу дела;

б) если было вынесено решение во вред участнику вследствие уголовного деяния судьи» (§ 197).

Сравнивая эти основания к пересмотру решений с основаниями, которые установлены в ГПК РСФСР и других союзных республик, следует отметить, во-первых, отсутствие указания на ложные показания свидетелей, преступные деяния сторон, экспертов, судей, подложность документов; а, во-вторых, Чехословацкий ГПК говорит об открытии новых доказательств по делу как об основании к возобновлению производства — введение такого основания не будет способствовать своевременному представлению сторонами доказательств при разбирательстве дела в суде первой инстанции, а пересмотр решения, вступившего в законную силу по этому основанию, не обеспечивает устойчивости судебного решения. Аналогично со случаями, когда не допускается опротестование в порядке надзора («жалоба о нарушении закона»), Чехословацкий ГПК не допускает пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам («возобновления») в отношении решения о разводе, о недействительности брака, об объявлении кого-либо умершим, а также в случаях, когда отмены или изменения решения можно достигнуть, не прибегая ни к надзору, ни к возобновлению (§ 199).

Суду, пересматривающему дело по вновь открывшимся обстоятельствам, предоставлено право рассмотреть дело по существу; в противном случае рассмотрение дела по существу может иметь место лишь после того, как решение о возобновлении производства вступит в законную силу (§ 207). Суд, на рассмотрении которого находится вопрос о возобновлении производства, может вынести определение о приостановлении испол-

нения решения суда, пересматриваемого по вновь открывшимся обстоятельствам (§ 208). Закон допускает оспаривание судебного мирового соглашения предложением о возобновлении производства (§ 198).

Болгарский ГПК называет пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам «отменой вступившего в законную силу решения». Закон предусматривает целый ряд оснований к возбуждению просьбы об «отмене решения».

«Заинтересованная сторона может просить об отмене вступившего в законную силу решения:

а) если откроются новые обстоятельства или новые письменные доказательства, имеющие существенное значение для дела, которые до его решения не могли быть известны сторонам;

б) если в надлежащем судебном порядке будут установлены ложность показаний свидетеля, заключения экспертов, на которых основано решение, или преступное действие стороны, ее представителя или члена состава суда в связи с решением дела;

в) если решение основано на документе, который в надлежащем судебном порядке признан поддельным, или если оно основано на постановлении суда или другого государственного учреждения, впоследствии отмененном;

г) если между теми же сторонами о том же предмете и на том же основании ранее состоялось другое вступившее в законную силу решение, противоречащее новому решению;

д) если сторона вследствие нарушения соответствующих правил была лишена возможности участвовать в деле или не была надлежащим образом представлена или если она не могла явиться лично или через поверенного вследствие препятствия, которого она не могла устранить, и

е) если сторона была вызвана в порядке ст. 16 абз. V, несмотря на то, что она имела установленное местожительство [1].

Не допускается отмена решения, коим постановлен развод или брак признан недействительным» (ст. 231).

Право возбуждать вопрос о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам принадлежит сторонам, а также Главному Прокурору и Председателю Верховного Суда Республики (ст. ст. 231, 233). Просьба об отмене решения по вновь открывшимся обстоятельствам рассматривается Верховным Судом в открытом судебном заседании. В случае признания просьбы, заслуживающей уважения, Верховный Суд отменяет решение в целом или в части, возвращает дело для нового рассмотрения в надлежащий суд и дает указание, с какой стадии начать рассмотрение дела; если же по одному и тому же делу состоялось два противоречащих друг другу судебных решения, то отменяет оба решения (ст. 234). Подача просьбы об отмене решения по вновь открывшимся обстоятельствам автоматически не приостанавливает исполнения оспариваемого решения, но в тех случаях, когда есть опасение непоправимого ущерба, Верховный Суд по просьбе стороны может приостановить исполнение. Отмена решения Верховным Судом по вновь открывшимся обстоятельствам влечет за собой приостановление исполнения, так как отмененное решение теряет силу, в том числе свойство принудительной исполнимости (ст. 236).

В Польском ГПК титул IV озаглавлен «Пересмотр дела вновь».

---

[1] Абз. V ст. 16-й гласит: «Лица, местожительство которых неизвестно, представляются лицами, специально назначенными судом».

Пересмотр дела вновь, законченного судебным решением, вступившим в законную силу, допускается в следующих случаях:

1) если дело решал судья, подлежащий отводу в силу закона, а сторона не могла добиться отвода до вступления решения в законную силу;

2) если сторона, вследствие нарушений предписаний закона, лишена была возможности действовать либо при отсутствии процессуальной дееспособности не была надлежащим образом представлена; однако нельзя требовать пересмотра, если на отсутствие представительства было указано до вступления решения в законную силу или если сторона подтвердила совершенные процессуальные действия;

3) если решение опиралось на документ поддельный или подложный или на обвинительный приговор по уголовному делу, впоследствии отмененный;

4) если решение было добыто наказуемым действием;

5) если впоследствии обнаружится наличие вступившего в законную силу решения по тому же самому правоотношению или такие новые фактические обстоятельства или доказательства, которые могли бы иметь существенное влияние на исход дела, но которыми сторона не могла воспользоваться в предшествовавшем производстве (ст. ст. 400—403).

Условием для возбуждения просьбы о пересмотре дела вновь вследствие наличия наказуемого деяния является установление такого деяния вступившим в законную силу приговором суда по уголовному делу, обвинительным по своему содержанию, за исключением случаев, когда уголовное производство не может быть возбуждено или когда оно было прекращено по иным причинам, кроме отсутствия доказательств (ст. 404).

«Не допускается просьба о пересмотре определений Верховного Суда со ссылкой на их недействительность» (ст. 402).

Просьба о пересмотре решения по причине его недействительности рассматривается судом, вынесшим оспариваемое решение. Просьба о пересмотре решений разных инстанций рассматривается судом высшей инстанции. Просьбы о пересмотре решений по иным основаниям подсудны тому суду, который вынес последнее решение по существу дела (ст. 405).

При рассмотрении просьбы о пересмотре дела от суда зависит определить, нужно ли сначала решить только вопрос о допустимости пересмотра или одновременно разрешить дело по существу. Но если пересмотр дела происходит в Верховном Суде, то последний, вынося определение о пересмотре и об отмене решения, передает дело для нового рассмотрения по существу дела в суд первой инстанции (ст. 411).

В отношении возможности приостановления исполнения оспариваемого решения в Польском ГПК существует такая же норма, как и в Болгарском ГПК (ст. 414).

АБРАМОВА А. А.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ЖЕНЩИН В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ [1]

Освобождение народов Центральной и Юго-Восточной Европы от гнета империализма, достигнутое в результате всемирно-исторической победы Советского Союза во второй мировой войне и народно-демократических революций в этих странах, открыло новую эпоху в их жизни.

Они получили возможность под руководством коммунистических и рабочих партий строить свою жизнь на демократических началах, осуществлять свои исторические чаяния.

В борьбе за новый строй, за развитие и укрепление социалистической экономики в странах народной демократии большое значение принадлежит государству, которое, являясь частью надстройки, всемерно содействует созданию, укреплению и развитию нового социалистического базиса, подъему благосостояния трудящихся.

Быстрый экономический подъем стран народной демократии в значительной мере обусловлен бескорыстной братской помощью великого друга — Советского Союза.

В борьбе за расцвет и укрепление своих стран, за неуклонный подъем материального и культурного уровня, за укрепление здоровья народа трудящиеся стран народной демократии расширяют политические и экономические завоевания народно-демократического строя, широко используя великий опыт первого в мире социалистического государства, советской социалистической демократии.

Народная демократия, предоставив трудящимся политические права и свободы, заботится о неуклонном улучшении материального положения трудящихся. Строительство социализма в странах народной демократии создало возможность ликвидировать безработицу, повысить реальную заработную плату, значительно улучшить материальные и культурно-бытовые условия жизни трудящихся.

В странах народной демократии изменилось отношение к труду, который из проклятой повинности становится делом чести, славы, доблести и геройства.

Создание новых социалистических трудовых отношений, превращение труда из подневольного в подлинно свободный — это одна из ярких иллюстраций социалистического преобразования в странах народной демократии.

[1] В статье использованы в основном конституции европейских стран народной демократии и Кодексы о труде Венгрии, Болгарии, Трудовой Кодекс Румынии.

Социалистический характер этих государств предопределяет социалистическую природу их трудового законодательства.

Особенности же возникновения стран народной демократии, их политического и экономического строя определяют некоторое отличие их трудового законодательства от трудового законодательства СССР.

Источником трудового права стран народной демократии является диктатура рабочего класса. Решения съездов и конференций коммунистических и рабочих партий этих стран определяют содержание и развитие законов о труде.

Используя опыт СССР в деле создания самого прогрессивного во всем мире трудового законодательства, в конституциях и других правовых актах стран народной демократии закрепляются за гражданами право на труд, право на отдых, право на оплату по количеству и качеству труда, право на материальное обеспечение в случае потери трудоспособности, независимо от национальности, расы, вероисповедания.

Демократический характер конституций стран народной демократии проявляется в том, что они, не ограничиваясь фиксированием формальных прав граждан, законодательно закрепляют материальные гарантии для их осуществления.

Одним из важнейших завоеваний трудящихся стран народной демократии является предоставление женщинам равных прав с мужчинами во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Трудовое законодательство стран народной демократии последовательно проводит в жизнь принцип равноправия женщин в области трудовых отношений. Отменены все постановления капиталистических правительств, затруднявшие использование женского труда, ограничивающие права женщин заключать трудовой договор, отменены законы о неравенстве в оплате труда.

В конституциях стран народной демократии законодательно закреплено равноправие женщин и указаны реальные гарантии, обеспечивающие это равноправие.

Так, в ст. 66 Конституции Польской Народной Республики, принятой законодательным сеймом 22 июля 1952 г., указывается:

> «1. Женщина в Польской Народной Республике имеет равные с мужчиной права во всех областях государственной, политической, хозяйственной, общественной и культурной жизни.
>
> 2. Гарантию равноправия женщины составляют:
>
> 1) Равное с мужчиной право на труд с оплатой по принципу «равная плата за равный труд», право на отдых, на социальное страхование, на образование, на почетные звания и отличия, на занятие общественных постов;
>
> 2) Попечение о матери и ребенке, охрана беременной женщины, предоставление оплачиваемого отпуска перед родами и после родов, расширение сети родильных домов, яслей и детских садов, развитие сети обслуживающих предприятий и общественного питания».

Ст. 72 Конституции Народной Республики Болгарии гласит:

«Женщина равноправна с мужчиной во всех областях государственной, частно-правовой, хозяйственной, общественной, культурной и политической жизни.

Это равноправие осуществляется путем обеспечения за женщиной наравне с мужчиной права на труд, за равный труд — равной платы, права на отдых, на социальное обеспечение, пенсию и образование.

Женщина-мать пользуется специальной защитой в трудовом отноше-

нии. Государство проявляет особую заботу о матери и ребенке, создавая родильные и детские дома, детские сады и диспансеры, обеспечивая женщине отпуск до и после родов с сохранением содержания и предоставляя бесплатную акушерскую и медицинскую помощь».

В § 50 (1) Конституции Венгерской Народной Республики указывается, что «...женщины пользуются одинаковыми правами с мужчинами.

(2) Равноправие женщин обеспечивается равными с мужчинами условиями труда, оплачиваемым отпуском в случае беременности, прогрессивным развитием законодательства по защите материнства и младенчества, а также системой учреждений по охране материнства и младенчества».

Равноправие женщин закреплено в конституциях и других стран народной демократии.

Характерным для всех стран народной демократии является: политическое равноправие женщин; равное с мужчиной право на труд; право на равную оплату в соответствии с количеством и качеством затрачиваемого труда; право на отдых; право на специальную охрану женского труда; право на обеспечение по социальному страхованию; право на материальное обеспечение матери и ребенка за счет государства; организация учреждений по материально-бытовому обслуживанию матери и ребенка.

При капитализме «работница и крестьянка угнетены капиталом и сверх того они даже в самых демократических из буржуазных республик остаются, во-первых, неполноправными, ибо равенства с мужчиной закон им не дает; во-вторых,— и это главное — они остаются в «домашнем рабстве», «домашними рабынями», будучи задавлены самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, самой отупляющей человека работой кухни и вообще одиночного домашне-семейного хозяйства» [1].

В настоящее время женщины стран народной демократии, используя предоставленные им по закону равные права с мужчиной и следуя воодушевляющему примеру советских женщин, активно участвуют в политической, хозяйственной и культурной жизни страны.

Достижения стран народной демократии в деле раскрепощения женщин и вовлечения их в хозяйственное строительство, в общественно-политическую и государственную деятельность — поистине огромны.

В Румынии, где женщины даже не пользовались избирательным правом, 66 из них избраны депутатами Великого национального собрания. Около 28 тысяч женщин являются депутатами сельских и городских Народных советов [2].

В Болгарии депутатами Великого Народного Собрания являются 36 женщин, а на выборах в Народные советы 14 декабря 1952 г. 11 200 женщин были избраны депутатами трудящихся [3]. Среди них 70-летняя революционерка Райна Кандева, токарь Добринка Димова — 18 лет, агроном Иорданка Караславова, стахановка турчанка Эмине Хюсеинова, бывшая домработница, а ныне активный борец за мир Таска Рангелова и много, много женщин различного возраста, профессии, религии, национальности и образования.

В Венгрии до 1945 г. ни одна женщина не работала на руководящих и общественных постах. Голосовать при выборах в законодательные органы могли лишь женщины, достигшие 30-летнего возраста, да и то

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 138—139.
[2] «Блокнот агитатора», 1953, № 5.
[3] Журнал «Болгария», 1953, № 3.

окончившие не менее 6 классов. Статистика же показывала, что 80% девочек едва дотягивали до 4-го класса школы. Подобными ограничениями антинародное фашистское правительство Хорти отстраняло от участия в выборах большую часть трудящихся женщин. В виде особой льготы закон разрешал голосовать женщине, не имеющей полного образовательного ценза, но родившей не менее 3 детей, если все трое были живы. Подобная льгота была явным издевательством над народом, потому что условия жизни были настолько тяжелы, что из 1000 новорожденных умирало 250. В составе же Венгерского Государственного Собрания, избранного в мае 1949 г., из 402 депутатов было 72 женщины.

Почти 30 процентов депутатов местных Советов, избранных 22 октября 1950 г., составляли женщины. Всего депутатами местных Советов было избрано 60 000 женщин [1], 277 женщин занимают посты председателей городских и сельских Советов [2].

Коммунистические и рабочие партии стран народной демократии указывают, что привлечение женщин к участию во всех областях деятельности является необходимым условием построения социализма и укрепления народно-демократических государств.

Задачи защиты мира, стоящие перед народом, задачи дальнейшего улучшения жизненных условий трудящихся, повышения производительности труда, выполнения и перевыполнения планов развития народного хозяйства требуют широкого вовлечения женщин в производство, дальнейшей подготовки квалифицированных кадров из числа женщин, смелого выдвижения их на руководящую партийную, государственную и общественную работу.

Правительства стран народной демократии проводят практические мероприятия по ликвидации неграмотности, по повышению культурного уровня женщин, по вовлечению их во все области народного хозяйства и по созданию благоприятных условий для женского труда.

Выделяются специальные средства для всевозможных мероприятий по технике безопасности и гигиене труда, создается широкая сеть учреждений по охране материнства и детства.

Женщины стран народной демократии принимают активное участие в выполнении планов развития народного хозяйства; в деревне им принадлежит огромная роль в создании и развитии сельских производственных кооперативов.

Из месяца в месяц растет число женщин, работающих в промышленности.

Так, в Болгарии женщины составляют 49% всех работников промышленности, в Венгрии — 31%, в Польше — около 30%, в Румынии — свыше 27% [3].

Возможность трудиться на себя, на свой народ воодушевляет женщин народно-демократических государств на великие трудовые подвиги, порождает у них творческое отношение к своему труду и стремление повысить производительность труда, добиться настоящего мастерства.

Работница одного из софийских предприятий объяснила причины трудового энтузиазма такими словами: «фабрика теперь своя, и вся страна своя».

Женщины стран народной демократии овладели и овладевают слож-

---

[1] Д. Л. Златопольский. Государственный строй Венгерской Народной Республики, 1951, стр. 86.

[2] «Работница», 1952, № 8, стр. 13.

[3] «За прочный мир, за народную демократию!», 7 марта 1952 г.

нейшими профессиями, становятся высококвалифицированными работницами, трактористами, комбайнерами, инженерами, учеными, судьями и т. д.

Народная власть широко открыла доступ женщинам в учебные заведения. Среди студентов насчитывается много тысяч девушек. Так, если в 1938 г. в высших учебных заведениях Венгрии обучалось всего 1700 женщин, да и то из числа имущих классов, то теперь учатся 9500.

Впервые за всю историю Венгрии около 6 тысяч женщин занимают ответственные посты в государственном аппарате, в научных и просветительных учреждениях [1]. Анна Ратко, 20 лет работавшая текстильщицей, ныне министр здравоохранения; бывшая работница Пирошко Сабо — ныне секретарь президиума Народного Собрания Венгерской Народной Республики; многие годы подсобная рабочая на стройке Дрени Мария — ныне директор строительного треста.

В Румынии Стелла Энеску является министром социального обеспечения, 6 женщин — заместителями министров. Растет число женщин Румынии, овладевающих специальностью трактористок. В 1952 г. 1412 женщин стали квалифицированными трактористками. 2301 женщина выдвинута на руководящую работу в коллективных хозяйствах. 7489 женщин находятся на руководящих постах в кооперативах. В период сельскохозяйственных работ 2700 трудящихся крестьянок работали бригадирами полевых работ. В области народного образования и здравоохранения женщины составляют 50 процентов [2].

Немало женщин стран народной демократии работают в качестве научных сотрудников, профессоров, преподавателей.

Так, в Румынии более 20 000 женщин работают профессорами, доцентами и ассистентами университетов [3].

В Болгарской академии наук среди научных работников насчитывается 43 женщины. За исключительные достижения в области производства, науки и культуры 88 женщин удостоены высшей правительственной награды — Димитровской премии.

Коммунистические и рабочие партии и правительства стран народной демократии придают большое значение развитию социалистического соревнования, распространению опыта передовиков и новаторов СССР.

Обеспечиваются наилучшие условия для развития социалистического соревнования, для поощрения и популяризации передовых методов труда в странах народной демократии.

Среди женщин этих стран широко развернулось социалистическое соревнование, свидетельствующее о воспитании нового, социалистического отношения к труду.

В Румынии в социалистическом соревновании участвуют сотни тысяч женщин. Особенно широко развернулось социалистическое соревнование за досрочное выполнение производственного плана среди текстильщиц, на некоторых предприятиях число соревнующихся достигает 90 процентов.

По примеру советского новатора производства А. Штыровой болгарские ткачихи Танка Георгиева, А. Петрова, Б. Златанова, С. Михайлова, В. Балтова, И. Томова, Д. Костадинова и др. перешли на многостаночное обслуживание.

---

[1] «Работница», 1952, № 8, стр. 13.

[2] «Информационный бюллетень ЦК Румынской Рабочей партии», 1953, № 3, стр. 2.

[3] «Информационный бюллетень Комитета Демократических женщин РНР», май 1953 г., стр. 5.

Приемы работы новатора производства Лидии Корабельниковой широко были использованы Ядвигой Козловской — передовой работницей краковского предприятия резиновой промышленности.

Метод советского токаря-новатора Антонины Жандаровой успешно освоила польская работница Мария Туркевич [1].

Большой заботой окружают народно-демократические правительства женщину-мать. В этих странах проведены большие мероприятия в области образования, социалистической рационализации производства, заботы о матери и ребенке.

Равноправие женщины с мужчиной, закрепленное в конституциях стран народной демократии, находит конкретное юридическое выражение во всех нормах трудового права, как общих, распространяющихся на всех работающих, независимо от отрасли хозяйства, профессии, пола и возраста и т. д., так и в специальных нормах об условиях женского труда, распространяющихся только на женщин.

Специальные правовые нормы об условиях труда женщин обеспечивают осуществление полного равенства женщины в области трудовых отношений, а также создают хорошие условия для труда женщин с учетом физиологических особенностей их организма.

Специальные нормы об условиях женского труда регулируют различные стороны трудовых отношений, но все они преследуют одну цель — обеспечить проведение мероприятий, направленных на охрану труда женщин, на осуществление возможности сочетать материнство с участием в труде.

В тех странах народной демократии, в которых приняты кодексы о труде, самостоятельные главы кодексов посвящены специальным нормам об охране труда женщин.

Так, в Румынском Трудовом Кодексе, принятом 30 мая 1950 г., глава XI рассматривает вопросы регламентации труда женщин и подростков; в Венгерском Кодексе о труде, принятом 31 января 1951 г., глава IX посвящается охране труда женщин и несовершеннолетних.

Специальные нормы об охране труда женщин рассматриваются в данной работе в соответствии с основными трудовыми положениями, закрепленными в конституциях стран народной демократии.

I. Равное с мужчиной право на труд

Право на труд, т. е. право на получение гарантированной работы, обеспечивается в странах народной демократии прежде всего общественной собственностью на основные средства производства, развитием в деревне свободного от эксплуатации общественно-кооперативного строя, планомерным развитием производительных сил народного хозяйства, устранением источников экономических кризисов и безработицы, ликвидацией эксплуатации человека человеком.

Указанные экономические гарантии закреплены в конституциях стран народной демократии.

Так, в ст. 58 Конституции Польской Народной Республики записано, что право на труд обеспечивается общественной собственностью на основные средства производства, развитием в деревне свободного от эксплуатации общественно-кооперативного строя, плановым ростом производительных сил, устранением источников экономических кризисов, ликвидацией безработицы.

---

[1] Журнал «Славяне», 1953, № 3, стр. 31.

В § 45 (2) Конституции Венгерской Народной Республики установлено, что право на труд гарантируется планомерным развитием производительных сил народного хозяйства и путем учета и распределения рабочей силы, основанных на народнохозяйственном плане. В народно-демократической Венгрии ликвидирована безработица, и это также является одной из материальных гарантий права на труд.

Но наряду с экономическими гарантиями в трудовом законодательстве стран народной демократии предусматриваются дополнительные правовые гарантии, обеспечивающие реализацию права на труд, которые находят свое выражение в общих нормах трудового законодательства о приеме на работу, в строгой регламентации оснований и порядка увольнения женщин.

В целях создания благоприятных условий, позволяющих женщине сочетать материнство с участием в труде, и предупреждения бюрократического отношения к женщине со стороны отдельных руководителей предприятий, учреждений и хозяйств в специальных нормах трудового законодательства стран народной демократии содержатся определенные указания о порядке приема на работу и увольнения беременных женщин и матерей, кормящих ребенка грудью, и т. д.

Ст. 119 Кодекса о труде Болгарии запрещает отказывать в приеме на работу женщин по мотивам беременности.

В ст. 35 и 119 того же кодекса установлен порядок увольнения женщин. Как общее правило, запрещается увольнение без предупреждения или даже с предупреждением работницы или женщины-служащей *после 4-го месяца беременности* (т. е. начиная с пятого месяца), а также матери, ребенок которой не достиг *восьми месяцев*.

Только при совершении женщиной тяжких проступков и с особого разрешения инспекции труда беременная женщина после 4-го месяца беременности или имеющая ребенка до 8 месяцев может быть уволена. Таким образом, увольнение беременных женщин и матерей, кормящих ребенка грудью, ставится под особую защиту закона и контроль со стороны профсоюзных организаций.

Допускается по болгарскому законодательству увольнение беременных женщин со сроком беременности свыше 4 месяцев лишь в случае ликвидации предприятия, учреждения или организации или в связи с окончанием работы в сезонных предприятиях. Однако при наличии желания беременной женщины продолжать работу вышестоящая организация должна направить ее на *подходящую* работу в другое предприятие, учреждение или организацию.

Венгерский Кодекс о труде (§ 96) запрещает увольнение женщин, начиная с шестого месяца беременности до третьего месяца после родов.

Увольнение женщин, особенно работающих на административных должностях, в случае реорганизации или по другим причинам допускается лишь в исключительных случаях [1].

Такое положение способствует закреплению женщин на работе во всех отраслях производства и на административных должностях, кроме тех работ, на которых труд женщин запрещен в целях охраны женского труда.

По сравнению с болгарским трудовым законодательством венгерское трудовое законодательство в смысле правовых гарантий, способствующих

---

[1] Пост. Совета Министров Венгерской Народной Республики от 19 мая 1951 г. «Об увеличении количества женщин в производстве».

реализации женщиной предоставленного ей конституцией равного с мужчиной права на труд, идет гораздо дальше.

Равное с мужчиной право женщин стран народной демократии на труд непосредственно связано с равным правом на образование. Конституции стран народной демократии предоставляют женщине равное с мужчиной гарантированное право на образование.

Так, Конституция Венгерской Народной Республики обеспечивает трудящимся право на образование расширением народного образования, общедоступностью, всеобщими бесплатными обязательными начальными школами, организацией среднего и высшего образования, повышением образовательного уровня взрослых трудящихся и материальной поддержкой учащихся.

Предоставление женщине равного права на труд, на образование создает реальные возможности активного участия женщин во всех областях государственной, хозяйственной, общественной, культурной, политической и гражданско-правовой жизни. Участие женщин в этих странах во всех отраслях народного хозяйства явилось одним из важнейших факторов социального и политического раскрепощения и общественной активности женщины, улучшения ее бытовых условий и увеличения доходности семьи. Вместе с тем оно является важным источником обеспечения народного хозяйства необходимыми кадрами.

Принятые в странах народной демократии народнохозяйственные планы предусматривают широкое вовлечение в производство женщин.

Так, чехословацким законом «О некоторых мероприятиях по проведению народной мобилизации рабочей силы» (9 мая 1947 г.) особо оговаривалось увеличение числа женщин, занятых в производстве. При этом устанавливалось, что определенные места работы должны заниматься только женщинами, а работающие на них здоровые мужчины подлежат отчислению и направлению на другие работы.

В Венгрии специальным постановлением Совета Министров от 19 мая 1951 г. «Об увеличении количества женщин в производстве» предусматривалось широкое вовлечение женщин во все отрасли народного хозяйства, повышение квалификации женщин через систему высших, средних специальных учебных заведений, ремесленных училищ, курсов по подготовке рабочих специалистов, выдвижение женщин на руководящие должности, обеспечение соответствующими материально-бытовыми условиями женщин, поступивших на работу, как-то: расширение сети детских яслей, детских домов, общее облегчение домашних работ, расширение сети общественного питания и др.

На Управление трудовых резервов возлагалась задача организации распределения женщин и устройства их на работу.

Для выполнения неотложных работ, необходимых в общественных интересах в целях предотвращения и борьбы со стихийными бедствиями, в странах народной демократии приняты законы о трудовой повинности. Однако и эти законы предусматривают определенные льготы для женщин.

Так, в Румынии (ст. 111 ТК) к временной трудовой повинности граждане республики привлекаются в исключительных случаях, в целях предотвращения и борьбы со стихийными бедствиями и в случае недостачи рабочей силы для выполнения важнейших государственных заданий.

От привлечения к трудовой повинности освобождаются женщины старше 45 лет, беременные и кормящие грудью, а также женщины, имеющие детей до восьмилетнего возраста, при отсутствии лица, ухаживающего за ними, и др. (ст. 112 ТК).

В Венгрии (§ 139 КоТ) в интересах устранения стихийного бедствия или другой опасности, угрожающей интересам народного хозяйства и интересам государства, разрешается привлекать граждан республики к временным трудовым обязательствам.

От выполнения временных трудовых обязательств освобождаются женщины старше 50 лет, беременные и кормящие матери, матери, имеющие детей до шестилетнего возраста, при отсутствии иного присмотра за ними (§ 140 КоТ).

II. Право на равную оплату труда

До победы народно-демократического строя в Польше, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Албании женщины получали мизерную заработную плату, которая была почти на половину ниже заработной платы мужчин.

Пользуясь бесправным и угнетенным положением женщин, капиталисты подвергали их труд более жестокой эксплуатации, платя при этом за равный с мужчиной труд меньшую заработную плату, используя его для общего снижения заработной платы и ухудшения условий труда всего рабочего класса.

В результате победы народно-демократического строя женщине предоставлено равное с мужчиной право на оплату труда в соответствии с количеством и качеством труда.

Это право женщины закреплено в конституциях стран народной демократии и общих нормах трудового законодательства, регулирующего вопросы заработной платы.

Ст. 72 Конституции Болгарии предоставляет женщине равные с мужчиной права на равную оплату за равный труд, а ст. 73 устанавливает оплату труда в зависимости от качества и количества выполненной работы.

Вопросам трудового вознаграждения посвящается V глава Кодекса о труде Болгарии, в которой находит конкретное проявление принцип оплаты труда в зависимости от количества и качества выполненной работы.

Ст. 21 Конституции Румынской Народной Республики определяет, что «за равный труд женщина имеет право на равную с мужчиной оплату».

Ст. 33 Трудового Кодекса Румынии устанавливает, что заработная плата определяется количеством и качеством произведенной работы согласно квалификационному справочнику и тарифной сетке, утвержденным Постановлением Совета Министров.

За равный труд устанавливается равная заработная плата независимо от возраста, пола или национальности.

§ 45 Конституции Венгерской Народной Республики обеспечивает своим гражданам право на труд с оплатой в соответствии с его количеством и качеством.

Учитывая положение женщины в период беременности и кормления грудью ребенка, трудовое законодательство стран народной демократии закрепляет особые льготы для них в виде: сохранения прежней заработной платы при переводе беременной женщины на легкую работу; предоставления оплаченных перерывов для кормления грудью ребенка.

В странах народной демократии перевод беременной женщины на легкую работу производится без уменьшения вознаграждения. Такое правило установлено в ст. 118 КоТ Болгарии.

В Кодексе о труде Венгрии говорится, что при переводе беременной женщины на работу, соответствующую ее состоянию здоровья, *заработок на новом месте* работы *не может быть меньше,* чем *средний месячный заработок* за последние шесть месяцев (§ 95(3) Кодекса о труде).

Трудовой Кодекс Румынии (ст. 90) сохраняет за беременной женщиной при переводе на легкую работу прежнюю заработную плату.

Трудовое законодательство стран народной демократии, предоставляя женщине перерывы для кормления ребенка, заботится о том, чтобы эти перерывы не повлекли за собой уменьшения зарплаты, т. е. ухудшения материального положения кормящей грудью женщины.

Так, в Болгарии для матери, кормящей ребенка, предоставлено право на оплачиваемые перерывы для кормления своего ребенка (ст. 62 КоТ).

В Венгрии время кормления считается рабочим временем и оплачивается, если трудящаяся женщина кормит ребенка на территории предприятия или в яслях предприятия (§ 98 КоТ).

В Румынии перерывы для кормления засчитываются в счет рабочего времени, а следовательно, они и оплачиваются как фактически проработанное рабочее время (ст. 92 ТК).

III. Право на отдых

До победы народно-демократического строя трудящимся женщинам не было и не могло быть предоставлено реальное право на отдых.

Право на отдых в странах народной демократии обеспечивается ограничением рабочего дня, предоставлением еженедельных, ежегодных нерабочих дней, ежегодных оплачиваемых отпусков и созданием широкой сети домов отдыха, клубов и т. д.

Гарантированное право на отдых возможно лишь в социалистическом государстве, где отдых является средством для постоянного укрепления здоровья трудящихся, а также содействует повышению культурного уровня трудящихся.

Конституции европейских стран народной демократии предоставляют женщине равное с мужчиной право на отдых.

Статьей 59 Конституции Польской Народной Республики установлено, что это право обеспечивается: сокращением на основе закона рабочего времени путем осуществления 8-часового рабочего дня; бо́льшим сокращением рабочего времени в случаях, предусмотренных законами; установленными законами нерабочими днями; ежегодными оплачиваемыми отпусками; организацией отдыха, развитием туризма, курортов, спортивных сооружений, домов культуры, изб-читален, парков и других мест отдыха. Это создает возможность здорового и культурного отдыха для все более широких масс трудящихся города и деревни.

В ст. 74 Конституции Народной Республики Болгарии установлено, что право на отдых обеспечивается ограничением рабочего дня, предоставлением ежегодно оплачиваемого отпуска и созданием широкой сети домов отдыха и клубов и т. д.

Если при капитализме женщина Болгарии работала по 12—14 часов в сутки в тяжелых антисанитарных условиях, то в настоящее время в конституциях и нормах трудового права стран народной демократии продолжительность рабочего дня ограничена восьмью часами, на работах же с вредными и тяжелыми условиями труда рабочий день еще более сокращен.

Народно-демократические государства проявляют огромную заботу о здоровье трудящихся, об их отдыхе. Трудящимся предоставляются ежегодные отпуска с сохранением заработной платы.

Все курорты стран народной демократии, находившиеся ранее в распоряжении буржуазии и недоступные для трудящихся, используются ныне для трудового народа.

В 1952 г. в домах отдыха и санаториях Чехословакии побывало несколько сот тысяч трудящихся — в семьдесят раз больше, чем в 1945 г. В 1953 г. более 300 тыс. трудящихся Чехословакии провели свой отпуск в домах отдыха Центрального Совета профсоюза, на живописных курортах, в горных местностях [1]. В 1952 г. профсоюзы Народной Польши направили в дома отдыха рабочих и служащих в 35 раз больше, чем в 1945 г. [2].

На берегах только озера Балатон — огромного курорта Венгрии — ежегодно проводят свой отпуск свыше двухсот тысяч трудящихся. В 1953 г. венгерское правительство израсходовало на отдых трудящихся 21 миллион форинтов, что составляет почти половину сумм, израсходованных на отдых трудящихся за период времени с 1949 по конец 1952 г.

Из года в год растет число мест в здравницах Албании, в то время как до победы народно-демократического строя здравниц для трудящихся совсем не было.

Повседневная забота коммунистических, рабочих партий, народных правительств о здоровье и отдыхе миллионов людей труда, неуклонное претворение в жизнь гарантированного конституциями права трудящихся на отдых, рост сети здравниц являются замечательным достижением народно-демократического строя.

IV. Охрана труда

В недавнем капиталистическом прошлом условия труда рабочих в странах народной демократии были очень тяжелыми.

Фабрично-трудовое законодательство об охране труда рабочих и служащих, охране труда женщин, введенное в результате длительной борьбы рабочего класса, было чисто формальным. Оно нигде и ни кем не соблюдалось.

На заводах, фабриках, нефтепромыслах, шахтах осуществлялись лишь элементарные мероприятия по охране труда и технике безопасности.

Механизация по существу отсутствовала, методы работы в промышленности были отсталыми, широко применялась потогонная система. Все это вызывало огромное количество несчастных случаев и профессиональных заболеваний.

Установление народно-демократического строя уничтожило капиталистическую эксплуатацию, привело к коренному улучшению условий труда.

Коммунистические и рабочие партии, правительства стран народной демократии и профсоюзы проявляют неослабную заботу о дальнейшем улучшении условий труда, о проведении мероприятий по технике безопасности и производственной санитарии.

В странах народной демократии приняты новые законы об охране труда. Наряду с общими нормами охраны труда, распространяющимися на всех работающих, независимо от пола и возраста, и предусматривающими проведение мероприятий по технике безопасности и гигиене труда, в европейских странах народной демократии имеются специальные нормы по охране труда женщин, по охране материнства и детства, уста-

---

[1] «За прочный мир, за народную демократию!», 19 февраля 1954 г.
[2] «Государственное социальное страхование», М., 1953, стр. 208.

навливающие особые гарантии по охране труда женщин, в особенности беременных и кормящих грудью.

Эти нормы можно классифицировать следующим образом — как нормы:

запрещающие привлекать женщин к тяжелым, вредным, сверхурочным, ночным работам;

запрещающие привлекать беременных женщин к тяжелым, вредным, сверхурочным, ночным работам;

запрещающие привлекать матерей, кормящих ребенка грудью, к тяжелым, вредным, сверхурочным и ночным работам;

регламентирующие перевод беременных женщин до ухода их в отпуск по беременности и родам на более легкую работу;

предоставляющие беременным женщинам льготы при посылке в командировку;

устанавливающие перерывы для кормящих матерей.

Болгарское трудовое законодательство запрещает привлекать работниц и женщин-служащих к сверхурочной и ночной работе.

Специальным постановлением, изданным Центральным Советом Всеобщего Рабочего Профессионального Союза, совместно с Министерством народного здравоохранения и социального обеспечения устанавливается, в каких производствах запрещается сверхурочная и ночная работа работниц и женщин-служащих (ст. 117 КоТ).

Действующее законодательство Чехословакии не разрешает или ограничивает применение труда женщин в ночное время. Исключение допускается в случаях, когда это вызывается особой необходимостью, при этом к ночной работе привлекаются женщины старше 18 лет [1].

В кодексах других европейских стран народной демократии такой льготы для совершеннолетних женщин не предусматривается.

Румынский Трудовой Кодекс запрещает посылать на вредные и тяжелые работы, согласно особому списку, женщин со слабым здоровьем.

В Венгрии запрещается использовать трудящихся женщин на работе, которая может привести их к вредным последствиям (§ 94 КоТ).

В Чехословакии запрещается применение труда женщин в отраслях и профессиях с вредными, опасными и тяжелыми условиями труда согласно особому перечню [2].

В интересах охраны здоровья беременной женщины и сохранения беременности Болгарский Кодекс о труде (ст. 114) запрещает привлекать беременных женщин, начиная с пятого месяца беременности, к тяжелым, вредным, сверхурочным работам и к работам в ночное время.

Список вредных и тяжелых для здоровья работ устанавливается специальным постановлением.

Венгерский Кодекс о труде (§ 95, п. 1) запрещает применять труд беременных женщин с шестого месяца беременности на тяжелой, ночной и сверхурочной работе.

По Трудовому Кодексу Румынии (ст. 88) беременные женщины совсем не допускаются к *тяжелым* и *вредным* для их здоровья работам, вне зависимости от срока беременности.

Список особо тяжелых и вредных для здоровья работ устанавливается Советом Министров по представлению Министерства труда и социаль-

---

[1] См. § 9 и 3 закона 91/1918 Сб. и закон «О рабочем времени в пекарне» № 177/1946 Сб.

[2] См. §§ 11 и 2 закона 91/1918 Сб.; закон от 7/III 1947 г. «О регулировании рабочего времени в горной промышленности».

ного обеспечения, согласованному с Министерством здравоохранения и Всеобщей Конфедерацией Труда.

К ночным работам беременные женщины не допускаются, начиная с шестого месяца беременности (ст. 91).

Кодекс о труде Болгарии (ст. 114) запрещает привлекать матерей, имеющих детей до 8-месячного возраста, к тяжелым, вредным, сверхурочным и ночным работам. Кодекс освобождение матерей от перечисленных видов работ не ставит в зависимость от кормления ими ребенка грудью.

Венгерский Кодекс о труде (§ 95) запрещает привлекать матерей, кормящих грудью ребенка до шестого месяца, к тяжелым физическим, ночным и сверхурочным работам; по Румынскому Трудовому Кодексу (ст. 88) кормящие грудью женщины независимо от срока кормления не допускаются к тяжелым, вредным и ночным работам (ст. 91).

Перевод беременной женщины на легкую работу производится в целях охраны ее здоровья, сохранения беременности и правильного развития ребенка.

По Болгарскому Кодексу о труде (ст. 118) беременные женщины, выполняющие тяжелую работу, переводятся, *начиная с пятого месяца беременности,* на более легкую.

Венгерский Кодекс о труде (§ 95, п. 3) предусматривает перевод беременных женщин на соответствующую их состоянию здоровья работу, *начиная с шестого месяца беременности, по их просьбе* и на основании врачебного осмотра.

Румынское же трудовое законодательство, подобно трудовому законодательству Советского Союза, допускает перевод беременной женщины на легкую работу вне зависимости от срока беременности.

Перевод беременной женщины на легкую работу должен осуществляться на основе врачебного заключения, удостоверяющего необходимость в таком переводе, о чем имеется указание только в Кодексе о труде Венгрии.

Большой льготой для беременной женщины и проявлением заботы о ее здоровье и здоровье ее будущего ребенка является правило, установленное ст. 90 Трудового Кодекса Румынии, запрещающее посылать в командировку женщин, *начиная с шестого месяца беременности,* без их согласия.

В Венгерском Кодексе о труде подобной нормы нет. Однако беременная женщина, начиная с шестого месяца беременности, может быть переведена на другую работу лишь с ее согласия (§ 95, п. 2).

Кроме того, следует отметить, что в трудовом законодательстве некоторых стран народной демократии отсутствуют нормы, запрещающие посылать женщин, кормящих ребенка грудью, в командировку.

Трудовым законодательством стран народной демократии для матерей, кормящих ребенка грудью, устанавливаются дополнительные перерывы для кормления ребенка.

Болгарский Кодекс о труде (ст. 62) предоставляет женщине, кормящей ребенка грудью до восьмимесячного возраста, перерывы для кормления ребенка *по одному часу два раза в день или два часа подряд.*

Венгерский Кодекс о труде (§ 98, п. 2) предоставляет женщине, кормящей ребенка грудью, в течение первых *шести месяцев* после родов — ежедневно два перерыва продолжительностью по полчаса каждый, а затем до девятого месяца — ежедневно один перерыв продолжительностью в полчаса.

Румынский Трудовой Кодекс (ст. 92) устанавливает помимо общих перерывов дополнительные перерывы для кормления ребенка. Продолжительность и точные сроки перерывов определяются правилами трудового распорядка, причем промежутки между перерывами не могут превышать трех с половиной часов, а продолжительность кормления не должна превышать полчаса.

V. Право на обеспечение по социальному страхованию

Во всех европейских странах народной демократии непрерывно растет реальная заработная плата рабочих и служащих, увеличиваются доходы трудящихся крестьян, систематически снижаются цены на товары массового потребления.

Постоянная забота народно-демократических государств о повышении материального и культурного уровня трудящихся находит одно из своих ярких выражений в закрепленном и гарантированном конституциями стран народной демократии праве граждан на материальное обеспечение по социальному страхованию.

Так, Конституция Польской Народной Республики устанавливает:

«Ст. 60. 1. Граждане Польской Народной Республики имеют право на охрану здоровья и на помощь в случае болезни или потери трудоспособности.

2. Все более широкому осуществлению этого права служат:

1) развитие социального страхования рабочих и служащих в случае болезни, старости или нетрудоспособности, а также развитие различных форм социального обеспечения;

2) развитие организуемой государством охраны здоровья населения, расширение сети санитарных учреждений и подъем работ по оздоровлению города и деревни; постоянное улучшение условий безопасности, охраны и гигиены труда, широкие мероприятия по предупреждению болезней и борьбе с ними, все более широкое предоставление бесплатной врачебной помощи; расширение сети больниц, санаториев, амбулаторий, сельских лечебных пунктов; забота об инвалидах».

Женщинам в странах народной демократии предоставлены равные с мужчиной права на обеспечение по социальному страхованию, как-то: право на пособия по временной нетрудоспособности (болезнь, увечье, роды, уход за больным членом семьи, погребение), на пенсию по инвалидности, старости, по случаю потери кормильца и т. д.

Однако при обеспечении женщин за счет средств социального страхования в ряде случаев им предоставляются льготы. Так, при пенсионном обеспечении для женщин требуется меньший стаж работы, чем для мужчин, и меньший возраст.

Например, Кодекс о труде Болгарии (ст. 174) право на пенсию по старости предоставляет работающим в отраслях хозяйства, отнесенным к I категории, женщинам и мужчинам, достигшим 50-летнего возраста, имеющим 15 лет общего трудового стажа; ко II категории — 20-летний стаж для женщин, достигших 50-летнего возраста, и мужчин, достигших 55 лет; к III категории — 25-летний стаж для женщин, достигших 55 лет, и для мужчин 60-летнего возраста.

В связи с тем, что на самые тяжелые, подземные, подводные и вредные для здоровья работы женщины либо вовсе не привлекаются, либо привлекаются в незначительном количестве, а в основном они заняты на

работах, отнесенных к III категории, то там и предоставляются женщинам льготы по возрасту при обеспечении пенсиями по старости.

Право на пенсию по инвалидности от общих заболеваний Кодекс о труде Болгарии (ст. 165) ставит в зависимость от стажа работы и возраста, в большинстве случаев меньших для женщин, чем для мужчин.

Так, право на пенсию по инвалидности от общих заболеваний в возрасте от 20 до 22 лет возникает при наличии стажа для мужчин — 3 года, для женщин — 2 года; от 25 до 30 лет — соответственно 6 и 4; от 40 до 45 лет — 12 и 9; от 50 до 55 лет — 16 и 13; от 55 до 60 лет — 18 и 14.

Законодательством стран народной демократии предусмотрены для женщин отдельные виды обеспечения за счет средств социального страхования, а именно: выплата пособий по беременности и родам, по уходу за заболевшим ребенком, пособий на рождение ребенка.

Следует особо рассмотреть специальные нормы трудового законодательства стран народной демократии об оплате отпусков по беременности и родам, а также и выплате пособий на рождение и кормление ребенка.

Сверх ежегодного отпуска для беременных женщин устанавливается специальный отпуск по беременности и родам. Продолжительность такого отпуска неодинакова в различных странах народной демократии. Так, в Болгарии продолжительность отпуска по беременности и родам устанавливается в 90 дней: 30 дней до родов и 60 дней после родов.

При ненормальных родах или рождении близнецов этот отпуск увеличивается до 100 дней (ст. 60 КоТ).

В Венгрии отпуск по беременности и родам предоставляется продолжительностью 12 недель. Дородовой и послеродовой отпуска предоставляются на одинаковые сроки, т. е. по 6 недель. Однако по предложению врача может быть и другое распределение отпуска. В случае же ненормальных родов отпуск после родов по предложению врача может быть продлен еще на 4 недели (§ 97 КоТ).

В Румынии беременным женщинам предоставляется отпуск на 35 дней до родов и 45 дней после родов, послеродовой отпуск по предписанию врача может быть продлен до 55 дней (ст. 89 ТК).

В Чехословакии отпуск по беременности и родам устанавливается продолжительностью в 18 недель. Предоставление таких длительных отпусков по беременности и родам объясняется прежде всего тем, что на старых предприятиях, где работает основная масса женщин (как хлопчатобумажные, текстильные фабрики и т. д.), еще не проведены полностью необходимые мероприятия по механизации, электрификации, рационализации процессов производства, облегчающих труд женщин. Законодательство всех народно-демократических государств предусматривает выплату женщине за время отпуска по беременности и родам пособий за счет средств социального страхования, хотя оно и различно.

Однако характерным для законодательства всех стран народной демократии является требование очень короткого стажа непрерывной работы для возникновения у женщин права на пособие по беременности и родам.

Так, Кодекс о труде Болгарии (ст. 155) для возникновения у женщины права на пособие по беременности и родам требует стаж непрерывной работы в одном и том же предприятии, учреждении, организации не менее *пяти месяцев*.

В Румынии право на пособие по беременности и родам возникает *у застрахованных женщин, проработавших непрерывно не менее 3 месяцев*.

При обеспечении пособиями по беременности и родам законодатель-

ство стран народной демократии исходит из принципа возмещения полного заработка, но в более высоких размерах в сравнении с размером пособий по временной нетрудоспособности, ибо требование стажа в данном случае значительно ниже.

Пособия по беременности и родам женщинам — *членам профсоюза в Болгарии* выплачиваются в следующих размерах (ст. 157 Кодекса о труде):

1) В размере 100% трудового вознаграждения за все время отпуска по беременности и родам имеющим общий трудовой стаж не менее 3 лет, из которых не менее 2 лет непрерывного трудового стажа в одном и том же предприятии, учреждении или организации.

2) В размере 75% трудового вознаграждения за первые 30 календарных дней отпуска по беременности и родам, а за остальные дни в полном размере проработавшим непрерывно *не менее 2 лет,* но не имеющим 3-летнего общего стажа работы.

3) В размере 65% трудового вознаграждения за все время отпуска по беременности и родам, проработавшим непрерывно не менее 5 месяцев.

При выплате пособий по беременности и родам требование стажа значительно понижается для ударниц, орденоносцев и др.

Так, в размере 100% трудового вознаграждения получают пособие по беременности и родам члены профсоюза — *ударницы* с общим трудовым стажем *не менее одного года работы;* женщины-орденоносцы Народной Республики Болгарии или партизанки — независимо от непрерывного и общего стажа работы; женщины, родившие ребенка до 18-летнего возраста,— независимо от их трудового стажа.

Некоторые льготы при обеспечении пособиями по беременности и родам установлены для женщин, работающих в горной промышленности, на строительстве, машинистами или кочегарами на транспорте.

Так, пособие по беременности и родам выплачивается в размере 75% трудового вознаграждения работницам — членам профсоюза, принадлежащим к горнорабочим, паровозным или строительным работникам с непрерывным трудовым стажем не менее одного года.

Женщинам, не состоящим членами профсоюза, но имеющим право на пособие по беременности и родам, это пособие выплачивается в размере 50% трудового вознаграждения за все время.

Это положение не распространяется, однако, на тех женщин, которые по характеру своей работы не могут быть членами профсоюза (ст. 158 КоТ Болгарии).

В румынском законодательстве при назначении пособий по беременности и родам проводилась дифференциация в зависимости от сектора хозяйства. Пособия по беременности и родам женщинам, занятым на работе в социалистическом секторе, членам профсоюза, выплачиваются:

I. В размере 100% средней заработной платы:

а) особенно отличившимся работницам и женщинам-служащим, изобретателям и новаторам, чьи изобретения и новаторства принесли значительные улучшения производству, если они признаны таковыми ЦК соответствующих объединений профсоюзов, *независимо от стажа* (но при наличии 3-месячного непрерывного стажа, дающего право на получение такового пособия);

б) работающим на подземных работах и имеющим не менее 6-месячного стажа *в данном предприятии;*

в) работающим на паровозе со стажем *не менее 6 месяцев* на железной дороге;

г) работающим на тракторах со стажем не менее 6 месяцев в данном предприятии и выполнившим норму выработки за последний сезон;

д) постоянным работницам и женщинам-служащим, *проработавшим непрерывно* в данном предприятии или учреждении не менее 2 лет и имеющим общий трудовой стаж не менее 3 лет.

II. В размере 75% средней заработной платы:

а) постоянным работницам и женщинам-служащим, имеющим *непрерывный* стаж в данном предприятии или учреждении *не менее 3 месяцев и общий трудовой стаж* не менее *одного года* или непрерывный стаж в данном предприятии или учреждении не менее 6 месяцев;

б) сезонным и временным работницам и женщинам-служащим, имеющим общий трудовой стаж не менее 10 месяцев в течение последних 12 месяцев.

Пособие по беременности и родам для работниц и женщин-служащих частного сектора — членов профсоюза выплачивается в размере 75% среднего заработка:

а) постоянной работнице и служащей — при непрерывном трудовом стаже не менее 12 месяцев;

б) домашней работнице, работающей в одном месте не менее 6 месяцев, или при *непрерывном рабочем трудовом стаже не менее 12 месяцев.*

Женщины, не состоящие членами профсоюза, как в социалистическом секторе, так и в частном получают пособие по беременности и родам в половинном размере.

В том, что для женщин, занятых на подземных работах и в других местах с тяжелыми условиями труда, размеры обеспечения по беременности и родам определяются в зависимости от зарплаты уходящей в отпуск женщины и стажа ее работы, находит проявление принцип социализма: «От каждого по способности — каждому по труду».

Согласно законодательству стран народной демократии пособие на рождение и кормление ребенка состоит из единовременного пособия на предметы ухода за новорожденным и пособия на кормление ребенка.

Пособие на рождение ребенка выдается, если один из родителей является рабочим, служащим или пенсионером, в следующих случаях:

а) если мать или отец имеют право на пособие, т. е. проработали непрерывно в данном предприятии, учреждении, организации в течение определенного ограниченного срока. Например, в Румынии не менее 3 месяцев, в Болгарии не менее 5 месяцев;

б) если заработная плата родителя, обратившегося за пособием, не превышает определенной суммы.

Так, например, в Румынии пособие на предметы ухода за новорожденным и на кормление ребенка выдается, если месячная тарифная ставка одного из родителей, работающего в государственном секторе, не превышает 9776 лей.

При установлении размеров пособий на предметы ухода за новорожденным в Румынии учитывается отношение к труду.

Так, для особенно отличившихся в государственном секторе работниц и женщин-служащих — изобретателей и новаторов, чьи изобретения или новаторство принесли значительные улучшения производству, если это признано таковым ЦК соответствующих объединений профсоюзов,— в размере 5 тыс. лей.

Для остальных же работниц и женщин-служащих — 3000 лей.

В случае рождения двойни пособие на предметы ухода выдается на каждого ребенка в отдельности.

Большой заботой окружают народно-демократические правительства женщину-мать. Проводятся мероприятия по охране материнства и детства, создается широкая сеть учреждений по материально-бытовому обслуживанию матери и ребенка. С невиданным размахом идет строительство детских яслей, детских садов, оказывающих огромную помощь матери в воспитании детей, что позволяет женщине активно участвовать в строительстве социализма.

Если в старой Польше было 35 детских яслей, то уже в 1949 г. — 528 яслей. В 1952 г. более чем в 8 тыс. детских садов воспитывалось 360 тыс. детей. В Польше за последние пять лет количество мест в яслях возросло на 96%. На организацию летнего отдыха детей в 1951 г. было затрачено 250 миллионов злотых. В санаториях и летних лагерях провели каникулы более миллиона детей.

В Венгрии к концу II квартала 1953 г. число мест в постоянных детских яслях было больше на 2900, а в сезонных на 2800, чем в 1952 г. До 1954 г. число мест в детских яслях будет повышено по сравнению с 1953 годом почти вдвое. Число мест в детских садах должно быть повышено с 84 тыс. до 119 тыс.

В Румынской Народной Республике во всех крупных центрах страны имеются детские ясли, детские сады. Количество мест в детских яслях увеличилось в 1953 году в 6 раз, а в детских садах — больше чем в 7 раз по сравнению с 1948 годом [1].

В Болгарии для детей рабочих и крестьян создано 5216 детских сада (в 1939 г. их было всего лишь 254), большинство из них организовано в селах на летнее время, когда взрослое население занято на полевых работах. В садах воспитывается 253 тыс. детей.

В 1952 г. в пионерских лагерях побывало 100 тыс. детей трудящихся, а в 1953 г. более чем в 600 лагерях провели каникулы 126,7 тыс. ребят [2].

В пионерских лагерях Албании в летние каникулы 1951 г. отдыхало около 7200 детей рабочих и служащих.

Женщинам стран народной демократии, как и всем гражданам, предоставляется за счет государства амбулаторная и больничная помощь, врачебная консультация во время беременности, после родов и помощь роженицам.

На службу материнству и детству в странах народной демократии поставлена обширная сеть лечебных и профилактических учреждений.

Если в 1939 году в селах и деревнях Болгарии не было ни одного родильного дома, то в 1953 г. в сельской местности их насчитывалось более 640 [3].

Во всех городах и многих селах Болгарии созданы детские поликлиники, больницы, институты воспитания и гигиены ребенка,— таких учреждений буржуазно-помещичья Болгария не имела.

За пятилетку в Венгрии будет создано 43 родильных дома в уездных центрах [4].

---

[1] «За прочный мир, за народную демократию!», 4 июня 1954 г.

[2] «Московская правда», 27 мая 1953 г.; «За прочный мир, за народную демократию!», 29 июня 1953 г.

[3] «Правда», 27 июня 1953 г.

[4] «Правда», 13 апреля 1952 г.

В Румынии в 1951 г. в селах было создано 320 пунктов медицинской помощи, 35 детских диспансеров, 127 родильных домов [1].

В городах появились детские больницы, количество детских врачей увеличилось втрое.

В Албании создано 97 консультаций (в 1938 г. не было ни одной консультации), около 100 родильных домов и отделений в больницах (в 1938 г. был лишь один роддом), из них 78 в сельской местности, десятки детских яслей и садов в городах и сельских кооперативах [2].

Государства стран народной демократии, опираясь на опыт Советского Союза, неустанно заботятся о подъеме культурно-политического уровня женщин, направляя их на путь активного участия в строительстве социалистического общества. Практические мероприятия этих государств в области здравоохранения и образования, забота о матери и ребенке, об охране женского труда, предоставление женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование, отпусков с сохранением содержания при беременности, создание широкой сети родильных домов, детских яслей и садов позволяют женщине стать активной участницей хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни страны.

---

[1] «Правда», 13 апреля 1952 г.

[2] «За прочный мир, за народную демократию!», 29 февраля 1952 г.; «Московская правда», 31 мая 1953 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. А. Кригер. О понятии хищения социалистической собственности по советскому уголовному законодательству 3

Б. М. Леонтьев. Лица, ответственные за выпуск недоброкачественной продукции 25

А. М. Белякова. Вопросы ответственности железных дорог по договору перевозки грузов в практике Верховного Суда СССР 37

А. Ф. Клейнман. Краткий очерк гражданского процесса европейских государств народной демократии 51

А. А. Абрамова. Некоторые вопросы правового регулирования труда женщин в европейских странах народной демократии 83

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ, ВЫП. 168
ТРУДЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА.
КНИГА СЕДЬМАЯ

* * *

Редактор *Н. П. Бобрик*
Техн. редактор *И. А. Моторина*

* * *

Сдано в производство 20/I 1954 г.
Подписано к печати 24/VIII 1954 г.

Формат бумаги 70×108/16.
Печ. л. 6,5=8,9. Бум. л. 3,25
Уч.-изд. л. 8,5

Тираж 2800

Т—06312

Издат. № 313. Заказ 203.

Цена 7 р. 65 к.

Издательство Московского университета.
Москва, Ленинские горы

Типография издательства МГУ. Москва, Моховая, 9

THE LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LOS ANGE

UNIVERSITY OF CALIFORNIA-LOS ANGELES
L 010 452 672 8

Цена 7 р. 65 к.